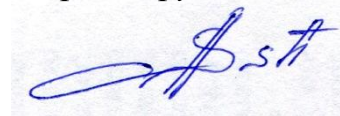

НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК ТАДЖИКИСТАНА
КАФЕДРА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

На правах рукописи

АНОЯТШОЕВ САНАВБАР МУБОРАКШОЕВИЧ

ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЛЕКСИКИ
ЛЕКАРСТВЕННЫХ РАСТЕНИЙ ЯЗЫКОВ
БАДАХШАНСКОГО АРЕАЛА

Специаальность: 10.02.19 - Теория языка

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор Парвонахон Джамshedов

Душанбе - 2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА I. Теоретическое обоснование анализа терминологии лекарственных растений в разносистемных языках	19
1.1. Теоретические предпосылки изучения термина	19
1.2. Культурные лекарственные растения шугнанского языка	27
Выводы по 1 главе	66
ГЛАВА II. Этнолингвистический анализ фитонимической лексики в разноструктурных языках	69
2.1. Этнолингвистический анализ некоторых культурных растений	69
2.2. Лексика лекарственных растений, относящихся к плодовым фруктовым деревьям.	87
2.3. Семантический способ терминообразования лекарственных растений	95
2.4. Семантический и сравнительный анализ лексики лекарственных растений в языках различного строя	103
2.5. Сопоставительный анализ фитонимической лексики цвета в разноструктурных языках	116
2.6. Синонимия в современной лексике лекарственных растений в рассматриваемых языках	126
Выводы по II главе	131
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	136
БИБЛИОГРАФИЯ	142

ВВЕДЕНИЕ

Общность языков бадахшанского ареала и этнографическое единообразие при бадахшанских народностях позволяют провести детальное изучение лекарственной лексики этого региона. Подавляющее большинство бадахшанского ареала терминов лекарственных растений в силу одинаковых приемов ведения хозяйства имеют соответствия во всех памирских языках, причем семантическое содержание и круг значений, охватываемый этими соответствиями, в большинстве случаев идентичны или, по крайней мере, сходны и могут быть сопоставлены. Содержание настоящего исследования составляет анализ лексики лекарственных растений в бадахшанских и других языках. В результате такого анализа можно установить лексические связи между отдельными памирскими языками, а также выяснить, какая часть рассматриваемой лексики является общей для всех языков бадахшанского ареала и восходит к древнеиранскому корню, а какая относится к более позднему времени. Для уточнения некоторых положений привлекаем английский язык из числа индоевропейских языков. Выбор для подобного исследования названий растений оправдан, с одной стороны, тем, что это лексика номинативна по своей природе, тесно связана с реальной действительностью и отличается определенной терминологичностью [Меркулова, 1965, 102, с.72], то есть предмет исследования и его содержание достаточно четко ограничены. С другой стороны, именно названия растений привлекаются в первую очередь в этнолингвистическом аспекте для решения этногенетических проблем [Friedrich, 1970, 175, с.65]. Так, с названий растений начинается последний просмотр гипотез локализации прародины народов, говорящих на индоевропейских языках [Гамкрелидзе - Иванов, 1980, 52, с.8]. Анализ и исследование лексики бадахшанского ареала языков проводились и ранее, однако исследователи ограничивались небольшими выборочными списками наиболее обиходных слов, приводившимся, как правило, для иллюстрации тех или иных историко-фонетических

корреспонденций [Пахалина, 1969, 120, с.49]; [1975 б, 121, с.228-230]. Наиболее полное исследование проведено академиком И.М. Стеблин-Каменским И.М. Стеблин-Каменский, 1982. В.С.Соколовой было проведено сопоставление язгулямской и шугнано-рушанской лексики в списке из ста слов, применяемых в глотохронологии, на основании которых давность на расхождения язгулямо-шугнанской общности была определена ею примерно в 1300-1400 лет [Соколова, 1967, 140, с.121-123]. Правоверность применения методов глотохронологии для разных языков справедливо подвергается критике, в частности, так как эти методы не всегда учитывают хозяйственную специфику лексики соответствующих языков. Например, для языков бадахшанского ареала слово “сало” [Соколова, 1967, 140, с.122] гораздо менее актуально, чем «сушеный навоз» или «толченный навоз». Объединение языков по лексическим признакам не доказательно лишь в том случае, когда оно проводится по произвольно выбранным или случайно привлечшим внимание исследователя словам. Так, не вполне доказательной оказалась попытка Г.Бэйли объединить по лексическим признакам в одну группу хорезмийский, согдийский, осетинский, хотаносакский и афганский языки [Оранский, 1979, 116, с.125] именно потому, что отбор слов был малообоснован: некоторые слова оказались свойственны и западноиранским языкам [Henning, 1958, 179, с.109]. Как показывает опыт, метод отбора списков избранных слов очень нагляден, но доказательность его без статистических расчетов и выявления процентного соотношения – невелика, в конце концов, родственные языки всегда имеют в лексике и схождения, и расхождения. Для языков бадахшанского ареала следует учитывать еще и то обстоятельство, что сравниваемые языки исследованы не в равной степени и обладают весьма различными по объему фондами исконной лексики, что отчасти связано и с несопоставимым для каждого из них влиянием соседних контактирующих языков и диалектов. Названия лекарственных растений принадлежат по большей части к числу слов культурного круга или так называемых «культурных слов». Эти слова относятся к лексике языка,

связанной с явлениями культуры, которым, как известно, свойственно распространяться из одной страны в другую. «Культурное слово» легко может заимствоваться и переходить из одного языка в другой язык, как бы следуя за вещами, предметом и попадает всюду, куда проникает называемый им предмет. Культурные растения, заимствуемые из одной области в другую, также часто переходят вместе со своими названиями. Исследование происхождения культурных слов и путей их проникновения в тот или иной язык имеет большое значение для изучения истории культуры народов, говорящих на этих языках. Следует отметить, что состав высеваемых сельскохозяйственных культур в различных регионах Припамирья существенно меняется в зависимости от высоты и климата местности, например, в низовьях больших памирских рек, притоков Пянджа, в узких, защищенных от ветра, горных долинах с многоснежной зимой на высоте менее 2 тыс. м., созревает виноград и можно возделывать хлопок. В верховьях же тех рек, на высоте свыше 3 тыс. м. особенно там, куда проникают ледяные ветры с восточного Памира, абрикос плодоносит не каждый год, и даже неприхотливый ячмень вызревает плохо и годится только на корм скоту. Вот как описывает Н.И. Вавилов земледелие в Мунджане: «...огородных растений нет. Ячмень, пшеница, рожь, горох, сурепка, «*Ervum ervilia*» - вот полный перечень культур у пределов земледелия. Севооборот: пшеница, горох, ячмень, пара нет, но каждый год вносят удобрение ...» [Вавилов.; Букинич, 1929, 46, с.14]. В высокогорном Ягнобе, по словам М.С.Андреева, «помимо названных трёх растений – ячменя, гороха и пшеницы, ... решительно больше ничего не сеют ...» [Андреев, 1970, 12, с.54]. Интересно сопоставить эти данные с сообщениями раннесредневековых китайских хроник о Вахане: «...климат холодный. Земля... повсюду покрыта песками и камнями. Родятся бобы и пшеница. Почва хороша для плодовых деревьев ...» [Бичурин, 1950, Т-II, 42, с.325]. Известно, что лексика, преимущественно ее основной словарный фонд, подвержена разнообразным изменениям. Эта особенность привлекает к себе

внимание исследователей, поскольку может дать богатый материал, способный пролить свет на становление и развитие языка, свидетельствовать о контактах между носителями как родственных, так и неродственных языков, что в свою очередь, имеет немаловажное значение для разработки вопросов истории носителей того или иного языка. Изучение отраслевой лексики в целом воссоздаст картину мира носителей шугнанского языка, а также откроет основные параметры, характеризующие их материальную и духовную культуру.

Актуальность темы диссертации обоснована недостаточной изученностью лексики лекарственных растений языков Бадахшанского ареала с привлечением материалов английского языка на материале шугнанского языка. Несмотря на общепризнанную в иранистике неотложность изучения отраслевой лексики в конкретных языках, в том числе в диалектах и говорах, до последнего времени такие монографические исследования отсутствовали. До сих пор богатый пласт фитонимической лексики, представленный в шугнанском языке, оставался вне поля зрения исследователей. В связи с этим, сбор, фиксация и анализ фитонимической лексики имеют важное научное и практическое значение, особенно в развитии теории и практики шугнанского языка. Необходимо отметить и то, что территория компактного проживания шугнанцев всегда отличалась земледелием, но не очень богатой флорой. Были распространены садоводство и огородничество, бахчиводство, овцеводство и скотоводство. Такое разнообразие хозяйственных и других отраслей, естественно, нашло отражение и в шугнанском языке. Следующий фактор, подчеркивающий необходимость изучения лексики народной медицины - это исчезновение из сферы употребления многих лексических единиц вследствие социального развития и сохранения языка на устном уровне.

Особенность лексики этномедицины в шугнанском языке, как объекта синхронного и этнолингвистического исследования, заключается в следующем:

- в наличии лексических единиц, называющих болезнь, способы и подходы их лечения и представления, связанные с этой сферой жизни;
- отсутствии письменности на языке и вследствие этого отсутствие научной фиксации лексики народной медицины;
- все большие ограничения в употреблении, в связи с развитием современной научной медицины и изменением круга представлений о данном вопросе.

Объектом исследования является лексика лекарственных растений шугнанского бесписьменного языка.

Предметом исследования является лексика лекарственных растений, термины, связанные с земледелием и растениеводством обозначающие названия сельскохозяйственных культур в шугнанском языке.

Цель и задачи исследования. Цель настоящего диссертационного исследования - дать подробную характеристику богатой и разнообразной фитонимической (земледельческой и растениеводческой) лексики в шугнанском языке на современном этапе его развития.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих **задач**:

- собрать и фиксировать фитонимическую лексику шугнанского языка;
- классифицировать фитонимическую лексику по лексико - тематическим группам;
- классифицировать фитонимической лексику исследуемого языка в плане её происхождения;
- семантический анализ фитонимических терминов;
- выявить фонетико - морфологическую и лексико-семантическую особенность фитонимической лексики шугнанского языка.

Научная новизна исследования заключается в том, что лексика лекарственных растений впервые рассматривается в шугнанском языке в монографическом плане как отраслевая лексика, включая её территориальные разновидности; представляет собой первый опыт исследования фитонимов шугнанского и английского языков. Введено в

научный оборот большое количество лексики и терминов, относящиеся к пласту лекарственных и растениеводческой лексики одной из бесписьменных языков восточно-иранской группы. Выделены предметно - тематические группы в словообразовательной системе, закономерности функционирования и взаимоотношения словарных единиц. А также проведена аналитическая работа с целью выявления языковых особенностей фитонимической лексики с точки зрения её происхождения. С этой целью нами выбран английский язык. В работе прослеживается связь языка с культурой, историей и образом жизни шугнанцев, так как многие термины находятся в тесной связи с этнографией. Рассматриваются лекарственные растения, процессы, связанные с подбором семян, посадкой, выращиванием, уборкой, хранением и подготовкой к употреблению этих культур. В научный оборот введен материал, отражающий результаты полевых изысканий, малоизвестных и постепенно подвергавшихся забвению лексических изысканий по шугнанскому языку.

Степень разработанности темы. Специальные монографические исследования по фитонимической лексике шугнанского языка до настоящего времени не проводились. В научных публикациях (статьях и тезисах) затронуты лишь отдельные вопросы отраслевой лексики, материал фрагментарно привлекался в сравнительно - сопоставительных исследованиях по другим языкам. Интерес к изучению нашел свое отражение в многочисленных исследованиях российских и таджикских авторов, таких как Стеблин-Каменский., Арьянова В.Г., Гурский А.В., Остапович Л.Ф., Баранов, П.А.; Райкова И., Вавилов Н.И., Бахтеев Ф.Х., Мухиддинов И., Юсуф Нуралӣ., Саидҷон Нодиров., Наврузшоев А., Мухаммадшерзодшоев Ш., Джонбобоев Н. и другие.

Основные положения, выносимые на защиту:

- синхронной состояния шугнанской лексики лекарственных растений;
- семантические особенности лексики лекарственных растений шугнанского языка;
- этимологический анализ некоторых названий лекарственных растений;

- описаны общие закономерности образования номинативных единиц,
 - выявление взаимодействия мышления, языка и действительности в данных лексических единицах;
 - отражение лексики лекарственных растений шугнанского языка в народной медицины;
 - лексика лекарственных растений в фольклоре и паремий;
- лингвокультурологический анализ лексики лекарственных растений в шугнанском и других памирских языках.

Методологическая основа исследования определяется важностью изучения лексики шугнанского языка, особенно его словарного фонда лекарственной лексики, актуальностью сохранения и развития лексического богатства, необходимостью выявления взаимосвязи и взаимоотношения языка с другими ареальными единицами. Научной базой исследования послужили труды отечественных и зарубежных исследователей, посвященные проблемам отраслевой лексики иранских языков. При рассмотрении как общих, так и частных вопросов, касающихся лекарственной лексики исследуемого языка автор также исходит от теоретических положений, выдвинутых в трудах Мейлановой У.А., Ибрагимова Г.Х., Толибова Б.Б., Загирова В.М., Шалбузова К.Т., Ганиевой Ф.А., Гаруновой К.И., Халилова М.Ш., Темирбулатовой С.М., Мамаевой М., И.М. Стеблин-Каменского, Д. Карамшоева, Р.Х. Додихудова, Т.Н. Пахалина, Т.Бахтибекова, Н.Шакармамадова, Гасановой А.М., Шейхова Э.М., Абдулхамедовой П. Насриддиншоева С. и др.

Теоретическая значимость исследования определяется его объектом, предметом, актуальностью научной новизной исследования результаты исследования лекарственных растений шугнанского языка могут быть использованы при уточнении различных вопросов лексикологии не только шугнанского, но и других языков. В этом плане особую ценность представляют выводы, полученные в результате всестороннего исследования

лекарственной лексики, в том числе растениеводческой терминологии в шугнанском языке.

Методы исследования. В работе применяется этнолингвистический метод при анализе специфических чертов. Основным методом является описательный метод, а именно: описание этномедицинской лексики. При сборе материала применялся метод интервьюирования анкетирования.

Практическая значимость работы состоит, в возможности использования полученных результатов в создании описательных грамматик; методологические данные работы могут быть применены при изучении аналогичных вопросов в других памирских и шире - иранских языках. Полученные результаты и положения работы могут быть использованы в лексикологии и лексикографии иранских языков. Лексический материал памирских языков, представленный в работе, может быть введен в оборот компаративистских исследований широким кругом лингвистов-индоевропейцев. Практическая значимость работы также состоит в возможности использования материалов и полученных выводов при составлении лекций и учебных пособий, на спецкурсах и спецсеминарах по лексикологии, этнолингвистике, фольклору и этнографии памирских народов. Материалы исследования могут быть полезны при составлении сводных переводных, этимологических и этнолингвистических словарей.

Личный вклад соискателя. диссертанта является сбор языкового материала, лингво этнологический анализ и классификация лекарственных растений шугнанского языка. Основные результаты исследований, представленные в диссертационной работе, получены лично автором при его непосредственном участии в сборе материала лексики лекарственных растений языков Бадахшанского ареала. Им лично проведены интервью с жителями Гундкого района, Шахдаринского района, города Хорога.

Диссертационная работа является первым в таджикской лингвистике обобщающим исследованием этнолингвистического анализа лексики

лекарственных растений языков Бадахшанского ареала с привлечением материалов английского языка, собран, зафиксирован и самостоятельно классифицирована фитонимическая лексика шугнанского языка по тематическим группам, выявлены и охарактеризованы источники происхождения данной лексики. В процессе работы был изучен, систематизирован и проанализирован обширный фактический материал, который ранее не был введен в научный оборот.

Выбор источников языкового материала обоснован важностью изучения Шугнанского языка, особенно его словарного фонда лекарственной лексики, актуальностью сохранения и развития лексического богатства, а также необходимостью выявить взаимосвязь и взаимоотношение языка с другими ареальными единицами.

Эмпирической базой исследования послужили труды отечественных и зарубежных исследователей, посвященные проблемам отраслевой лексики иранских языков. При рассмотрении как общих, так и частных вопросов, касающихся лекарственной лексики исследуемого языка автор также исходит из теоретических положений, выдвинутых в трудах У.А. Мейлановой, Г.Х. Ибрагимова, Б.Б. Толибова, В.М. Загирова, К.Т. Шалбузова, Ф.А. Ганиевой, К.И. Гаруновой, М.Ш. Халилова, С.М. Темирбулатовой, М.Ц. Мамаевой, И.М. Стеблин-Каменского, Д. Карамшоева, Р.Х. Додихудоева, Т.Н. Пахалина, Т. Бахтибекова, Н. Шакармамадова, А.М. Гасановой, Э.М. Шейхова и др.

До 30-х годов XX века шугнанский язык считается бесписьменным, однако «в начале 30-х годов 20 в. была создана письменность на основе латинской графики. Базой литературного языка послужил повествовательный стиль. Однако эта письменность не получила распространения, и единая наддиалектная норма не была выработана» [2000, №164. с.226].

Позже, в 90-х годах в данном вопросе наблюдается заметное продвижение: были изданы несколько учебников на основе кириллицы, в

местной прессе опубликованы образцы из творчества шугнаноязычных поэтов, арсенал пополнили сборники стихов поэтов, («Гулгунча», Нодир Шанбезода) – все это сыграло большую роль в возрождении и развитии шугнаноязычной художественной литературы.

Примечательно появление первого драматического произведения на шугнанском языке шугнаноязычного поэта Ато Мирходжи «Золотой кишлак», написанная на основе сюжета одноименной поэмы Народного поэта Таджикистана, шугнанца по происхождению - Мирсаида Миршакара.

В 1990-1991 годах спектакль шел на сцене Хорогского театра музыкальной драмы и комедии имени М. Назарова и имел большой успех, так как реплики звучали на сцене на шугнанском и рушанском языках.

В следующей пьесе А. Мирходжи «Барзуи шугнони» («Барзу шугнанский») диалоги героев также написаны на шугнанском языке. В 2000 году на сцене областного театра прошел спектакль по пьесе К. Гольдони «Слуга двух господ», диалоги которого тоже звучали на шугнанском языке. Эти события имели большой резонанс в культурной жизни всей области и внесли определенный вклад в развитие литературного шугнанского языка. В последующие годы культурных явлений подобного рода, которые могли бы продолжить развитию литературного языка, не наблюдалось.

Языком обучения в школах, где обучаются шугнанские дети, является государственный язык Республики Таджикистан - таджикский язык.

Если обозначить языковую территориальность, то в шугнанском языке выделяют баджувский диалект, на котором говорят жители селения Баджув Рушанского района ГБАО, также шохдаринский и барвазские говоры, бытующие в Шохдаринской долине. Ближайшим родственным языком для шугнанского является рушанский с хуфским диалектом, а также бартангский и рошорвский языки и бытующий на территории Синцизьян-Уйгурского автономного округа Китая сарыкольский язык. Шугнанский язык, благодаря широкой территориальной распространенности и большому числу говорящих на нем, «является вторым, после таджикского - *lingua franca* Памира,

представители всех других памирских языков, особенно те, кто учится и в Хороге, обязательно овладевают шугнанским языком, что не может не увеличивать его удельного веса в общей языковой среде Горно-Бадахшанской автономной области Таджикистана» [64, 12].

В последние годы доминирующее положение шугнанского языка упрочилось вследствие того, что Хорог, где основными жителями являются шугнанцы, стал административным центром для памиро-язычных народов ГБАО.

Шугнанский язык с древних времен привлекал внимание исследователей Памира. Первые научные сведения о шугнанском языке появились в статьях английского ученого - востоковеда Роберта Шоу [1876, 204, 53].

В 80-х годах 19 века русский исследователь Д.Л. Иванов по служебным обязанностям побывал на Памире, во время пребывания им был собран также материал, состоящий из лингвистических и фольклорных образцов шугнанского языка. Материалы были переданы в Академию наук и там они оказались у академика К.Г. Залемана, известного русского ираниста. Академик К. Г.Залеман осуществил лингвистический анализ материала и на основании этих записей составил первый русско-шугнанский словарь под названием «Шугнанский словарь Д. Л.Иванова», который стал первым научным трудом по шугнанской лексике [1895, 70, 14]. Так был заложен фундамент дальнейшего изучения шугнанского языка русскими исследователями.

В конце 90-х годов 19 века вышел грамматический очерк шугнанского языка немецкого востоковеда В. Гейгера, в котором автор обратился к некоторым проблемам шугнанской грамматики. [178, 49]

Норвежский иранист Г. Моргенстьерне, являющийся одним из основоположников научного изучения зарубежных памирских языков, еще в 30-е годы прошлого века начал публикацию цикла статей по шугнанскому языку [№-189; 192; 193].

Основоположником памироведения в советское время по праву считается И.И Зарубин. Заслуга профессора И.И Зарубина не только в том, что он занимался исследованием почти всех памирских языков, но и в том, что, уделяя большое внимание подготовке кадров, он создал памироведческую школу совместно с центрами в Москве, Ленинграде и Душанбе. Отмечено, что несколько работ Зарубина посвящены шугнанскому языку. Еще в первых статьях, представляющих интерес в фольклорно-этнографическом плане лингвистическая сторона представлена шугнанскими терминами описанных отраслей [75, 173]. В 1960 году вышла книга И. И. Зарубина «Шугнанские тексты и словарь», в которую вошли 8 шугнанских текстов с русским переводом, в разделе "Словарь" приведено большое количество лексических единиц, неопубликованных ранее.

Исследования по сравнительно-историческому освещению лексикологии памирских языков связаны с деятельностью известного ученого, ученицы И.И. Зарубина, представителя московской школы памироведения Д.И Эдельман. В ее многочисленных работах исследуются проблемы истории становления лексической, фонологической и грамматической системы памирских языков [160, 1968; 162, 1987; 163, 1990].

Изучению лексики памирских языков с точки зрения сочетания лингвистического принципа с этнографической интерпретацией и их историко-сравнительному аспекту посвящена работа И.М.Стеблин-Каменского «Очерки по истории лексики памирских языков. Названия культурных растений» [142, 1982].

Одним из первых, кто в Таджикистане, из числа носителей языка занялся исследованием шугнанского языка, стал профессор Р.Х. Додыхудоев [65], в работах которого, в основном рассматривались вопросы памирской топонимики и этимологии в аспекте сравнительно-исторического языкознания [64].

Первым опытом сравнительного изучения морфологического выражения рода во всех языках и диалектах шугнано-рушанской группы

стало исследование Д. Карамшоева «Категория рода в памирских языках» [90]. Большим вкладом в изучение лексикографии шугнанского языка стал выпуск трехтомного труда «Шугнанско-русского словаря», составленного профессором Д.Карамшоевым [87; 88]. В 2005 году был выпущен «Русско-шугнанский словарь», представленный как 4 том вышеназванного трехтомника [94].

Первые научные публикации по фразеологии шугнанского языка принадлежат С. В. Хушеновой. В ее работах рассматриваются вопросы структурных характеристик и отличительных особенностей шугнанских фразеологических единиц [№149; 150]. Результаты исследования грамматики шугнанского языка были напечатаны в монографии Т. Бахтибекова «Грамматика шугнанского языка» [40].

Основа глагола шугнанского языка как определяющего элемента в истории глагольной системы исследуется в монографии Л. Додыхудоевой "Шугнанский глагол в историческом освещении" [66, 1988]. Исследования по вопросам именного словообразования в шугнано - рушанской группе языков были проведены З.Миршакаровой [107]. Синхронному анализу системы местоимений шугнанского языка посвящена монография М. Аламшоева [3].

В 1998 году была издана работа Ш.Юсуфбекова «Дейктичность в языках шугнано-рушанской группы: семантико-прагматические аспекты», которая стала первым исследованием по семантике и прагматике дейктических слов, связанных с указанием на пространство и время и относящихся к разным грамматическим категориям [167].

Первым опытом исследования с современных позиций стала научная работа Ш.Мирзоева по проблеме классификации и функционирования в лексике шугнанского языка слов-синонимов, как принадлежащих к исконному шугнанскому фонду, так и возникших в лексике в результате лексических заимствований из других языков [106].

Научное исследование М. Мамадасламова, завершенное в 1999 году, было посвящено изучению предлогов шугнанского языка [101].

Начало нового столетия ознаменовалось новым подъемом в исследовании шугнанского языка в различных его аспектах. Впервые в истории шугнанской лексикографии М.Аламшоевым был издан "Отраслевой словарь шугнанского языка (животноводство)", где к зафиксированной лексике кроме лексико-семантической интерпретации даются этнографические сведения, что явилось результатом исследований по лексике животноводства в этнолингвистическом и сравнительно-историческом освещении [4].

Изучение топонимики Памира, в том числе шугнанского языка было продолжено в исследовательских работах Н.Офаридаева, А.Насраддиншоева и У. Булбулшоева. В 2002 году была опубликована монография Н.Офаридаева, посвященная ойконимам Горного Бадахшана [117]. Работа Насраддиншоева о микротопонимах Восточного Памира вышла в свет в 2005 году [114]. Исследование У. Булбулшоева посвящена микротопонимам Шохдары [43].

Первым шагом в истории шугнанского языка стало описание арабских заимствований как части лексической системы шугнано-рушанской группы языков и характеристика фонетического, морфологического и семантического освоения арабизмов [59].

Из приведенного обзора литературы видно, что состояние изученности шугнанского языка не одинаково. В частности, все еще вне поле зрения остается изучение лексики разных отраслей, исследование ареальных и этнолингвистических аспектов функционирования шугнанского языка. В последние годы по ряду памирских языков появились исследования этнолингвистического характера [103; 4; 112; 113]. В шугнанском языке этнолингвистическому освещению подвергалась лексика животноводства и цветообозначения [4; 79].

Первые сведения о болезнях и средствах их излечения в Шугнани даются в этнографических статьях 20-х годов прошлого столетия [75; 68; 14]. В монографиях этнографов З.Юсуфбековой, Н.Давлатбекова приведены отдельные слова, относящиеся к народной медицине [58; 166]. Однако ни в памирском языкознании в целом, ни шугнанском в частности, не существует полно зафиксированной номенклатуры народных названий, связанных с народной медициной, лишь в исследовании И. Рахими "Язгулямская этнографическая лексика в историческом освещении" одна глава посвящена лексике народной медицины. В этой главе приведены названия около двадцати болезней и наименования их лечения и названия некоторых средств врачевания [131].

Предлагаемая работа является первой попыткой монографического исследования по описанию лексики народной медицины в шугнанском языке в синхронном и этнолингвистическом аспекте. Работа основывается на большом языковом материале, собранном автором в 2001-2005 гг. в местах распространения языка в Поршине, Шохдаринской долине, в селениях Гунтской долины и в городе Хороге и его окрестностях. В ходе сбора материала был собран материал, состоящий из разговорных фраз, легенд, песен, различные фольклорные и этнографические тексты, связанные с темой данного исследования.

Лингвистическими источниками послужили, главным образом, записи автора, собранные во время поездок в город Хорог, селения Шугнанского и Рошткалинского районов ГБАО, их окрестности с 2018 по 2020 год. Основными информантами были уроженцы Шохдаринской долины - Рахмихудоев Гуламад, Аноятшоев Муборакшо, Лаълджуба Мирзохасанов, Каримов Диловаршо, Сиджоатшоев Сулаймоншо, Раджаббеков Махбуб, Аламшоев Мукбилшо, уроженец Гунтской долины Алимшоев Махмад, жители Поршинева и города Хорога - Умед Мухаммадшерзодшоев, Абдулхамедова П. и др. Этнографическими источниками исследования явились также работы Т.С. Лозовской, О.А. Сухаревой, А.Л. Троицкой,

посвященные народной медицине народов Центральной Азии. Данные работы привлекались в связи со сходством некоторых их моментов с памирской этномедициной: болезней, способов их лечения. В ходе исследования были использованы этнографические труды, М.С. Андреева, И.Г. Зарубина и З. Юсуфбековой, где описаны представления о болезнях и способах их лечения. Транскрипция для передачи приводимых слов шугнанского языка используется общепринятая Международной иранистической транскрипцией на латинской основе с добавлением диакритики и нескольких букв из греческого алфавита. Языковой материал подается следующим образом: в начале приводятся примеры шугнанских слов, затем их буквальный перевод, по мере необходимости, в виде дополнительных пояснений, дается этнолингвистическая особенность значимых для народной медицины слов.

Соответствие диссертации паспорту научной специальности.

Диссертация соответствует специальности 10.02.19 - Теория языка. Диссертационное исследование выполнено в соответствии со следующими пунктами паспорта специальности: пункт 2 - формальный аппарат лингвистики классификация как основной инструмент лингвистического описания; 4 - морфология и грамматика, основные проблемы словообразования.

Апробация работы. Отдельные части диссертации были отражены в трёх публикациях, перечисленных в конце работы и в выступлениях автора на научных конференциях. По теме диссертации опубликованы одна монография, четыре статьи, в научных журналах, рекомендуемых в реестре ВАК РФ, и несколько статей в других изданиях. Диссертация обсуждена и рекомендована к защите на заседании кафедры иностранных языков Национальной Академии наук Республики Таджикистан (протокол № 3 от 19. 03. 2019 г.).

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованной литературы.

ГЛАВА I

ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ АНАЛИЗА ТЕРМИНОЛОГИИ ЛЕКАРСТВЕННЫХ РАСТЕНИЙ В РАЗНОСИСТЕМНЫХ ЯЗЫКАХ

1.1. Теоретические предпосылки термина

Термин (от латинского *terminus* - граница, предел) - это слово или словосочетание, которое является названием понятия какой-нибудь области науки, техники, искусства и т.д. Лингвисты дают разные определения данному понятию, но их мнения во многом сходятся. Так, например, Арнольд И. В. термином называет «слово или устойчивое сочетание слов, служащее уточненным наименованием понятия, специфичного для какой-нибудь области знания» [Арнольд И. В. 1966, 20, с.40]. Реформатский А.А. указывает, что «термины должны однозначно называть определенные вещи и явления данной области науки, техники или политики и выражать точно осознанные понятия» [Реформатский А.А. 1947, 133, с.41]. Комарова З.И. считает, что «функция термина - обслуживать специальные области человеческой деятельности: науку, технику, искусство, сельское хозяйство, ремесла, называя конкретные и абстрактные предметы и явления, относящиеся к этим областям» [Комарова З.И. 2012, 96, с.9]. По мнению Головина Б.Н.: «Каждый отдельный термин - это слово или подчинительное словосочетание, имеющее профессиональное значение, формирующее и выражающее профессиональное понятие; применяется термин в процессе (и для) познания и освоения некоторых сторон и «участков» действительности - под углом зрения определенной профессии». [Головина Б.Н. 1976, 54, с.14]. Исходя из этих суждений, можно сделать вывод, что термины существуют не просто в языке, а в составе определенной терминологии. И если в общем языке слово может быть многозначным и нести эмоциональную окраску, то попадая в состав терминологии определенной науки, оно приобретает однозначность и лишается экспрессивности. Реформатский А. А. также отмечает, что «терминам не нужна экспрессивность, эмоциональный тон. Это

чисто интеллектуальные слова. Поэтому обычные слова плохо выполняют роль терминов: они многозначны и экспрессивно окрашены». [133. 41].

Арнольд И. В. называет термины «словами, узуально лишенными эмоциональной окраски». [1966, 20, с.5]. Основным требованием, предъявляемым к термину, является однозначность (моносемантичность). Однако данное требование не всегда выполняется, так как термины могут быть и многозначными. Арнольд И. В. допускает многозначность только в виде исключения, считается, что «многозначность, также, как и омонимия, возможна благодаря существованию в языке различных по структуре и лексическому наполнению моделей сочетания каждого слова с другими словами - благодаря разнообразию возможных сочетаний с ними, именно в зависимости от морфологических и синтаксических способов выражения значения можно различать в структуре многозначного слова лексико - семантические варианты. [1966, 20, с.6].

Так, термины дают наиболее точное, концентрированное и экономное определение научному понятию и служат специализирующими, ограничительными обозначениями характерными для одной сферы предметов, явлений, их свойств и отношений. В отличие от слов общей лексики, которые зачастую многозначны и несут эмоциональную окраску, термины в пределах сферы применения могут быть однозначным и лишены экспрессии. Они существуют в рамках определённой терминологии, то есть входят в конкретную лексическую систему языка, но лишь через посредство конкретной терминологической системы. В отличие от слов общего языка, термины не связаны с контекстом. В пределах данной системы понятий термин в идеале должен быть однозначным, систематичным, стилистически нейтральным. Часто термины и не термины (слова общенародного языка) могут переходить друг в друга, при этом они подчиняются словообразовательным, грамматическим и фонетическим правилам данного языка, создаются путём терминологизации слов общенародного языка, заимствования или калькирования иноязычных термино-элементов. При

таким вхождением слова в терминологию различных предметных областей иногда возникает омонимия: так, например, заимствованное из латыни слово «лигатура» (лат, *ligatura*) в металлургии имеет значение «сплавы для легирования», в *хирургии* - «нить, используемая при перевязке кровеносных сосудов», в теории музыки - графема, в которой несколько простых «разновысотных» нотных знаков записывались слитно, как единый знак. В настоящее время, в науке существует стремление к семантической унификации систем терминов одной и той же науки в разных языках (однозначное соответствие между терминами разных языков) и использования интернационализмов в терминологии. В логике, это же, что и терм, т.е. элемент формализованного языка, соответствующий подлежащему или дополнению в обычном грамматическом смысле, и субъект суждения в традиционной логике. Его наиболее распространённое понимание: - элемент посыла суждений (высказываний), входящих в так называемый категорический силлогизм. Различают больший термин, служащий предикатом («логическим сказуемым») суждения, являющегося заключением данного силлогизма, меньший термин - субъект («логическое подлежащее») заключения и средний термин, вообще не входящий в заключение силлогизма (но входящий в его суждения-посылки). Кроме требований точности, к термину также следует предъявить «требование достаточной краткости». Это качество при большом распространении термина играет весьма существенную роль слова и словосочетания общего употребления, также могут называть предметы и выражать понятия о них в сфере своего функционирования. Поэтому бывают случаи «реализации в тексте значения общеупотребительного слова, омонимичного значению слова-термина». [1966, 20. 38]. Если в словах общего употребления выражается информация о чувственно - воспринимаемых явлениях жизни человека, то в терминах выражается, информация о логических обобщениях каких-то сторон и признаков, свойственных группам, классам однородных по этим сторонам и, признакам предметов. Любой термин может называть конкретный предмет

или специальное понятие в зависимости от условий общения, которые определяют контекст высказывания. Мирзоев З. отмечает, что «основное отличие между научными и общими понятиями заключается в том, что если общее понятие, поверхностно отражая общие признаки предметов и явлений, выражается словом, то научное понятие, отражая важнейшие и необходимые признаки научных представлений, выражается научным термином. [2005. 105, 11]. «Термин любой отрасли знания выражает специальное профессиональное понятие, если он употребляется в условиях специальной профессиональной коммуникации: в письменных текстах или устной речи специалистов». [2005. 105. 40]. Можно сделать вывод, что любой термин может считаться общеупотребительным словом или словосочетанием, если он используется не в рамках определенной терминосистемы. Термины создаются разными путями, подчиняясь, при этом словообразовательным, грамматическим и фонетическим правилам данного языка. Наиболее известным считается заимствование или калькирование иноязычных терминоэлементов, т.е. передача безэквивалентной лексики исходного языка при помощи замены ее составных частей - морфем или слов их прямыми лексическими соответствиями в переводящий язык (напр., *grand jury* - большое жюри, дом культуры - *house of culture*). «Пополнение словаря английского языка за счет заимствований из других языков и диалектов является длительным и многоступенчатым процессом, что подтверждается сведениями лексикографических и культурологических источников». [2005. 105. 92].

В настоящее время вопрос о заимствовании терминов приобрел особое значение в связи с усилением межнационального, международного и межкультурного характера научно-исследовательской работы и активизацией терминов-интернационализмов в английском и таджикском языках. Сейчас, как никогда, ощущается настоящая потребность в глубоком и подробном анализе этого явления на основе достаточно обширного практического терминологического материала в разнотерминовых языках (например, в

английском и таджикском языках). Вопрос о заимствовании терминов является одним из наиболее сложных в практике терминологической работы. Сложность этого вопроса заключается: а) в трудности сознательного воздействия на сам процесс заимствования из-за невозможности в деталях предугадать особенности развития науки и техники на разных стадиях; б) каждое стихийное заимствование является своего рода «вторжением» в установившуюся систему понятий терминов в системе языка, последствия которого также трудно предвидеть. Вопрос о заимствовании терминов изучался многими лингвистами. Так, на основании всестороннего анализа различных случаев заимствования Д.С. Лотте сформулировал критерии отнесения термина к числу «чужих» и «своих» (усвоенных языком):

1) насколько сочетания звуков данного слова соответствуют общепринятым звукосочетаниям данного языка;

2) насколько морфологическая форма и отдельные формальные принадлежности слова соответствуют общепринятым в данном языке гармонируют со всем строем;

3) имеются ли производные от рассматриваемого слова, не стоит ли оно особняком». [2005. 105. 19].

Сам процесс заимствования терминов рассматривается как взаимодействие двух терминологических систем. Первой - терминологической системой языка-источника, членом которой является заимствуемый термин-прототип с определенной «сеткой» значений и терминологическими элементами, образующими его лексико-семантическую структуру, и второй - принимающей, заимствующей терминологической системы другого языка. Хотя заимствование в «готовом виде» иноязычного термина считается наиболее легким по сравнению с остальными способами, все же эта «легкость» способствует «вторжению и введению чужих слов» в лексический состав таджикского языка. Некоторые ученые считают, что увеличение числа заимствований приводит к засорению языка и препятствует развитию его словообразования. Другие же придерживаются мнения о том, что

заимствование ни в коей мере не препятствует, а наоборот способствует пополнению лексического фонда языка и его совершенствованию. Из приведенных двух мнений мы делаем вывод, что последний является совершенно приемлемым для таджикского языка, так как с появлением, например, нового музыкального жанра или инструмента, новое слово всегда способствует более точной передаче информации и понятий. Слова, используемые в языке и не принадлежащие к его основному словарному запасу считаются заимствованными словами. В основном к таким видам слов относятся вошедшие в состав таджикского и английского языков из других языков без всякого изменения и не имеющие аналогии в этих языках. В процессе исторического развития жизни народа, при построении культурных отношений с другими народами могут заимствоваться новые понятия и предметы с их названиями, которые становятся источниками для новых производных слов и тем самым обогащают лексический состав заимствующего языка. Терминология - совокупность принятых в определенной области знаний (в данном случае - в английском и таджикском музыковедении), терминов, обозначающих какое-либо понятие этой области (английской и таджикской музыкальных культур). Терминология также является разделом языкознания, изучающая, совокупности терминов, их грамматическую организацию и законы функционирования. Б.Н. Головин считает терминологию подсистемой лексики литературного языка:

- 1) соотнесенной со специальной профессиональной деятельностью;
- 2) определяющей номинацию профессиональных предметов, признаков действий, явлений;
- 3) определяющей формирование и функционирование производственно-технического, научного и социально - управленческих стилей. [2005. 105, 12].

Важно отметить, что тип и характер социальной деятельности определяют семантическую систему терминов и влияют на их грамматическую организацию. Терминология конкретной области знаний

складывается веками, во многом зависит от этногенеза, дальнейшего географического распространения этноса, от его политических, экономических и культурных контактов с другими этносами, актуальности данной области знаний в определенное историческое время. Терминология (в частности, традиционная таджикская музыкальная терминология) является частью не только языка, но одновременно и истории и, культуры таджикского народа. Такое понимание терминологии основано на изучении семантики определенного слова (термина), которое позволяет нам выявить структуру и такие значения, которые отвечают за связь слова с историей и культурой того или иного народа.

Таким образом, при изучении терминологии можно выделить три основных критерия, по которым объективно может быть оценен термин: исторический, как изучение терминологии «продукта» истории; с одной стороны, с точки зрения контекста исторического времени, когда термин вероятнее всего вошел в культуру и язык; с другой стороны, с точки зрения исторического развития - каким образом он изменялся, менялась его семантика; возможно, в течение времени он совсем исчез из языка; культурологический - изучение терминологии (или языка) как явления культуры. Здесь важно сопоставление и сравнение определенного термина с его эквивалентами в других близкородственных культурах и языках; - филологический - изучение терминологии, как части языка, ее генезис, семантика, этимология и т. д. Пересечение вышеуказанных критериев, использование их в комплексе определяют специфику и сложность исследования этого вопроса, данный подход позволяет наиболее четко выявить значимость самих терминов в контексте не только английской и таджикской, но, и арабо-персидской и, европейской культур в целом. Отметим что в современном языкознании всё большую популярность приобретает сопоставительное изучение языков, всё более расширяется и углубляется типология и сравнение языков, имеющих различную структуру. Эти исследования значимы прежде всего тем, что направлены на научное

обеспечение проблемы обучения и преподавания языков. В этом отношении работы, выполненные как в аспектах собственно лингвистическом, так и социолингвистическом, и лингвострановедческом приобретают большую социальную, научную и практическую значимость. Особый интерес представляет изучение особых групп, составляющих системное объединение лексики в семантическом аспекте в структуре разных языков в сравнительно-типологическом плане, что способствует выявить специфические особенности сопоставляемых языков во всей их национальной самобытности.

1.2. Культурные лекарственные растения шугнанского языка

Терминология лекарственных растений является одной из важных пластов в любом языке. Нами сделана попытка в первую очередь определить список лекарственных растений, которые подлежат анализу в сопоставляемых языках, рассмотреть их в этимологическом аспекте.

Пшеница - *kaḫt*, *žindam* – гандум – wheat. В первую очередь это названия культурных растений: ср. дарв. *serhak* «пшеница с белыми колосьями и красными зернами» [Рахимов, 1957, 130, с.49]. вах. (из тадж.) *serhak*, [Мухиддинов, 1975а, 108, с.49], вах. *səkr-ɣ* (e) *dim* букв. «красная пшеница»; ягн. (из тадж.) тадж. *surḡa* «сорт пшеницы (‘красненькая’))» [Андреев, 1970, 12, с.48]. Сорта пшеницы «сурхак» (‘красненькая’) и «сафедак» («беленькая») известны в Панджшире [Андреев, 1927, 13, с.25]. Хуф., Вах., Ишк. *ǰaldək ǰaldak* букв. «быстренькая», названа так из-за своей скороспелости [ТДХ, 1958, 15, с.24], - заимствования из тадж., перс. *ǰald*, *ǰal*, *ǰāld*, язг. *ǰūld*, «быстрый», «скоро»). По сообщению Н.И. Вавилова, скороспелая пшеница (*žindam- ǰaldak*) разошлась по Припамирью совсем недавно [Земл. ГБАО, 1964, 34, с.23]. Описательным названием является шугн. *kilak* «безостая пшеница» от шугн. (старое заимств. Из тадж.) *kil* «лисий», «плешивый». М.С. Андреев упоминает о двух сортах пшеницы *besig* (букв. «без остей») и *sigdor* «с остями» [ТДХ, 1958, 15, с.25]. Предполагается, что карликовая безостая пшеница типа шуг. *kilak* (*Triticum compectum* Host). – древнейшая форма пшеницы, найденная при археологических раскопках свайных построек в Европе [Земл. ГБАО 1964, 34, с.65]. По - видимому, этот же сорт приводится М.С. Андреевым под названием хуф. «*kolak*» [ТДХ, 1958, 15, с. 24-25], ср. хуф. *kol* «голова»; «плешивый» «паршивый»; «... карликовая пшеница называется «кюлак» (головка), за ее короткий, плотный, широкий колос...» [Земл. ГБАО, 1964, 34, с.82]. В Афганистане известно *gandum-I kalak* «безостая карликовая пшеница» [Вавилов - Букинич, 1929, 46, с.5].

Ячмень - čūšč - **barley** – (чав). В Припамирье отмечается несколько разновидностей ячменя (голозерный, пленчатый, шестирядный, четырехрядный, двурядный), хотя большей частью высевается так называемая «гималайское хито» - зеленозерная форма голозерного ячменя (*Hordeum vulgare* var. *himalayense*) [Земл. ГБАО, 1964, 34, с.86]. Разнообразие форм ячменя, по-видимому, объясняется тем, что несмотря на несомненную древность, в Памире - в Гиндукушском регионе и наличие исконного слова для обозначения ячменя в иранских языках, нет общего для всех языков слова, обозначающего ячмень. В языках шугнано - рушанский группы, язгулямском и мунджанском представлено слово культурного круга: шугн. čūšč, руш. čošč, хуф. čūšč, сар, čыšč, čūšč, язг. kusk, мдж. kosk «ячмень». Для этих слов Г.Моргенштерне восстанавливает праформу ^hkaska - [EVSH, 1974, 195, с.28a]. Памирские слова сопоставляются с хот, chaska «ячмень», «остроконечное зерно» [Bailey, 1979, 170, с.227], перс. Kašk, арм, (из иран.) k'ask' «ячмень» [IIFL, vol. 2, 191, с.219b]. По мнению В.И. Абаева, связь памирских слов с осет. (ирон) syský «овес» (*Avena sativa*) фонетически мало вероятна [Абаев, 1979, 2, с.210]. Ишк. ùgvъs, санг. verves «ячмень» сближается с йид. Yaršio, афг. orbəši urbəši «ячмень» <^harṣayā- [EVP, 1927, 192, с.11; IIFL, vol. 2, 191, с.273a, 473b] также слово культурного круга, особенно широко представленное в тюркских языках: узб., кирг. Агра Тув. (из монг.) arḡay и др. «ячмень» [Севортян, 1974, 138, с.176-177]; [Дмитриев, 1979, 63, с.164-166]. также и др. - греч. ἄλφι, ἄλφις «ячменная крупа», «мука»; в целом, по заключению Г. Дёрффера, «kulturlehnwort» [Doerfer G. Bd, 172, с.25], источник его не выяснен. Язг. Xarban «просо» тоже относится сюда. Из всех памирских языков только в ваханском ячмень обозначается словом, общим для всех иранских языков. Вах. (y) irk ячмень по историко - фонетическим соображениям может восходить к др. - ир. Yavartaka - и сближено, таким образом, с парф. (турфанских текстов) yw'rd'w, пехл. Jordā «зерно», «ячмень» (возможно, в композите др.- ир. yava - artāka- букв. «ячмень молотый» [Bailey, 1967, 169, с.136; 1979, 170, с.22a]. В первой части

следует, во всяком случае, выделить др. - ир. *yava* -, авест. *yava* - название хлебного злака в Авесте.

Рожь – *lašak* – «rye» – (чавдор, чави русй). таджикское *laš-*, *loš-* в названиях ржи (предположительно «ость»), в свою очередь, может восходить к восточноиранским (в связи с развитием $l^{<Ad}$) формам древнеиранского слова для ости злака: др. - ир. $^{Adasyā-}$, Adāsa - ость. Последнее реконструируется на основании таких свидетельств, как перс. *dāsa* ость (на колосях злако), талыш. *Dos(t)* «осоть» (колоса); в памирских языках с этой основой связано и название самого вредного сорняка бадахшанских полей – овсюга [Земл. ГБАО, 1964, 34, с.187-193]: вах. *dosn*, ишк. *d̥sin*, шугн. *desak*, хуф. *dēsak*, язг. *dis*, мдж. *lesa* ($^{<Adasya-}$ /EVSh, 1974, 195, с.32a/) «дикий овес», «овсюг». Из памирских языков слово проникло в местные таджикские говоры: бад. - тадж. *dosing*, *desin*, дарв., вандж. *dis* «овец» и др. Связь названий овсюга, овса и ржи находит параллель в афг. *jamdar* «овсюг», афг. *jawdar* «овсюг», сорнополевая «рожь» (из перса. *javdar* «рожь» и в осет. (ирон.) *syl* «рожь», тюрк. *Sula*, *suli* «овёс» [Абаев, 1979, 2, с.194-195]^{II}.

Просо - *pinj* - «millet» - (арзан, загора, сук). В языках шугнано-рушанской группы обыкновенное просо называется: шугн., руш., хуф., барт., рош., *pinj(f.)*, сар. *penj* «просо». Сюда же относится к старовандж. *pinjev* «просо» (по - видимому, форма мн.ч., ср. суффиксы мн.ч. сар. - *ef*, рош. - *if* [Курбанов, 1976, 99, с.51]; [Пахалина, 1969, 120, с.20]. Очевидно, эти слова культурного круга, которые сближаются со словами, обозначающими просо (и метельчатое и итальянское) в индоарийских (в частности, в дардских) языках: кашм *pinga (f.)* «*Panicum miliaceum*», «*P. Italicum*», шина *çin (çin)* «просо» ($^{<Apring}$ [CDIAL, 1966, 210.]), синьгальское *piyaṅgu*, праkrit *piamgu-*, др.- инд. *priyaṅgu-* 'просо' [CDIAL, 1966, 210.]. В индийских языках это название проса считается не исконным и ему вместе с бирманским *proñ* «род просо», приписывается восточноазиатское происхождение [KEWA, R_u 2, 188. с.378]. Это совпадает с точкой зрения Н.И. Вавилова: «...родину культуры проса, на основании ботанического состава возделываемых сортов в разных

странах, а также исторических данных приходится искать в Центральной и Юго - западной Азии...» [Вавилов, 1960, 44, с.248]. По исключению Н.И. Вавилова, проса (и метельчатое, и итальянское) происходит из «китайского очага» [Вавилов, 1960, 44, с.34]. Не исключено, что в памирские языки название проса проникло с юга через дардские [EVSh, 195, с.57a]. Другое название проса в памирских языках: шугн. biĵarĥ или biĵarĥ - binĵ (букв. «просо biĵarĥ»), по описанию И.И. Зарубина, «род проса (черные обыкновенного, выносящий суровый климат)» [Зарубин, 1960, 78, с.112a]. также хуф. riĵarĥ «сорт проса» [ТДХ, 1958, 15, с.25]. Можно думать, что это та же разновидность проса с серо -зелеными, почти черными зернами, которую получает иногда в Шугнани и Рушани под названием tēg - rinĵ, в Вахани - shw - yirzn [Земл. ГБАО, 1964, 34, с.91], букв. «черное просо».

Горох - *maĥōrĵ* -«*реа*» - (любие). В Припамирье возделываются, главным образом, три вида зернобобовых: горох, конские бобы и чина. В некоторых районах сеют в меньшем количестве нут, маш и чечевицу. В последние годы площади, занятые бобовыми культурами, сильно сократились, поскольку они были признаны «наследием нищенского прошлого» [Земл. ГБАО. 1964, 34, с.100]. Бобовые часто высевались в смеси с другими культурами. Так, самая распространенная в прошлом бобовая культура Припамирья – горох (*pisum sativum badakhchanicum*), высевалась вместе с ячменем. Совместные посевы ячменя и гороха поднимались здесь до крайних высотных пределов земледелия [Вавилов - Букинич, 1929, 46, с.323]; [Земл. ГБАО, 1964, 34, с.100, 102]. В других иранских языках сюда, возможно относятся ягн. musk, согд. - будд. Mwś'kk «горох» [ЯТ, 1957, 10, с.288б], ягн., тадж. (диал.), афг. mušung «горох», афг. m(a)šə'nga «чина» дарв. Mušung «чина» [ТКД, 1966, 144, с.111] и др. Вместе с перс. māš «маш» эти слова могут быть обязаны своим происхождением древнейшему названию бобовой культуры, упоминающемуся еще в Ригведе, др. - инд. Māša – «бобы» [Horn, 1893, 181, с.214]. Древнеиндийское слово относят к так называемым

бродячим словам культурного круга, видимо, оно заимствовано из дравидских или языков мунда [KEWA, bd2, 188, с.630; Buck, 171, с.371b].

Чина – *ǰiǰīw* – «**meadow**» vetching – (мулкак, патак). В памирских языках чину называют по - разному: Язг. sadark «чина луговая (*Lathyrus pratensis*)», руш. Sadārg, барт., рош. sadārk «бобовое растение» [Зарубин И.И. 1937, 77. с.63 б] «чина» [Земл. ГБАО, 1964, 34, с.103] должно быть заимствовано [EVSh, 193, с.72a], ср. дарв. sādərək «чина» [Баранов - Райкова, 1928, 36, с.46], тадж. Sidirk «чина». Слово может быть тюркским по происхождению, ср. тюрк. Sīdīr - «сдирать», «облупливать» [ДТС, 1969, 111, с.502б], кирг. Sīdīr - «сдирать (листву)» и др. В типологическом плане можно сравнить с предполагаемым родством др. - инд. ghars - «тереть», ghrsta – «тертый», русск. горох, лат. furfur «кожура стручка» и др. [KEWA, Bd I, 188, с.358; EVP, 192, с.10]. Шугн. *ǰiǰīw* «чина» по фонетическим соображениям возводится Г. Моргенштерне к гипотетическому др. - ир. *ʰhvačaba* - [EVSh, 195, с.97b]. Происхождение этого названия чины неизвестно. Возможно, к шугн. ǰīn «синий» - у чины ярко - синие цветы, но тогда ожидалось бы начальное ǰ - (неточная запись или фонетический вариант).

Нут - *rivand* - «**chick-pea**», - (нахуд). Нут или «бараний горох» (*Cicer arietinum*) мало распространен в Припамирье, в отличие от Северной Индии и Афганистана, где эта культура широко известна, а в Пенджабе занимает второе место после пшеницы [Вавилов - Букинич, 1929, 46, с.341; Земл. ГБАО, 1964, 34, с.104]. Нут не всегда отличается от разных сортов гороха и может называться теми же словами, что и горох, например, в Рушане - *ravand* «род гороха», в Шугнани - *rivand* «бараний горох», «нут». Собственно, названием нута в памирских языках следует считать заимствование из таджикского (персидского): шугн. нохуд [Земл. ГБАО, 1964, 34, с.104], ишк. *nāxud*, сангл. *пахэд* «нут» из тадж. (дарв.) *noxut* «нут» [Баранов – Райкова, 1928, 36, с.47], *пахуд*, перс. *nuxūd*, *пахуд* «горох», афг. *nuxud* «нут», хинди *nuxud* «*Cicer arietinum*» [Platts, 1930, 203, с.1126 b].

Чечевица - *sirj, maḥōrjak* - «*lentil*» - (наск, нараск). В шугнанском языке зафиксировано название чечевицы *sīj* [Зарубин, 1960, 78, с.231a]; [Земл. ГБАО, 1964, 34, с.104], которое родственно язг. *saγ* «чечевица», но дальнейшие связи неясны [EVSh, 1974, 193, с.75b]. Вряд ли это название как-то связано с распространенным в Афганистане названием французской чечевицы *ṣaḥal* [Вавилов - Букинич, 1929, 46, с.328], афг., дари *ṣāḥal* «французская чечевица» [ДРС, 1986, 95, с.470a]; ср. перс. *Sāxūl* – вид зернового хлеба [ПРС, 1970, т 2, 124, с.84a].

Маш - *mōḥ* - «*pea*» - Маш (*Phaseolus auereus*, Ph. Mungo) является теплолюбивой культурой, он встречается преимущественно вниз по Пянджу от Рушана в низовьях Язгуляма, Ванджа и Дарвазе [Баранов - Райкова, 1928, 36, с.50-51; Земл. ГБАО 1964, 34, с.105]. Название маша (тадж., перс., афг. *mōḥ*) перешло в памирских языках на бобы и горох.

Фасоль - *fasol, (maḥak)*- «*haricot been*» – (лубиѐи Чинѝ). Фасоль (*Phaseolus vulgaris*) мало известна на западном Памире Земл. [ГБАО, 1964, 34, с.105], название фасоли в памирских языках не записано; в дарвазских говорах фасоль и лобия (*vigna sinensis*) называются одинаково - *lubiyo* [Баранов - Райкова, 1928, 36, с.48,49]. В мунджанском языке зафиксировано заимствование из перса: мдж. *lōbyo, lubiyo* «лобия» [Грюнберг, 1972, 56, с.319]. В Афганистане название фасоли, лобии и чины могут совпадать: афг. *Kalul* «фасоль» [Вавилов - Букинич, 1929, 46, с.348], «чина», афг. *Lobyā* «лобия», «фасоль», «бобы» и др. [Асланов, 1966, s.v. 29, с.26].

Сурепка - *cirōwej* - «*cole-seed*», common winter cress, colza - (вазирак). В других памирских языках бадахшанского ареала (*cirōwej*) - «сурепка» обозначается описательным названием, связанным со словом для лучины - свечи или светильника: бад. - тадж. *ṣaroγ, ṣiroγ, вах.* (из тадж.) *segoγ, ишк.* (из тадж.) *sygoγ, шугн.* *sirow, руш., хуф.* *sirow, барт., рош.* *siraw, сар.* *syrew, siraw, язг.* *с(ə)геу* «свительник» (крученный фитиль в масле; тростник, пруттик, намазанный растертыми семенами масличных растений или пропитанный маслом) «лампа (керосиновая)» (в шугн. - руш. старое заимствование [EVSh/,

1974, 195, с.24a]). Помимо сурепки, этим же названием могут обозначаться и другие масличные растения, в том числе и дикорастущие, которое используют для приготовления светильников: вах. *šeroγ*, *široγ*, «рапс» [Пахалина, 1975a, 121, с.19 Ia], вах. *šeroγ-wyš*, «сурепка (*Barbarea arguata*)», «крестовник (*Senecio krascheninnikovii*)», шугн. *šrowēj* дикорастущая трава, из семян которой готовится масса для обмазывания свечей, хуф. *šrawij*, язг. *šrow-wix* *Cruciferae* sp. - крестоцветные (подсушенные раздробленные семена употребляются для облепливания свечей - лучин - *šrūw*) [ТДХ, 1958, 15, с.86-112], барт. *šegāwīj* «рапс» (специально разводится для изготовления светильников [Зарубин, 1917, 72, с.123]), барт., руш. *šegāwīj* «растение из которого готовится масса для обмазывания лучин для освещения» [Зарубин, 1937, 77, с.43a].

Конопля - ***bangi dewūnā*** - ***jimsonweed*** - (банг). В языках бадахшанского ареала есть несколько различных названий конопли «***bangi dewūnā***», одно из них применяется по отношению к конопле, выращивавшейся для приготовления известного наркотика анаши (наши) или гашиша. Это древнее культурное слово, упоминавшееся ещё в Авесте и по всей видимости, попавшее в памирские из таджикско - персидских диалектов: вах., ишк., шугн., руш., язг., сар. *bang* «конопля», «анаша» «*canabis sativa*» [Земл ГБАО, 1964, 34, с.119]., ср. в соседних языках: верш. *boŋ*, бур. *bāŋ*, хов. *Boŋ*, кашм. *Banga*, «конопля», «банг» [CDIAL. 1966, 210, с.814], узб., тадж., *bang* «индийская конопля», афг. перс. *Bang* «индийская конопля», «белена», «банг», «гашиш». **Авест.** - *baŋha* -, *bangha* - упоминается в Видевдате среди названий растений, употребляющихся женщинами, чтобы выкинуть плод (Видевдат 15, 14). На основании переводов пехл. *bang*, *mang* «смертельный яд», В.Б.Хеннинг считал, что первоначальным значением слова было «белена», а значение конопля (в частности, «индийская конопля», как наркотик) пришло из Индии [Henning, 1951, 180, с.33]. В этом отношении чрезвычайно важно следующее наблюдение Н.И.Вавилова в Бамиане (Афганистан): «Вместо конопляной анаши иногда идет в употребление анаша

из сорно - полевой белены (*Hyosciamus* sp.)» [Вавилов - Букинич, 1929, 46, с.381]. Встречающееся в фарвардин - яште мужское имя *roug. bangha* -, букв. «полный банга», «обладающим большим количеством банга», «сеющий много банга», [Mayrhofer, 1977, 187, с.71] указывает, как будто бы, на культурное растение, т.е. на возделывание конопли, а не на дикорастущую коноплю или белену. В пользу этого предположения свидетельствуют аналогичные сложения со словом *rougi* – «полный», типа «обладающий большим количеством лошадей, коров, счастья и т.п.» [Duchesne-Guillemain, 1936, 173, с.162]. По - видимому, авест. *baŋha* - так же, как и перс. *bang*, могло применяться по отношению к любому наркотику и из конопли, и из белены, возможно, в связи со сходством их одуряющего действия.

Гашиш - **čars - hashish** - (хашиш). Шугн. *čars* «гашиш» (по пояснению И.И.Зарубина, тоже, что и *bang* [Зарубин, 1960, 78, с.122a]), по всей видимости, происходит из Афганистана. В Таджикистане это слово мало известно, но в афганском *čars* - это самое обычное название анаши, также перс. *čars*, «чарс» (род гашиша - сгушенный и засушенный сок индийской конопли). Афг., перс. *čars*, в свою очередь возможно, идет из Индии: непальское *carasu*, гуджарати *caras*, маратхи *caras* «опьяняющее снадобье из конопли» [Turner, 1931, 209, с.167].

Красный клевер – **morj - clover, trefoil** - (себаргаи сурх). Шугн. *moŋj* «красный клевер» [ТДХ, 1958, 15, с.III] означает собственно траву на поливном траву на поливном лугу и соответствует тадж. *māŋ* [ТДХ, 1958, 15, с.77]; в тадж., перс. *maŋzār* «лужайка», «луг» (к авест. *maŋəuā* - луг'). Шугнанское слово видимо, является заимствованием из тадж., перс. [Morgenstierne, 1970. 198, с.335], возведение его к др. - ир. ^{ΛΛ}*mārka* - [EVSh, 1974, 195 с.45] а лишено оснований (при др.-ир. *Maŋa* – «лук»). Источником шугн. *moŋj* «клевер» следует считать арабизированную форму перс. *maŋ* «луг» «траву» - араб., перс. (из араба.) *maŋ* «луг», «пастбище» [Morgenstierne, 1970. №198].

Морковь - **zardak** – carrot – (сабзӣ). Морковь: мдж. zārdāk, вах., сангл. zardāk, ишк. zardъk, шугн., сар., язг. zardak - тадж., перс. zardak «морковь» от zard «желтый» 48 (в Средней Азии и в Афганистане больше известны формы моркови с желтым корнем [laufer, 1919, 185, с.454; Вавилов –Букинич, 1929, 46, с.430], ср. афг. (из перс.) zardāka, zardak «морковь» (но афг. zyār <[^]zarita – «желтый»). В афганском употребительно и заимствование из индоарийских афг. gāzāra «морковь» - хинди gājar, синдхи gājīro, панджаби gājjar к неясному др. - инд. gārjara – «морковь» [CDIAL, №210]. Не выяснено отношение этого слова к словам вкати gažgūm, КХОВ. хаžgūm, «морковь», безусловно, родственного верш. γaršcūnc «морковь», которое заимствовано, а говор ваханцев Хунзы: вах. γarṣūn «морковь» [Lorimer, 1958, 186, vol.2, с.73]. Свекла - **lablabūn** - **beet, beetroot** - (лаблабуи қанд). Свекла: вах., ишк. lablabu, сангл. Lablabū, мдж. lāblābū, шугн. lablabūn lablabūn, язг. lablabən - перс., тадж., афг. Lablabu, перс. labu, дарв. lablabū(n) [Барнов- Райкова, 1928, 36, с.61] «свекла», «варенная свекла», ср. ягн. lablabun «лебеда», верш. Lablabu «репа», «сахарная свекла».

Картофель - **kartuškā** - **potatoes** - (картошка). Картофель: вах., ишк., сар. kartuška, руш., хуф., шугн. kartuškā, язг. kartəška - из русского картошка проникло, очевидно, так же, как и в Дарваз, из Ферганы. Персидское название картофеля (sib-i-zamīni), калькирующее франц. Pomme de terre «земляное яблоко», на Западном Памире неизвестно. [Баранов - Райкова, 1928, 36, с.60].

Огурец - **bodirīng** - **cucumber** - (бодиринг). Огурец: ишк. bodrīng, шугн., барт. Bodirīng, вах., язг. bodring, мдж. bodrang - из тадж. bodiring, bodrang, перс. bādrang «огурец», ср. аналогичные заимств. Из перса.: верш. badraṇ, афг. bādrang, bādrəng, панджаби, хинди bādrang [platts, 1930, 203, с.119a] «огурец». Такие огородные растения как капуста, помидоры, редиска, редька и др., были еще большей редкостью, а в расположенных на большей высоте долинах (Бартанг, Шахдара, Вахан) они и теперь встречаются крайне редко, и выращиваются только из завозных семян [Баранов - Райкова, 1928,

36, с.62]; [Земл. ГБАО, 1964, 34, с.125-126]. Называются они общераспространенными таджикскими или русскими по происхождению названиями и в словарях памирских языков засвидетельствованы (за исключением мдж. *kāgām* «капуста» из перс.).

Лук - *piyōz* - **onion** - (пиёз). Для выражения обыкновенного, репчатого лука (*Allium* сера) в памирских языках зафиксированы следующие слова: вах. *piyoz*, ишк. *pi(y)oz*, сангл. *pīāz*, шугн., руш. *piyōz*, барт., рош. *Piyoz*, сар. *piyuz*, язг. *piyeḡ*, мдж. *piyoz*, йид. *piṽ* «лук». Во всех памирских языках, кроме двух, расположенных на северной (язгуламский) и южной (Йига) периферии памирской языковой области, название лука совпадает с обычным таджикско - персидским, является заимствованием из тадж. *piyoz*, перс. *piyāz* «репчатый лук». Как это иногда бывает, более архаичное слово сохраняется не в центре, а на окраинах языкового ареала.

Дикий лук - *cāḥ* - **wild leek** – (пиёзи даштӣ). В языках шугнано - рушанской группы название дикого лука связывается с его вкусом: шугн. *cīḥ*, (f. *cāḥ*), руш., хуф. *soḥ* «горький»; шугн. *cāḥ*, хуф., руш., барт. *cāḥ* «*Allium* sp.» [ТДХ, 1958, 15, с.112]; ср. также язг. *čūṣ* «горький» и *čūṣweḥ* «ломанос (*clematis songarica*)», букв. «горькая трава». Шугн. *parakí* «семенной лук», «лук, оставленный на семена» заимствование из тадж., перс. *par(r)akí*, «имеющий наросты и безвкусный (о плодах, овощах)» и др., к тадж., перс. *par* «самец», «относящийся к мужскому полу».

Табак - *tamokí* - **tobacco, Indian weed** - (тамоку). Названия табака в памирских языках заимствованы посредством таджикско - персидско языке; шугн. *tamokí*, барт. *tamokū*, руш. *tamokī*, *tamokū* [Зарубин.1937, 77, с.66а], язг. *tamokə*, *tamoku*, сар. *tamuqí*, *tamuqy*, вах. *təмокыw*, *tamoku*, Йид. *Tamākū*, «табак» - ср. тадж., узб., ягн. *tamoku*, перс., афг. *tambākū*, бур. *tlmāku*, непальское, хинди *tamākhū*, верш. *tamaqu*, осет. (диг.) *tamaku* и др. «табак» [Абаев, 1979, 2, с.227-228]. Слово это, как известно, проникло в XVI в. через Европу из языка американских индейцев. В настоящее время табак выращивается на Западном Памире исключительно для приготовления так

называемого «наса» (вид жевательного табака, закладываемого под язык 52), широко употребляемого в Центральной Азии. В прошлом был более распространен нюхательный табак, который готовился из смеси с красным перцем, нашатырем и золой растения *kiznāč* [ТДХ, 1958, 15, с.396] «цикорий - *Cichorium intybus*» [ТДХ, 1958, 15, с.110].

Дыня - *xarbuzzā* - **melon** - (харбуза). Из зарегистрированных в Рушане 16 сортов дынь [Земл. ГБАО, 1964, 34, с.122] почти все имеют таджикские названия или обозначаются кальками с таджикского: 1. «амери» (тадж. *amirī* «эмирский» - названия сорта дыни 55); 2. «хандаляки» (тадж. *handalak* «сорт ранней дыни небольшого размера»); 3. «друхбуст» (руш., шугн. *ʿadiruḫt - būst* букв. «грубо - кожей»); 4. «совзак» (тадж. *sabz*, руш. *sāvz* «зеленый» - название сорта светло - зелёных дынь); 5. «достамай» (тадж. *Dastambū* «сорт душистой несъедобной дыни», шугн. *dastam - būy*, руш., барт. *dastambūī*, язг. *dastāmbi* 56. «кукча» (к тадж., узб. *kūk* «синий», «зеленый» 57); 7. «гандум-дона» (тадж., букв. «семя пшеницы»); 8. «зерметык»; 9. «тер - моя» (руш. *ʿātēr-moya* «с темной сердцевинкой»); 10. «чуов»; 11. «сорнок» (к тадж., перс. *Sār* «голова», «скворец»); 12. «сио - харбуза» (тадж., букв «черная дыня» - сорт темно -зеленой окраски); 13. «сафид - харбуза» (тадж., букв «белая дыня» - сорт светло-зеленой или белой окраски); 14. «хин - харбуза» (руш. *ḫīn - xarbuzzā* букв. «сизая дыня» - сорт светло - серого оттенка); 15. «кубуча» (тадж. *kabudča* «голубоватый», «зеленоватый»); 16. «ширим - биша» тадж. узб. *širīn* «сладкий» и узб. *bešak* - название сорта скороспелой дыни; ср: у А. Вамбери: «шёрин - петешк» [1868, 211, с.225] - названия сорта хивинской необыкновенно мягкой и сладкой дыни круглой формы).

Тыква – **kilo** – **pumpkin** - (каду) Таким образом, перс., тадж. *kaḍu* «тыква», по-видимому, является старым культурным словом, относившимся первоначально только к горлянке, и происходит из индийских языков. В некоторые памирские языки (в частности, языки шунано - рушанской группы) это название могло проникнуть не из таджикско - персидских диалектов, а из какого-либо восточно-иранского языка (с развитием *l* < *ʿ*ad)

или из индоарийских (с адаптацией церебрального звука как 1 независимо от персидского. Таково же должно быть и происхождение ваханского *kilok* «тыква», «сосуд из тыквы», зафиксированного Д.Л.Р. Лоримером в говоре ваханцев Хунзы [Lorimer, 1958, vol. 2, 186, с. 97], неизвестного в правобережном Вахане. Название тыквы в бурушаски: бур. *būriš*, верш. *būrus*. *hóser*. Неизвестно происхождение стоящего особняком руш., хуф. *wíx̣ín* «сорт тыквы», язг. *waḥín* «тыква» (-х- < *-sr [EVSh, 1974, 195, с. 95a]), к тому же - неясно, какая именно тыква имеется в виду. По сообщению А.К.Писарчик, «тыква» «...очень почитается таджиками Кулябской группы районов и Каратегина» [ТДХ, 1958, 15, с. 393, примеч.].

Гранат - *anōr* - *pome granate* - (анор). Гранат и инжир культивировались в нескольких селениях долины р. Пяндж ниже Калаи - Хумба [Земл. ГБАО, 1964, 34, с. I 62]. Шугн. *anōg*, мдж. *ānog* «гранат» заимствовано из тадж., перс. *anār*, *nār* «*Punica granatum*» (к реконструируемому Р. Готью др. - ир. *ʰanārāka* - [Laufer, 1919, 185, с. 285]). В йидга засвидетельствовано *alāno* «гранат», которое Г.Моргенстиерне считает возможным взводить к др. - ир. *ʰā* - *dānā* - или *ʰh* - *dānā* - (к др.-ир. *dāna* - «косточка», «зерно») и сопоставляет с афг *anang* «гранат» [IFL, 1938, vol. 2, 191, с. 190a]. Более вероятным кажется, однако, происхождение афг. *anang* «гранат» из того же др. - ир. *anāraka* - (ср. согд. будд. *p'ṛk'* /*nāre*/ «гранат») с ассимиляцией из *ʰanala* - (аналогично и слово для граната в Йидга).

Инжир - *anjīr* - *fig* - (анчир). Шугн. *anjīr* «инжир» заимствовано из тадж., перс. *anjīr* «*figus carica*», иранское слово считается источником скр. *āñjīra* -, хинди *āñjīr* и др. «инжир», «фига» [KEWA, Bd I, 188, с. 24-25; CDIAL, 1966, №210; Laufer, 1919, 185, с. 411]. Афг. *inžer* «фига», «винная ягода», «смоковница», возможно, старое заимствование из персидского [EVP, 192, с. II]. Дикорастущий инжир в Язгуляме называют *xəhek* [Баранов - Райкова, 36, с. 97], примеч. I/. Возможно это название не собственно дикого инжира, а место его зарослей по берегам речки *Xəhek* или *xəhak* (букв. «водичка»,

«речушка») – притока р. Пянджа возле Язгуляма (любезно указано Эдельман).

Тут – *tud* – **mulberry** – (тут). Специалисты считают, что культура тута в Бадахшане существует с глубочайшей древности. Здесь есть много эндемичных «плодовых» сортов тута, а «для распространения иноземного растения и особенно для создания местных его сортов нужно значительное время, исчисляемое не сотнями, а тысячами лет» [Земл.ГБАО 1964, 34, с.64]. Родиной же двух видов тута - белого (*Morus alba*) и (*Morus nigra*) считаются предположительно соответственно Восточный Китай и Передняя Азия [Вавилов - Букинич, 1929, 46, с.451-452; [Бахтеев, 1970, 38, с.226.] Об исключительной древности культуры тута в Припамирье свидетельствуют и его названия в памирских языках: вах. *t t*, тыδ, *tut*, сангл. *tūt*, ишк. *tut*, мдж. *tūu*, шугн., рош. *tuδ*, хуф., руш., барт. *Tūd* (в сложениях *d°*), язг. *ted*, сар. тыδ, *tūd* «тутовник», «шелковица». По мнению Г.Моргенстиерне, шугнано-рушанские слова в связи с - δ - могут быть «довольно ранним заимствованием из персидского» [EVSh, 1974, 195, с.80a]: перс., афг. *tūt*, тадж., узб. *tut* «тут». Мунджанское же слово, вместе с персидским, может непосредственно продолжать др. - ир. *Tūta* - [Gauthiot, 1915, 177, с.153], очевидно, старое слово культурного круга, о происхождении которого из иранских, семитских языков или китайского ведутся споры [laufer, 1919, 185, с.582; CDIAL, 1966. 210, 841с.]. К числу старых заимствований следует отнести и формы *tūwa*, *tewa* в афганском диалекте ванеци [Elfenbein, 1965, 174, с.598], такие пар. *tī* «шелковица». Слово - это известно и в индоарийских языках, куда оно, по всей видимости, пришло из иранских, в том числе и в скр. *tūta* -, *tūda* -, *tūla*, кашм. *tūl*, *tel*, панджаби *tūl*, лахнда, маратхи *tūt* и др. «тут»; также бесспорные недавние заимствования из перса., афг., приводимые Ж. Фуссманом [ADIAL, Fussman, 1972, 176, t.2, с.232-233]. Остальные сорта тута имели гораздо меньшее распространение. Невелико было в садах количество деревьев сорта *muza(f)fari*, происходящего согласно традиции, из сел. Музафари в Афганском Бадахшане, которое славится

своими садами [Земл. ГБАО, 1964, 34, с.168]. В Вахане известен сорт яблок под этим названием: вах., вах. - тадж. *məzafari*, *muzafari* [ЯВГ, 1976, 57, с.394]; дарв. *muzafari-tut* «сорт тутовника» [Баранов -Райкова, 1928, 36с.70], язг. *məuzofari* «сорт шелковицы». Перечень сортов тута: Шугн. *сāх* - *dūd* букв. «пестрый тут», шугн. *сāх* - (f.), *čūγ* «пестрый». шугн. *maγ-dūd* букв., возможно, «овечий тут», шугн. *maγ* «овца». шугн., руш. *šafen-dūd* к шугн. *šāf* «слива»? Шугн. *tēr-dūd*, руш. *tēr-dūd*, букв. «черный тут», шугн. *tēr* «черный», ср. дарв. *siyo* - *tut* букв. «черный тут» и шугн. *tēr-mēwā* «дикорастущее дерево с ягодами вроде вишен», букв. «черный плод». В перс. *siyāh* - *tūt* «черная шелковица (*Morus nigra*)». Шугн. *kəlo* - *dūd* к шугн. *kilo* из тадж. *kuloh* «шапка», «колпак» » или шугн. *kilo* «тыква» В Шугнани известен сорт яблок *kilo* - *tup* букв. «тыквенное яблоко» [Земл. ГБАО, 1964, 34, с.150]. Шугн. *xalang* - *dūd* к тадж. *xadang*, «белый тополь». Записанное Х.Шельдом руш. *uslay* - *dūd*, очевидно, идентично названию сорта руш., шугн. *wustlay*, приводимому А.К.Писарчик [ТДХ, 1958, 15, с.393, 495.6]; происхождение неясно. Напротив, зафиксированное А.К.Писарчик шугн. *malbêb* [ТДХ, 1958, 15, с.393] идентично названию сорта руш. *malbīb* - *dūb* у Х. Шельда [Баранов - Райкова, 1928, 36 с.69], язг. *malbeb*, дарв. *malbib*. Видимо, это какое - то слово арабского происхождения, возможно, имя собственное. В ванджских говорах записано как *malbel* «сорт тута» [Розенфельд, 1964, 135, с.101 б].

Абрикос - *nōs*, *qōqnōš* - apricot - (зардолу). Названия для сушеных абрикосов известны не во всех памирских языках. Вах. *čimbir*, *čambur* «урюк» «сушеный абрикос» связано с кхов. *chambor* «id». [O'Brien, 1895, 202, с.47]; ср. еще шина *člmtūs*, бур. *čhlmtus* «сушеные абрикосы, размоченные в воде». Это слово напоминает названия плодовых деревьев, вероятно, неарийского происхождения, в индийских языках: скр. *jambīra* - «цитрон, jambu» -, *jambūla*-, непальское *jаму*, *jimir*, хинди *jambhīr* и др. [Turner, 1931, 209, с.215-218; CDIAL, №210. и см.; KEWA, Bd I, 188, с.418], но ср. также тув. *čimis* «плод», «фрукт». Сар. *čili* «компот», «кисель (из абрикосов) » может быть связано с родовым названием абрикоса с начальным *č* -, известным во

многих языках Восточного Гиндукуша, непосредственный источник сарыкольского слова - уйг. čùle «сушеные абрикосы, размоченные в воде». Связь последнего с перс. gul-āb «розовая вода» [Jarring, 1964, 183, с.78] маловероятна. Ядрышко абрикосовой косточки во многих памирских обозначается словами типа «сердцевинка», «косточка» или же в зависимости от вкуса косточки, например, мдж. talxək, вах. talxək «ядрышко абрикосовой косточки» (тадж. talx «горький»), вах. хуžgek «id». (вах. хуžg «сладкий») букв. соответственно «горьченькое» и «сладенькое». В ваханском ядрышко называется также sərkək, словом, связано с вах. sərk «костный мозг». Происхождение этого слова неясно, объединение с русск. зерно, афг. zəray «семя», «косточка» [Пахалина, 1975а, 121, с.26 Іб] неубедительно. Шугн., руш., хуф. хој «абрикосовые косточки (зернышки)» родственно язг. šeg «кость» (из др. - ир. ^Аaxšāka [EVSh, 195, с.І0Іb]). Неясно происхождение сар. žeg «плодовая косточка» и сар. rīkči «абрикосовое зерно». Язг. čašeg «абрикосовая косточка, очевидно, во второй части содержит упомянутое выше язг. šeg «кость»; ср. язг. čašeg - tašeg «абрикосовые косточки и прочие сладости». Шугн. maʔz «ядрышко» заимствованно из тадж. maʔz «зернышко», «ядрышко», «мозг». Во всех языках шугнано - рушанской группы абрикос (и плод, и дерево) называется одинаково - словом, отличным от названий абрикоса в других памирских языках и, по - видимому, восходящим к общешугнанскому состоянию: шугн., барт. poš, руш., хуф., рош. nūš, сар. miš «абрикос». Г.Моргенштерне восстанавливает гипотетическое др. - ир. ^Аnāha - [EVSh. 1974, 195, с.50a]. Более обоснованным кажется, однако, сравнение шугнано - рушанских слов с перс. pašvā «дикая слива», предложенное В.Томашеком [Tomaschek, 1880, 208, с.59], к которому следует добавить и известные названия сорта груши тадж. poš^oṛutī, перс. nāš^opātī, афг. (из перс.) nāšpātaɣ, сар. nāš^oṛyt, шугн. (из тадж.) poš^oṛotī, вах. (из тадж.) poš^o(o)ti и др. -название сорта сладких груш.

Яблоня - **mūn** - apple - (себ). Слова, обозначающие яблоко, яблоню, во всех памирских языках и в афганском фонетически закономерно восходят к

др. - ир. [^](e)marna - «яблоко»: вах, тыг (<<[^]mār-<[^]manra-), ишк, mend, сангл, mēl, шугн. mūn, руш. māwn, хуф., барт., рош. town, сар. mon, язг. mawn мдж aṁeṁgá йид. āmuno афг. мапа «яблоко» «яблоня» <[^](a) marnā - [EVP, 192, с.45; IIFL, 1938, 191, vol.2. с.191b; EVSh, 195, с.44b]. Такая же древнеиранская основа реконструируется и для старовандж. тауп «яблоко», сохранившегося в названиях ванджских сортов яблок šilmun surxmaup и др. Среди других иранских языков сходная основа представлена, быть может, лишь в пар. āmar, орм. mlīc' «яблоко» хотя детали их фонетического развития неясны [IIFL, vol. I, 190, с.233b, 400ab]. Персидское и прочие названия яблока с начальным m-, приводимые Т.И.Пахалиной [Пахалина, 1975а, 121, с.44б], в доступных словарях не значатся.

Груша - *marūd* - pear - (муруд, амруд). Наиболее общим, фактически родовым обозначением груши в памирских языках служит заимствование (в ряде языков очень давнее) из тадж., перс. amrūd «груша», хотя чаще грушевые деревья называют по отдельным сортам, как в Дарвазе [Баранов - Райкова, 1928, 36, с.78]. Названия сортов груши вах. amryd, amrud, ишк, amrūt, шугн. marūd, руш. marūd, барт. murūd, рош, murəd, сар, армыт, armūt, язг, mared, мдж, amrūt [Зарубин, 1927б, 75, с.136], йид. ābrūo, ambrōz, (в сочет. с йид, čoggo, kyogō) являются разновременными адаптациями тадж. murūd, перс. amrūd «сорт груши, «груша. Йид. ambrōz, верш. ambroz усвоено через посредство кхов. ambroz (из перса. «IIFL, 1958, 191, vol.2, с.190b»). Для Йид. ābrūo (čoggo) род дикой груши Г.Моргенстиерне восстанавливает др. - ир. hamrautā - [IIFL, 191, vol.2, с. I 88a]; но есть больше оснований предполагать давнее заимствование из перс. amrūd «груша», пехл. urmōd, ср. афг. amrūt, amrud, кирг. (из иран) almurut, узб. olmurut [Doerfer, 1967, 172, с.26] и др. «груша». Есть предположение о том, что это слово армянского происхождения и этот сорт груши происходит из Закавказья [Вавилов - Букинич, 1929, 46, с.460], примеч. I. Это широко распространенное слово для груши следует, видимо, связать с древним обозначением яблони, также словом культурного круга ([^]mal -, [^]amlu - и др).

Грецкий орех - *bōjak* - walnut - (чормағз). В памирских и других иранских языках это слово для грецкого ореха во всяком случае восходит к древнеиранскому, как о том безусловно свидетельствует отражение анлаута (g) - в западноиранских языках, (γ) - в восточноиранских и вокализм, указывающий на древнеиранский дифтонг ^Aau. Связь иранского названия ореха с др.- инд. aksota -, ākhota -, «орех» считается спорной и сомнительной, вероятнее предполагать неарийское происхождение индийских слов [Laufer, 1919, 185, с.254; KEWA, Bd I, 188, с.16; CDIAL, №210]. В бадахшано-таджикских говорах грецкий орех обозначается обычным таджикским названием тадж. čormaγs букв. «четыре мозга» [Баранов - Райкова, 1928, 36, с.88], «четыре ядрышка (плода)» (перс., тадж. maγs «мозг», «зернышко», «ядро», «внутренность»); в северо-таджикских диалектах узбекизированное čulmoq, dūmoq, čimoq и др. «грецкий орех» [Расторгуева, 1963, 129, с.217]. В ванджских говорах старое иранское слово для ореха сохранилось в названии сорта орехов вандж. čormaγz-i γəz [Розенфельд, 1964а, №135]. Старовандж. Караγuz «большое ореховое дерево» в первой части, видимо, содержит слово для обозначения тыквы - горлянки, вандж karar.

Лох, джидда, маслина дикая - *sīzd* - russian olive - (санчид, чигда). Среди дикорастущих плодовых деревьев выделяется по своему значению лох или джида - «sīzd» (*Elaeagnus orientalis*, *E. angustifolia*), известный на Кавказе как пшат. Лох растет в долинах западного Памира повсеместно, его древесина известна своей прочностью и идет на изготовление пахотных орудий [ТДХ, 1958, 15, с.38], как и в других соседних областях, из лоха строят также деревянные мосты [Андреев, 1927, 13, с.22]; [Вавилов-Букинич, 1929, 46, с.461]. Плоды лоха могут очень долго сохраняться без всякой предварительной обработки и в прошлом весьма ценились благодаря этому качеству. Эти плоды, подобно финикам в Аравии и Северной Африке, служили важным путевым припасом в караванных сообщениях Центральной Азии; из них делали муку, готовили пиво [Жуковский, 1971, 69, с.525; Бахтеев, 1970, 38, с.119]. Андреев, М.С. приводит в работе о Панджшире

загадку о плоде лоха: «маленький красный мех, [Андреев, 1927, 13, с.87]. Роща деревьев лоха, плоды которых употребляют в пищу, есть у самого почитаемого в Вахане и Ишкашине мазара, посвященного Али, около сел. Наматгут [Баранов-Райкова, 1928, 36, с.102, примеч.].

Ревень - *štōrδk* – rhubarb - (чукрй). Ревень (Rheum) в Припамирье «как и в других местах Средней Азии, считается очень полезным и даже лекарственным растением, ...» [ТДХ, 1958, 15, с.241]. В сыром виде он употребляется в пищу весной, из сушеных стеблей мелют муку, которую добавляют в молоко. Считается, что ревень очищает организм от вредных веществ, накопившихся за зиму [ТКД, 1970, 145, с.268]. В памирских языках ревень называется по-разному. Вах. *špod*, *špod/d* «ревень» может быть заимствованием старой формы кхов. *išpār* «ревень» восходящей к др.- инд. *sṽāta* -71, сопоставляемого с ведическим эпитетом сомы др. -инд. *sṽātra*-дающее силу [Morgenstierne, 1973a 200, с.274-276], сюда же кати *śwā*, прасун (*ucaṣer sātvāra*) «ревень» [CDIAL, 1966, № 210.]. Сомнительным, однако, кажется предположение А.Стейна о том, что сомахаума первоначально и изготовлялась из ревеня [Morgenstierne, 1973a, 200, с.276]. Широко распространенное в восточноиранских языках и таджикских диалектах название ревеня *śūkri* (дари, тадж., орм., паш., язг., мдж., йид., кхов., узб. и др.), по - видимому, также индоарийского происхождения, к др. - инд. *sukra* - «кислый на вкус», «щавель», «ревень» [Morgenstierne, 1973a, 200, с.273; CDIAL, 1966, №210]. Неясно происхождение руш., хуф., язг. *wadār*, шугн. *štordk*, мдж. *šīiko*, йид. *šiyiko* «ревень».

Мята - *wīdm* - mint - (наъно, хилбу). Памирские названия мяты (*Mentha asiatica*, *M. arvensis*, *M. silvestres*), как и большинство названий популярных растений, очевидно, принадлежат к словам культурного круга, возведение их к производным от др. -ир, *ʰvad*-[Morgenstierne, 1966a 193, с.152] или *ʰbaud*-[EVP, 192, с.86] весьма сомнительно, хотя связь с другими иранскими словами для мяты несомненна (в памирских, возможно, старое общее заимствование): шугн., барт. *wīdn*, хуф. *wīdm*, руш. *wudm*, *wudn*, язг. *wadm*,

вах. wadn, waḏn, мдж. wālen ‘мята’; ср. также афг. weləna, тадж., перс. pūdina (ишк. pudina из тадж.), пар. Putunik [Morgenstierne, 1960b, 196, с.115], шина pfilīl, бур. fiflīl, калаша boin, кати wāře, кхов. ben «мята» [IIFL, 1938, 191, vol.4, с.84a]. По мнению Г.Моргенстиерне, перечисленные дардские слова и слова языка бурушаски - заимствования из иранских языков, также, как и араб. fūyanaḡ, fūtanaḡ [Беруни, 1974, 41, с.691], уйг. pinnā (из перс. [Jarring, 1964, 183, с.230]) и, возможно, русск. полынь [EVSh, 1974, 195, с.88b; Laufer 1919, 185, с.198]. В.И.Абаев выводит осет. bit’na (ирон.), bet’ina (диг.) «мята» из груза. p’it’na, которое сближает, в свою очередь, со средиземноморскими и европейскими названиями для мяты (лат. mentha, русск. мята) [Абаев, 1958, 1, с.263]; возможно также сближение с перс. piyāz «лук» [Hubschmann, 1895, 182, с.44].

Вишня бородавчатая - *vīn* - nipplewort, warty current - (ахман). Среди дикорастущих плодовых кустарников нужно упомянуть шугн. vīn «вишня (Cerasus verrucosa)» [ТДХ, 1958, 15, с.54; Зем. ГБАО, 1964, 34, с.165], очевидно, родственное язг. vaṇ «дикая вишня», тадж. диал. boṇiḡ, (зеравшанское) vaṇiḡ «вишня бородавчатая (Cerasus verrucosa) [Запрягаева, 1964, 71, с.490]. По - таджикски этот кустарник называется уахман(ак), уахмон [ТДХ, 1958, 15, с.54; Запрягаева, 1964, 71, с.490], ср. бад. -тадж., ишк. ахман «горная вишня».

Смородина - *xiḡiḡ, xiḡiṭ* - current - (кот). В долинах западного Памира и Восточного Гиндукуша произрастает несколько разновидностей дикой смородины. Шугн. xiḡiḡ, xiḡiṭ, «смородина» относится, по - видимому, не только к *Ribes janczewskii* [Земл. ГБАО, 1964, 34, с.166], но и к *Ribes nigrum* [Баранов - Райкова, 1928, 36, с.102, примеч.].

Смородина волосистая, красная смородина - *širīzm* - red current - қоти сурх. *Sirīzm* – это, видимо, и «*Ribes villosum*» и «*Ribes meyeri*», гор. šidirm «*Ribes* sp.» [Запрягаева, 1964, 71, с.297, 307, 674]. По - вахански такая смородина (дикая желтая или волосистая, пушистая) называется čilažm. Это

слово может быть индоарийским по происхождению: кхов. *čilažum* «кустарник с мелкими ягодами» [IIFL, vol. 2, 191, с.256b].

Смородина чёрная - *qaraqōt* - black current - (қоти сиёх). Для обозначения смородины в памирских языках употребляются известные заимствования из тюркских, таджикских диалектов: сар. *qaraqot*, язг., шугн. *qaraqōt*, вах. *qeraqot* «смородина»; ср. дарв., матч. *qaraqot*, кирг. *Karagat* и др.; есть, однако, и оригинальные слова, происхождение которых неясно: хуф. *γēnūd* [ТДХ, 15, с.110], бадж. *γinīd* [смородина] (<^Аjanata - ? [EVSh, 195, с.38b]); мдж. *ašāsta*, йид. *ašāsto* «смородина».

Исследуя лексики лекарственных растений нами собрано большое количество наименований, которые были подвергнуты анализу. Преводим список этой лексики в сравнительном плане в виде таблицы с переводом на таджикский, русский, и английский языки:

Таджикско-шугнанский-русско-английский наименование лекарственных растений

Таджикский	Шугнанский	Русский	Английский
латтахор	<i>žāš</i>	татарник колючий	thistle
мармарак	<i>rūpēdumak</i>	шалфей летвенный	sage
чормағзи заминӣ	<i>yūz</i>	грецкий орех	walnut
найшакар	<i>nayšakar</i>	тростник	rush, cane
хаома, асорун	<i>amojak</i>	эфедра средняя, эфедра, кузмичева трава	ma-huang, ephedra
ширинбия	<i>muthq</i>	солодка красильный	licorice, liquorise
кимиши одди	<i>naδ, xīt</i>	тростник обыкновенный	reed, rush, cane
хурфа, испанд	<i>sipandūnā</i>	кресс посевной, кресс-салат	watercress, garden-cress
чалғузаи дарахти балут	<i>čalyuzā</i>	жёлудь	acorn
ангат	<i>galašud, xīnšud</i>	облепиха, крушиновидная	sea-bukthorn
марминчон	<i>marminjūn</i>	ежевика сизая	blackberry, bramble

муруд, амруд	<i>marūd</i>	груша	pear, pear-tree
мониюлиё	<i>monixulyō</i>	магнолия крупноцветная	magnolia, sweet bay
мош	<i>mōḥ</i>	маш	a kind of peas
мумиё	<i>mumiyoyi</i>	мумиё	mummy
шалха, хуммоз	<i>šalxā</i>	щавель пирамидальный	eared dock
шалха, хуммоз	<i>šalxā</i>	щавель конский	Russian dock
шалха, хуммоз	<i>šalxā</i>	щавель водный	western dock, Scottish dock
макак	<i>sipīfčāk</i>	пустыноколосник Шугнана, эремостохис	eremostohis
забони булбул	<i>wiḍičzivak</i>	горец почечуйный	lady's thumb
замбурӯғи чормағз, чоғар	<i>ḫkambāk, yiḡr</i>	гриб берёзовый	fungus, toadstool
сабзй	<i>zardak</i>	морковь	carrot
олу,	<i>alyanʃor</i>	слива	plum
сабур, алое	<i>sabur</i>	алоэ	aloe
гули ақокиё	<i>aqoqiyo</i>	акация	acacia
тути заминй	<i>zimaḍ duḍ</i>	земляника, клубника	strawberry
рунос	<i>arḍīn</i>	марена красильная	madder
шанбалид	<i>bamodwoḫak</i>	Мать-и-мачеха	foaltfoot, coltsfoot
чилбуғум	<i>bandakwoḫ</i>	хвощ ветвистый	horse-tail, mares-tail
нашъа, банг	<i>bang</i>	конопля	hemp
нашъаи ёбой	<i>bangwōḫak</i>	конопля сорная	hemp
тус, хаданг, дарахти тус	<i>bruč</i>	берёза памирская	birch
зардаки саҳроӣ	<i>čarmak</i>	морковь дикая,	wild carrot
шибити худрӯй	<i>čarmak</i>	кориандер	coriander
пиёзи даштӣ	<i>čāḫ, puḫtayipiyōz</i>	дикий лук	wild leek
Қамиш	<i>qamiš</i>	джут	jute
чағора	<i>čijōrj, šārmixčak</i>	грибы	mashroom
талхпиёз	<i>čixpiyōz</i>	лук репчатый	onion
талхак, буя	<i>čix-wōḫak</i>	вексебия толстоплодная, софора толстоплодная	thick-fruited pagoda tree

чай	<i>čoy</i>	чай	tea
чайгиёҳи шахшули зард	<i>čoywoǰak</i>	зверобой кристальный, кровавник,	klamath weed,
чайкаҳак	<i>čoywoǰak</i>	зверобой продырявленный, зверобой обыкновенный, зверобой пронзенный кристальни, кровавник,	common ST John's wort, klamath weed,witches herb
чав	<i>čusč</i>	ячмень	barley
гули кабуд, тугмагул	<i>deqũnvidirm, žõwgulak</i>	василёк	corn-flower
алафи печон	<i>divuskδumak</i>	горец змеиный, змеевик раковые шейки	snakeweed
дулона	<i>dulũnā, termēwā</i>	боярышник Алтайский, боярышник Королькова	hawthorn
фарн	<i>farn</i>	папоротник мужской	fern, male fern,
занбуруғ	<i>yiǰr, ǰikambāk</i>	чага, поганка, березовый гриб	toadstool, fungus
обсабз	<i>γõb</i>	водоросль	alga, aquatic plant, seaweed
юнучка	<i>γõrǰ</i>	клевер луговой	clover
гули бобуна	<i>guǰčivĩr</i>	ромашка	camomile
гули кабудак	<i>isparčet, niligulak</i>	эспарцет	sainfoin
чамбули куҳӣ	<i>jambul</i>	джамбул	jambul
чавзи ҳиндӣ	<i>ǰāvz, ǰāvz</i>	мускатный орех	coconut
зираи ҳинди, нонхоҳ	<i>ǰawũni</i>	ажгон	ajwain
камол	<i>kamoldũna</i>	плод ферулы	ferule
кавар	<i>kavār</i>	каперс травянистый	caper
ангури сагак, ангури сагаки сиёҳ	<i>kidvinak, kiryõpč</i>	паслён сладко-горький	bittersweet, nightshade
мавиз	<i>kišmiš</i>	кишмиш	seedless, raisins, sultanas
қаҳва	<i>kõfē</i>	кофе	coffee

череда трехраздельная	<i>kudkālak</i>	череда	bur - marigold
кунчид	<i>kunjit</i>	кунжут	sesame
ширак	<i>kūrčimeḍ, kūrwoḥak</i>	молочай зеравшанский	euphoriba
ширак	<i>kūrwoḥak, kūrwoḥaki safed</i>	молочай зеравшанский	euphoriba
гули ёс	<i>lailak</i>	сирень	lilac
чавдор	<i>lašak</i>	рожь	rye
лиму	<i>limu</i>	лимон	limon
лоласурхак	<i>lōlā gulak</i>	тюльпань	tulip
маҷнунбед	<i>majñūnwēd</i>	плакучая ива	weeping willow
норанг	<i>noranj</i>	мандарин	tangerine
нок	<i>marūd</i>	груша	pear, pear-tree
лубиёи чинӣ	<i>maḥak</i>	фасоль, бобы	harico, kidneybean
мушунг	<i>maḥōrj</i>	горох посевной	peas
лубиё,	<i>maḥorj</i>	горох	haricot
нахуд	<i>maḥōrj</i>	горох	pea
Мехчагул	<i>mexgulak</i>	красная гвоздика	carnation
торон	<i>mīsk, mēst</i>	горец дубильный	Polygonum coriarium
себаргаи сафед	<i>mōrj</i>	клевер пользучий	shamrock
себарга,	<i>mōrjwoḥak</i>	клевер	clover, tretfoil
себ	<i>mun</i>	яблоко	apple
қуртум, усфур	<i>musfār</i>	сафлор красильный	safflower
мушлак	<i>mušlak</i>	росянка круглолистная	sundew rotundifolia
ширинбия	<i>muḡq</i>	солодка голлая, лакричный корень	licorice
парпигул	<i>nižōrgulak, niligulak, parpigul</i>	горечавка оливье, горечавка лёгочная, синний звербой, горечавка бородастая, горечавка жёлтая, горечавка крупнолистная	marsh gentain, bearded gentain, yellow gentain,
нок,	<i>nōšpoti</i>	груша таджикская	pear
гули одамруй	<i>odampičak</i>	анютины глазки	pansy
олуболу	<i>oliboli</i>	вишня	cherry

олуча	<i>olučā</i>	слива Венгерка, алыча	greengage
пилгуш	<i>paranpārḱ, waranpārḱ</i>	лопух гладкосемянный лопух войлочный, репейник	wooly burdock
пахта	<i>paxtā</i>	хлопок	cotton
печак	<i>pēčak, zarpēčak, gulpēčak, wirjundak</i>	повелика тонкостебельная	dodder, convolvulus
чағ-чағ	<i>peḫdōwēzak, chupūnxiltā, lulaxiltā,</i>	пастушья сумка, обыкновенная	blind weed, shepherd,s bag, poor man,s parma cettie
писта	<i>pistā</i>	фисташка	pistachio, pistachio- tree
пиёз, талхпиёз	<i>piyōz, cīḫpiyōz, buqpiyōz</i>	лук	onion
кокути саътари даштй	<i>pudinā</i>	зизифора тонкая,	fine wire
пудинаи кӯхй	<i>pudināi puḫtayi</i>	зизифора памироалтайская	ziziphora
мушхор, эзорчаспак	<i>purgžāšak</i>	лопух большой	burdock
чави румй	<i>pušidājaw</i>	полба	wheat
пиёзи даштй	<i>puḫtayipiyōz, cāḫ</i>	дикий лук	wild leek
часпакхор, сагчаспак	<i>Pidaḫcāk</i>	длинно столбиковая трава	bur-mary gold
сиёхкот	<i>qaraqōt</i>	чёрная смородина	black-currants
шалғамча	<i>rediska</i>	редиска	garden-raddish
сафедори сиёх	<i>rīm</i>	осокорь, тополь черный	black poplar
нахуд	<i>rivand</i>	нут посевной	chick-pea
насрин, настаран	<i>rōštsadbarg</i>	шиповник обыкновенный,	cinnamon rose
сурхбед	<i>roštḡān</i>	ива козья, краснотал, верболоз, ива-шелюга, ива остролистная, верба красная	silver willow
чорубак	<i>ruštvidirm</i>	полынь метельчатая	warmwood
хатми	<i>ruštžirmēsk</i>	шток роза	hollyhock,
халанчак	<i>sabačak, sabesak</i>	толокнянка	beaberry
сипарғам,	<i>sābunak</i>	душица мелкоцветная,	oregano, marjoram,

		душица обыкновенная	common origanum
парпигул	<i>safedgalak, safedgulak</i>	горечавка холодная	white gentain
усфур	<i>safedmisfār</i>	софлор, софлор красильный, дикий шафран	wild saffron
сафедори сафед	<i>safedōr</i>	ива белая, белотал	willow
сафедреша	<i>safēdrešā, xasyelak, sabunwiyešak</i>	колючелистник метельчатый, мыльный корень	soap root, chorogalum pomeridianum
садбарги сафед	<i>safēdsadbarg</i>	дамасская, белая роза	white rose
гули хайрй	<i>safēdžīrmēsk</i>	шток роза голоцветковая, мальва, просвирник лесной	hollyhock, woodland mallow, cheeseflower
сафораи японй	<i>saforayi yapūni</i>	софора японская	Japonica sophora
қайқиз	<i>safrowoḥak</i>	кресс посевной, кресс салат	watercress, garden cress
шабдор, себаргаи сурх	<i>šaftal</i>	клевер луговой	red clover
шумгиёҳ	<i>šaftal</i>	красный клевер	red- clover
шафтолу	<i>šaftōli</i>	персик	peach
сахлаб, сухлаб	<i>sālab</i>	орхидея	orchid
туршак, шилха	<i>šalxā</i>	щавель конский	horse dock, horse sorrel
шулха	<i>šalxā, hummoz</i>	щавель курчавый	curld dock
шалғам	<i>sārb</i>	репа	turnip, raddish
хокшир	<i>savrak</i>	сурепка луговидная, сурепка обыкновенная	common wintercress
суранч	<i>savrinjūn</i>	безвременник осенний	meadows-affron
гули савсан	<i>savsan</i>	ирис	Iris
савсан	<i>savsangulak</i>	ирис, лилия	iris, lily
себарга	<i>sēbargā, mōrj</i>	трилистник	trefoil, shamrock
мулкак	<i>sidirg, sadarg</i>	чина луговая	meadow vetching
хурфа	<i>šifurčak</i>	портулак огородный	purslane
санавбар	<i>sinawbar</i>	сосна	pine-tree
сир, саримсоқ	<i>sīr</i>	чеснок	garlic

шоҳбуса	<i>širyorjak</i>	донник лекарственный, донник жёлтый	yellow sweetclover
сиёҳдона	<i>siyōdūnā</i>	чернушка посевная	nigella
санчид, чигда	<i>sīzd</i>	джидда, лох, габиро	jeddah, goof
шобезак	<i>šobezak</i>	красавка	belladonna
шахтара, шахт- аранч	<i>šōturrai Hind</i>	дымянка аптечная	Indian Jimsonweed
чукрй, ревоҷ	<i>štōr9k</i>	ревень Максимовича	Rhubarb
сурхбарг, муғулчой,	<i>surxsōj</i>	иван-чай, кипрей, копорский чай	rose-bay, willow-herb
тарбуз	<i>tarbuz</i>	арбуз	water-melon
хардал	<i>tartezak,</i>	горчица	mustard
татум, тутум	<i>tatum</i>	сумах дубильный	Sicilian sumac, common smoke tree
шоҳтут, тути сиёҳ	<i>terduδ,</i>	шелковица чёрная	mulberry
мурч, фул-фул	<i>tērmurč</i>	чёрный перец	black pepper
офтобпараст	<i>tērmusfār</i>	подсолнечник	sunflower
сиёҳаки гандум	<i>terroʻžzak</i>	палевел опьяняющий	weed, darnel, cockle
бустонафруз	<i>tōjxurus</i>	амарант барахатный	amaranth, pigweed
турб	<i>turb</i>	редька	black-raddish
шура, шурабутта	<i>tuǰpak - wōǰ</i>	солянка Рихтера	saltwort
тути сафед	<i>tūδ, bedūnā</i>	тутовник, шелковица	mulberry
шибит	<i>šibit</i>	укроп огородный	dill
обсабза	<i>uzniǰaǰi</i>	ряска	duckweed
мурчи обй	<i>uzniǰaǰi</i>	горец перечный, водяной перец	marsh-pepper, smartweed, red-knees, water pepper,
хори гусфандак	<i>vazmūδq, naxchirxoǰak</i>	рагоглавник серповидный	Ceratocephalus falcatus Rexs
яхмонак	<i>vin</i>	вишня бородавчатая	bearded cherry
морчуба, сарсабил	<i>warānpārḱ</i>	спаржа	asparagus
сиёҳбед	<i>warmāk</i>	ива русская, чернотал	bay - leaf willow
наъно, хилбу	<i>wīδm</i>	мята	mint
настаран	<i>ǰar, šuδǰar</i>	шиповник иглистый	pricly-rose, wild-rose

настаран, насрин	<i>ǰar, xuč</i>	шиповник	dog-rose, wild-rose, hips
харбуза	<i>xarbuza</i>	дыня посевная, биттых	melon
райҳони сулаймоний	<i>ǰasipirux(m)</i>	базилик огордная	basil
нозбуй, райҳон, марзанчуш,	<i>ǰasipirux(m), ǰasipiruxmi boyi</i>	базилик обыкновенная, базилик огородная	basil
бунавшаи чамани	<i>ǰaǰayanč</i>	цикламен	cyclamen
пудинаи куҳӣ	<i>ǰičīfxorǰ</i>	котовник железистый	neptta glutinoza
кот,	<i>ǰicīt</i>	черая смородина, красная смородина	red-berry, black-berry
боқило	<i>xidārmaǰ, maǰ</i>	бобы	bean, haricot
ҳино	<i>ǰikurāng</i>	хна, хенна	henna
явшон	<i>ǰinč</i>	полынь обыкновенный	absinth, wormwood
ишкоргиёх	<i>ǰiqorak</i>	марь, марь белая	pigweed
уштурхор	<i>ǰiturǰāšak, ǰāš</i>	верблюжая колючка	camel's thorn, camelthorn
патак, матари	<i>ǰiǰīw</i>	чина луговая	meadow vetching
ҳилбу	<i>ǰmlit</i>	пажитник сенной	fenugreek
хорхасак	<i>xori muǰelūn</i>	якорцы стелющиеся	puncture vine, goat head
хулон	<i>xulūn</i>	крушина ломкая	alder buckthorn, black alder tree
хурмо	<i>xurmo</i>	финик	date
челон, унноб, хурмо	<i>xurmo</i>	унаби, зизифус, финник	finnic
муаттар, хушбуй	<i>xushbūyǰulak</i>	душистый	sweet pea
ёсуман	<i>yōsuman</i>	жасмин	jasmine
хориуштур	<i>ǰāš, ǰiturǰāšak</i>	мордовник самаркандский, мордовник обыкновенный	globe thistle
хорак	<i>ǰāšak</i>	бодяк	thistle
зағир	<i>ǰiyēr</i>	лён обыкновенный	flax
сулӣ, хартуман	<i>ǰēsak</i>	овёс	oats
говдона, газак	<i>ǰewmaǰorǰak</i>	чечевицообразная вика	lentil vetch

тархун	<i>čeḥčak</i>	полынь эстрагон	wormwood, uncle Henry
афлесун	<i>aflēsūn</i>	апельсин	orange
афюн	<i>afyun</i>	опиум	opium, opium somniferrum
сабур, алое	<i>aloe</i>	алоэ	aloe
арчаи кӯҳӣ	<i>ambaḥč, ambēḥč</i>	можжевельник шугнанский	juniper Shugnanian
зулфи обӣ	<i>ančāviḡak, ragakwōḥ</i>	подорожник большой	lamb's foot
ангур	<i>angur, angurδ</i>	виноград	grapes
анчир, бала	<i>anjir</i>	инжир	fig, fig-tree
анор, руммон	<i>anor</i>	гранат	pomegranate
сарви куhi, ар-ар	<i>ar-ar</i>	тополь	poplar, black-poplar
ар-ар	<i>ar-ar</i>	тополь Памирская топольбальзамический	balsam-poplar
садтумани	<i>ašrafi - gul</i>	пион, марьян корень	peony
хучаста,	<i>azarguni</i>	ноготки лекарственные	marigold
ханва	<i>azargūni</i>	ноготки лекарственные, календула	marigold medicinal
бодом	<i>baḡum, bōḡum</i>	миндаль , орех	almond
газнаи бехор	<i>bešud - čilyinčak</i>	глухая крапива	prickless nettle
гули барфак	<i>buorigul</i>	ландыш	lily of the valley
гули ҳамешабахор	<i>beḡarmgulak xirbijwoḥak</i>	сушеница болотная, сушеница топяная, иммортель	marsh cudweed, everlasting
дарахти биҳӣ	<i>bihi</i>	айва	quince
биринҷ	<i>birinj</i>	рис	rice
зираи форсӣ	<i>bobak</i>	клубнетмин персидский	tuberous
анис	<i>bobgulak</i>	анис обыкновенный	anise,
бодиринг	<i>bodiring</i>	огурец	cucumber
розиёна, бодиён анис	<i>bodiyūn</i>	анис обыкновенный	anise
бодиён, розиёна	<i>bōdiyūn</i>	фенхель обыкновенный	fennel
розиёна	<i>bōdiyūn</i>	склера, фенхель	fennel

бунавшаи чамани	<i>boyi - ʃaʃayanē</i>	цикламен	cyclamen
пудинаи боғи,	<i>bōyiwīdm, wīdm</i>	мята перечная	mint
боимчон	<i>boyinjūn</i>	баклажан	egg-plant, aubergine
тус	<i>bruč, vyz ,</i>	берёза памирская	common-birch,silver-birch,white-birch
буғум	<i>buɣumwēd</i>	пальма	palm
буғма	<i>buɣumwōʃak</i>	отавник еверсманна, леонтица Смирнова	leon
дарахти булут	<i>bulut</i>	дуб обыкновенный	oak-tree
талхпиёз, пиёз	<i>buqpiyōz, cīʃpiyōz, piyōz,</i>	лук	onion
кангара, анганор	<i>buqzaš</i>	артишок посевной	artichoke
зарйф, исфарак	<i>būyambar</i>	живокость Брунана	Delphinium, larkspur
пуши бугин, гандапуш	<i>būyginčuidm, xinčuidm</i>	полынь персидская, полынь обыкновенная, чернобыльник	mugwort, motherwort
круш	<i>būygin-krūš</i>	борщевик сибирский	Siberian hogweed
дарманай Румй	<i>būyginšidixē</i>	полынь съерса, горкая полынь	worm-wood
буи модарон	<i>būywōʃak, zīrdōs</i>	тысячелистник Биберштейна	milfoil
зардаки сахрой	<i>čarmak</i>	морковь дикая,	wild carrot
зираи румй	<i>čarmak</i>	тмин обыкновенный	common caraway
девпечак	<i>čiyurjak, dewpečak</i>	ломонос восточный	clematis, traveller's-joy
замбурӯғ	<i>čijōrj, šarmiščak</i>	гриб, шампиньон	mushroom
чиллагиёҳ	<i>čilāyak</i>	василистник изолироидный, василистник вонючий	yellow meadow, meadow rue
газна	<i>cilyinē, cidyinē</i>	крапива двухдомная	nettle
сузгиёҳ, газна,	<i>čilyinc, čidyinc</i>	крапива	nettle
карафс	<i>čirifē</i>	сельдерей пахучий	celery
ишим, карафс	<i>čirifē</i>	дудник тройчатный, дягиль лесной	wild angelica
вазирак	<i>cirowēj, zīrdgālak</i>	сурепка обыкновенный	cole-seed, colza

пиёз, талхпиёз	<i>ṭīḥpiyōz, buqpiyōz, piyōz,</i>	лук	onion
пуши Вахонӣ	<i>cūḍmak</i>	полынь Ваханская	wormwood, absinth
пуш	<i>ṭuḍmak</i>	полынь метельчатая	absinth
гули говак, говдунбул,	<i>deqūnvidirm, žōwgulak,</i>	василёк синный	cornflower, bluebonnet, dustymiller, napweed.
боқле	<i>fasōl</i>	фасоль	haricot, kidney bean
гардбарга	<i>gardbarga</i>	тычинка	stamen
гашниз	<i>gaḥnīz, lūng</i>	кориандр посевной	koriander
гули кавкаб, картошкагул	<i>giargin</i>	георгина	dahlia
замбурӯғи чормағз, чоғар	<i>yiṭr, ḫkambāk</i>	гриб берёзовый	fungus, toadstool
дулонаи сурхак	<i>yiḍc</i>	боярышник джунгарский, кровоаво - красный	redhaw hawthorn
зарбати ғор, дарахти ғор	<i>yōr wōḫak</i>	молочай болотный	walenburg's glorie, bog - spurge
ришқа, юнучқа	<i>yōrj</i>	люцерна, люцерна хмелевидная	lucerne, alfalfa
марчумак	<i>marjumak</i>	гречиха	buckwheat
себи биҳй	<i>gulāmadi</i>	айва обыкновенная	quince sylvestris
гелос, гулнор	<i>gulōs</i>	черешня	cherry
густарак	<i>gustarak</i>	стланикк	elfin-wood,
гиёҳчехак, ҳино	<i>yūzič</i>	недотрога мелкоцветная	touch-me-not
ғўзахор	<i>yūzxōr</i>	волчец кудрявый, бенедикт	benedict
исфаноҳ, испаноҳ	<i>isfanoj</i>	шпинат	spinach
гули печак, ошици печон	<i>išqi pēčūn</i>	плющ	ivy
чаъфарй	<i>jāfari</i>	петрушка кудрявая	parsley, punch
сесанбар	<i>žambilak</i>	чабрец, тимьян	thyme
густарак	<i>žōduwōḫ</i>	стланик	elfin-wood,
чуворй,	<i>jugori,</i>	джугара	jugara,

камол	<i>kamōlak</i>	дягиль лекарственный	angelica
андугон, шилми камол	<i>kamolnēz, kamol, kamolak, ʁuʒkamolak,</i>	ферула, камедь ферулы	gum
ташнак, мармарак, кампиргулак, бахмани сурх	<i>kampirgulak,</i>	шалфей лекарственный	garden sage, broad- leaved sage, shop sage
бахмани сурх, мармарак, ташнак, кампиркахак	<i>rûp̄δumak kampirgulak,</i>	шалфей лекарственный	sage
кампиркахак,	<i>kampirgulak, rûp̄δumak</i>	шалфей лекарственный	sage
карам	<i>kapust, karam</i>	капуста	cabbage
картошка	<i>kartuškā</i>	картошка	Potato
ковар	<i>kavār</i>	коперс колючий	prickly kopersy
гандум	<i>kaṣṭ, žindam,</i>	пшеница	wheat
кайон	<i>kayūn</i>	кайон	pear, pear-tree
каду	<i>kilō</i>	тыква обыкновенная	pumpkin
падарарусак	<i>kilūxpārḱ, niligulak</i>	физалис обыкновенный	fizolis,
сагангур	<i>kiryopč</i>	паслен	nightshade
руба	<i>kiryōpč</i>	паслён чёрный	black - nightshade
коснй	<i>kiznāč</i>	цикорий обыкновенный	chicory
круш	<i>krūṣ</i>	борщевик Лемана	hogweed
круш	<i>krūṣ</i>	борщевик рассечённый, пучка	cut leaved hogweed
газнаи сагак	<i>kudčilyinč</i>	пустырник Туркестанский, пустырник обыкновенный	common-motherwort
мушхор,	<i>kudkalak</i>	череда трехраздельная, репейник	bur-marygold, bastad hemp
истамгиёҳ	<i>kûrwōṣaki safēd</i>	грушанка круглолистная	wintergreen rotundifolia
бобуна	<i>kuṣčivīr</i>	ромашка пирейструмовый	camomile, Ox-eye

			daisy
лаблабу, чағандар	<i>lablabûn, lablabu</i>	свёкла обыкновенная	beetroot
пудинаи кӯҳӣ	<i>lalmiwîdm, puḡtayiwîdm</i>	душица обыкновенная	oregano, marjoram
лимуғиёҳ. лимуқаҳак, наънои лимуи	<i>limûnwõḡak</i>	лимонник китайский, мелисса лекарственная,	schisandra
Гули лола	<i>lõlāgulak</i>	тюльпань	tulip
гашниз	<i>lûng, gaḡnîz</i>	кориандр посевной	koriander
рахдавак	<i>maḡwoḡak</i>	горец птичий, спорыш, птичья гречиха, конотоп	knotgrass, prostrate knotweed
гули мино, марворидак	<i>marwõridgul</i>	маргаритка	Daisy
марзангуш	<i>marzangush</i>	незабудка	forget-me-not
саълаб	<i>maskaduzdak</i>	ятрышник	orchis
мастак	<i>mastak</i>	термопсис ланцетный	Thermopsis lanceolata R
мастак	<i>mastakwoḡ</i>	термопсис	false lupine
мастак	<i>mastik</i>	термопсис	Thermopsis mollis, bush pea
наск, нараск	<i>maḡõrḡak</i>	чечевица	lentil
бӯшаҳри, гули маҳӣн	<i>mayingul</i>	рододендрон	rhododendron
мехчагул	<i>mexgulak</i>	гвоздика разноцветковая, гвоздика степная	carnation
забонгазак, фулфули обӣ	<i>mûrċ, ċrembijak</i>	водяной перец	water pepper
охухурак	<i>naxċir-wõḡak</i>	левзея сафлоровидная, маралий корень	Russian leuzea
кабудгулак	<i>niligulak</i>	синюха лазурная	cyanosis
кабудгулак	<i>niligulak</i>	синюха лазурная, синюха голубая	Jacob's ladder, charity, valerian
гули кабудак	<i>niligulak, isparċet</i>	эспарцет	sainfoin
норинч	<i>norinḡûn</i>	цитрус	citrus

зардолу	<i>nōš</i>	абрикос	apricot
панчаналӣ	<i>noxungulak, noxunak</i>	наперстянка	digitalis, finger-flower, foxglove, nail-flower
астармола, гули одамруй	<i>odamgulak</i>	фиалка трехцветная, анютины глазки, иван-да-марья	violet, cow-weat, pansy
одамгиёҳ	<i>odamgulak</i>	жень-шень	ginseng
гули одамруй, бунавшаи фаранги	<i>odampič-gulak</i>	анютины глазки	pansy
буттахор, гулоби чангалӣ	<i>pāstčarak</i>	шиповник карликовый, шиповник коричный	cinnamon-rose
арзан, зағора	<i>pinj</i>	просо	millet
зағора, сук	<i>pinj</i>	просо	millet
панчаи пишак	<i>pišlāčak</i>	кошачья лапка	mountain everlasting
сумбулгиёҳ	<i>purgyūčak</i>	костенец	mouse-ear
пудинаи кӯҳӣ	<i>pučtay pudinā</i>	зизифора клиноподиевидная	basil, mountain's mint
гандапуш	<i>pučtayi sidixc, sidixc</i>	полынь персидская, полынь горькая, вдовья трава, емшан	wormwood, absinth,
чокла	<i>pučtayi termusfār</i>	девясил высокий	wild sunflower, yellow starwort, elf-dock,
пижма, рябинаи ёбой	<i>pučtayimēwā</i>	пижма обыкновенная	tansy
пудинаи кӯҳӣ	<i>pučtayiwīdm, lalmiwīdm</i>	душица обыкновенный	oregano, marjoram
мухолифкоҳ	<i>qantapar, muxolifkā</i>	сердечница ползучая	bug-ridden
қоти сиёҳ	<i>qaraqōt</i>	смородина	current
биринчост, явшон	<i>qaysanqurā</i>	Полынь цитварная, Дармина	warmwood
қаҳзак	<i>qāzak</i>	хрен, приправа	horse-raddish
ғеша, қиёқ	<i>qīyaqwox</i>	осока	sedge

қочи чой	<i>qōč</i>	чайный гриб	mushroom
говзабон, барги зуф, барги зулф	<i>rāgakwōḥ, rāgwōḥak,</i>	подорожник большой, подорожник обыкновенный	broadleaf, common plantain
зуфи борйк, барги зулф,	<i>ragakwōḥ, rāgwoḥak, sikizak</i>	подорожник ленцетный, подорожник большой, подорожник обыкновенный.	broadleaf, common plantain
роба	<i>revzak</i>	ферула вонючая	smelly ferrula
ғубайро	<i>rezgi bārā, rezgi mewa</i>	боярышник	hawthorn
фарн	<i>rezgigulak</i>	папоротник	fern
майдабарг, резабарг, чинигул	<i>rezgipāk, ċinigulak, purgyuḣak</i>	костенец зонтичный	mouse-ear, spleenwort
росан	<i>rōsan</i>	девясил высокий	inula
гулоб, садбарг	<i>rōštsadbarg</i>	роза	rose
камол, андучон	<i>rōv</i>	ферула кухистанская	ferule
кампиркахак	<i>rūpčđumak kampirgulak</i>	шалфей лекарственный	sage
бахмани сурх, мармарак, ташнак, кампиркахак	<i>rūpčđumak, kampirgulak</i>	шалфей лекарственный	sage
зоғал, ирғай	<i>ruštmēwā, qizil</i>	кизил, кизил обыкновенный	cornel, cornelian cherries
себаргаи сурх	<i>ruštmōrj, šaftal</i>	клевер красный	red-clover
каламфури сурх	<i>rustmurc</i>	перец стручковый	pepper, red-pepper
зирки сурх	<i>ruštzaryūl</i>	барбарис илийский	red-barbaries
гули садбарг	<i>sadbarg</i>	роза	rose
гули хайрй	<i>safēdžīrmēsk</i>	шток роза, голоцветковая, мальва, просвирник лесной	hollyhock, woodland mallow, cheeseflower
кайқиз	<i>safroḣwōḥak</i>	кресс посевной, кресс, салать	watercress, garden- cress
бойчечак	<i>sayirgulak</i>	прострел широкоцветный, сон-трава, подснежник	eastern pasquflower
шилха, туршак	<i>šalxā</i>	щавель курчавый	sorrel

замбурӯғ	<i>šarmiḥčak, čijōrj</i>	гриб, шампиньон	mushroom
тахтачаи сафед	<i>sidixc</i>	полынь сиверса	sagebrush, wormseed, worm-wood, sand sage
гандапуш	<i>sidixc̄, puḫtayisidixc̄</i>	полынь персидская, полынь горькая, вдовья трава, емшан	wormwood, absinth,
коҳу	<i>šiggulak</i>	салат	lettuce
зуфи борйк, барги зулф,	<i>sikizak, ragakwōḫ, rāgwoḫak</i>	подорожник ленцетный, подорожник большой, подорожник обыкновенный.	broadleaf, common plantain
санавбари руми, пиния	<i>sinawbari rumi</i>	пиния	stone - pine
ҳазориспанд	<i>sipandūnā</i>	гармала обыкновенная	mustard
зиринс, сакич	<i>siqičak, qičwōḫak</i>	камедь	gum
шаҳдак, шаҳдбу	<i>širagulak</i>	медуница лекарственная	lungwort
қоқу	<i>širgulak</i>	одуванчик	dandelion
қоқу, гули барра	<i>širgulak, šiggulak</i>	одуванчик, кок-сағыз	dandelion
қоти сурх	<i>širizm</i>	смородина Мейера, красная смородина, смородина желтая, смородина белая.	red-current, yellow- current
қоти сурх, зорх, қот, шигит,	<i>širizm</i>	смородина волосистая	red - currant
нахуд	<i>sirjak</i>	баранный горох	pea
гули ғозӣ	<i>sitiraxm</i>	бессмертник песчаный, цмин, бессмертник прутовидный, календула	dwarf ever-lasting, strawflower, immortelle
санчид	<i>sizd</i>	дрок красильный	genista, dyer's weed, wood-wax
банги девона	<i>šōturra</i>	дурман страмоний	stramonium
банги девона	<i>šoturra</i>	дурман обыкновенный	jimsonweed
маккак	<i>spifchāk</i>	астрагал	astragalus
шумтол, шунг чурмоғак	<i>šumtol</i>	сорная трава	weedy

муғулчой, иванчой	<i>surxsoč</i>	Иван-чай	rose-bay, willow-herb
хорангур	<i>šudangur</i>	крыжовник	gooseberry
настаран	<i>šudžar, žar</i>	шиповник иглистый	pricly-rose, wild-rose
тутанчир	<i>terduth</i>	сикомор	black-mulberry
дарахти махлаб	<i>termewā</i>	черёмуха, черемуха	bird cherry nret
черника	<i>termēwā,</i>	черника	bilberries, wortleberries
дулона	<i>termēwā, dulūnā</i>	боярышник Алтайский, боярышник Королькова	hawthorn
сиёхбед	<i>terwān</i>	ива чёрная краснотал, верболоз, ива-шелюга, ива остролистная, верба	swamp willow, salix nigra
сиёхбед	<i>tērwan</i>	черноталь	bay - leaf willow
зирки сиёх	<i>tērzaryūl</i>	барбарис разнокистевидный	black-barbaries
чави русй	<i>thecak</i>	овёс	oats
зарбех	<i>tilloyiwiyeš, zarčuba</i>	родиола разнозубчатая, родиола розовая, золотой корень	golden root, rose root,
тўғ, қатрон	<i>tūy, toy</i>	каркас кавказский	Caucasian hackberry
тулмагул	<i>tukmagulak</i>	золототысячник, кентавр	common centaury
гиёҳи ширдор	<i>tulxi, šuvdakwōš, šuvdwōšak</i>	кровохлебка лекарственная, черноголовник	great burnet
тус	<i>vūz, ōyz, bruč</i>	берёза, памирская пальма	common-birch, silver- birch
газ	<i>vidūg</i>	гребенщик можжевельный	dog's tail
дорчин, долчин	<i>vūrwān</i>	корица	cinnamon
бедаки паст	<i>wān</i>	ива Вильгельмская,	willow
роздор, дарахти роздор	<i>wān, terwān</i>	ольха	alder, alder-tree
бед	<i>wēd</i>	ива Шугнанская	willow
бедгул	<i>wedgulak</i>	олеандр	oleander
канакуш	<i>wepčzinijak</i>	клоповая трава	clap grass
бех, вехан	<i>wēxak</i>	мылянка лекарственная	soapwort

зарпечак	<i>wirjundak</i>	повелика тонкостебелная, вьюнок	convolvulus, dodder, bindweed
дастпечак, гулпечак	<i>wirjundak</i>	вьюнок полушерстисый	field bindweed, morning-glory
дарахти забони гунчишк	<i>widičživak</i>	ясень	ash, ash-tree
забони булбул	<i>widičživak</i>	спорыш, горец птичий	knot-grass
хилбу	<i>wīḍm</i>	мята перечная	mint
шаббуй	<i>ṣābbuṣ</i>	левкой, гвоздика	gilly-flower
шоҳдона, базрулбанч	<i>ṣādūnā</i>	белена чёрная	henbane, black henbane
канакунчит	<i>ṣādūnā</i>	чабрец острозубчатый	thyme
санцикут	<i>xallawōḥak</i>	василистник изоприсидный, василистник вонючий	meadow-rue
гулхор, гулоб	<i>ṣar, ṣargul</i>	шиповник гунтский, шиповник беггера	dog-rose, wild-rose
Чуворимакка	<i>ṣāribinj</i>	кукуруза обыкновенная	corn, maize
бунавша	<i>ṣaṣayanč</i>	фиалка трёхцветная	violet
боқило	<i>xidārmaḥ, maḥ</i>	бобы	bean, haricot
бушол	<i>xiṣwiyeš</i>	жимолость	honeysuckle
гандапуш, пуши бугин	<i>xincudm, būygingūd</i>	полынь персидская, полынь обыкновенная, чернобыльник	mugwort, motherwort, wormwood
ангат	<i>ṣinšud, galašud</i>	облепиха, крушиновидная	sea-buckthorn
нахл	<i>ṣin-wān</i>	брюхатая пальма	butterfly-bush
ишқорғиёҳ	<i>ṣipēḥk</i>	макротомия красящая	makrotomia
марғ	<i>ṣītakwōḥ, losakwōḥ</i>	пырей ползучий	couch-grass, dog's grass, guitch
камот, замбуруғи кӯҳӣ	<i>ṣkambāk, ṣārmīḥčak</i>	гриб, белый гриб	mushroom, fungus, toadstool
хулон	<i>xulūn</i>	крушина слабительная, жостер	european buckthorn
хурмо	<i>xurmo</i>	хурма	persimon

гиёҳи ширдор	<i>ǰuvdakwōǰ,</i> <i>ǰuvdwōǰak, tulxi</i>	кровохлебка лекарственная, черноголовник	great burnet
заъфарон	<i>zafargul, zāfarūn</i>	шафран	saffron
занчабӣл	<i>zanǰabīl</i>	стручковый перец	capsicum
зарбат	<i>zarbat</i>	молочай палласа	siberian milkweed
зарбех	<i>zarčuba, tilloyiwiyeš,</i> <i>zirdwiyeš</i>	родиола разноточечная, родиола розовая, золотой корень	golden root, rose root,
зарбех, решаи тиллоӣ	<i>zardčubā, tilloyiwiyeš</i>	родиола холодная, родиола памироалтйская	golden root, rose root,
зирк, зелол	<i>zaryūl</i>	барбарис обн.	barbery
дарахти зерфун	<i>zerfun</i>	липа мелколистная	lime-tree, linden
зайтун	<i>zētūn</i>	олива	olive-tree
зағир	<i>ziyēr</i>	катон, лен обн., лен посевной.	flax
гандум	<i>ǰindam, kaǰt,</i>	пшеница	wheat
зира	<i>zīrā</i>	тмин	caraway
вазирак	<i>zīrdgālak, cīrowēǰ</i>	сурепка обн.	cole-seed, colza
гули зардак	<i>zīrdgulak, zīrdwōǰak</i>	горичек летний, горичек весенний, адонис	pheasant's eye, cuckooflower
буи модарон	<i>zīrdōs</i>	тысячелистник обн.	yarrow
буи модарон	<i>zīrdōs, būywōǰak</i>	тысячелистник Биберштейна	milfoil
раъно	<i>zirdsadbarg</i>	роза жёлтая	rose-tree, rose-bush
беди зард, зарбед	<i>zirdwān</i>	ива	willow
сангдавак	<i>ǰīrdūfē</i>	лапчатка прямостоячая, лапчатка ползучая	five-finger, cinquefoil
гулсанг	<i>ǰīrdūfē</i>	лишайник	lichen
гули говак	<i>ǰōwgulak</i>	коровяк лекарственный	common mullein, figwort
гули говак, говдунбул,	<i>ǰōwgulak, deqūnvidirm</i>	василёк синий,	cornflower, blu- bonnet, dustymiller, napweed.

думи гов	<i>žōwδumak</i>	коровяк бактрийский	mullein
хуртумон, чави руси	<i>δēsak</i>	овес посевной	oats
вазирак	<i>Δirich</i>	сурепка, сурепица	cole - seed, colza
бунафша	<i>xāxāyānē</i>	первоцвет крупнополистный	primrose

Выводы по 1 главе

В данной главе исследуются основные тенденции терминообразования лекарственных растений. Семантический уровень представляет собой не хаотическое множество значений, а упорядоченную систему, элементы которой находятся в отношениях взаимосвязи и взаимообусловленности. Для упорядочивания огромного количества неоднородных слов создаётся целый ряд различных системных описаний, основанных либо на форме, либо на значении, либо на форме и значении одновременно. При этом изучаются не отдельные изолированные слова, а группы слов, связанные друг с другом.

Покровский М.М. отмечал, что «слова и их значения живут не отдельной друг от друга жизнью, но соединяются в нашей душе, независимо от нашего сознания, в различные группы, причём основанием для группировки служит сходство или прямая противоположность по основному значению. Понятно уже априори, что такие слова имеют сходные или параллельные семасиологические изменения и в своей истории влияют одно на другое» [Покровский 1896: №126].

Семантический компонент обязательно включает в себя словарь (лексикон), в котором сообщается о каждом слове, его значении, т.е. каждому слову сопоставляется его значение в данном языке, и правила комбинирования (взаимодействия) значений слов, по которым формируется смысл более сложных конструкций, прежде всего предложений. Названия лекарственных растений как на шугнанском, так и на английском языках всегда представляли интерес для исследователей. Именование растительных средств с целебными свойствами осуществлялось разными путями. *Amojak* – асорун - эфедра – *ephedra* – «*Ephedra Intermedia* (L.)».

Bamōd-woḥak - шанбалид - Мать-и-мачеха, лебеда, трава по матери - *foaltfoot*, *coltsoot* – «*Artiplex chenopodium* (L.)», вероятно связано с представлением напоминающем растение запаха матери. Именно в этом значении употреблен фольклорный образ данного растения в песнях «Даргилик», «*Bamōd-woḥik tu būyum žiwj, Būyi būnā tu nūtum žiwj*». (Травка

«*bamōd*», я в твой запах влюблен, запах твой повод, я в твое имя влюблен!) [Карамшоев.Д, 1988. с.183. №85].

У некоторых фитонимов названия перекликаются с целью их применения: хвощ полевой используемый в лечении суставных болей имеет название шугн. *Bandak-wōḥ*, - чилбуғум - хвощ, хвощ полевой, хвощ ветвистый, суставная трава - horse-tail, mares-tail, bottle brush - «*Equisetum*(L.), *Equisetum arvense* (L.), *Equisetum ramosissimum* (L.)».

В названиях нескольких целебных фитонимов отражены их внешние признаки: *zīrdōs*, *būywōḥak* - буимодарон - тысячелистник, кровавник, тысячелистник Биберштейна - milfoil, beacon-yarrow, blood-wort, milfoil - «*Achillea biebersteinii* (L.)», имеет цветки желтого цвета, отсюда первый компонент названия определяет цвет растения: шугн. *zīrdōs* - «желтый». [Карамшоев 1988 с. 568. №85].

Galašud - ангат – облепиха крушиновидная – sea bukthorn – «*Hippóphaë rhamnóides* (L.)», из-за покрытых колючками ветвей получила название шугн. *gala* - букв, «сбор колючек», существует также другое ее наименование шугн. *ḫin-sūd* букв, «серая колючка». Общие семы объединяют в определенную группу отдельные лексемы по значению и принадлежат не одному растению. В шугнанском и английском языке индивидуальные семы, в зависимости от способа определения значений в толковых словарях, могут быть описательными и отражающими внешние особенности растения (форма стебля, листьев, корня, корневища, плодов, расположение цветков с указанием в быту, хозяйстве).

Следует отметить, что в шугнанских названиях преобладают географические локативы, в английском языке – природные.

Локативы отражают также некоторые национально-культурные традиции: использование растений в качестве живой изгороди (английские и австралийские наименования whedge-vine - hedge - *dēwōlpēčak* – изгородь), наличие на приусадебном участке, в саду (шугнанское, английские и русские наименования: *pudīnai bōyi*, *bōyiwōdm* - мята перечная - mint, *ḫāsipiruxmi*

bōyi - базилик огородная - basil, использование растений с декоративными целями для украшения стен, шугн: *išqi pēčün* - (английские наименования: wall-flower), могила (русские и английские наименования: траурный мирт; graveyard flower букв. «кладбищенский цветок»). В шугнанском языке такие растения, которые используются как для лекарства так в целях декорации.

Словообразование представляет собой очень важное средство совершенствования лексического состава, в том числе терминологического пласта языка. Этот путь и связанные с ним методы словообразования способствуют появлению новых лексических единиц, и создают новые возможности развития языка. Кстати следует отметить, что большинство новых терминов образуются при помощи экстралингвистических факторов, т.е. социальными преобразованиями, развитием науки, производства и т. д. Они появляются способом словообразования. Такая терминология полностью соответствует грамматическому строю и внутренним закономерностям языка.

При анализе словообразовательных структур слова в шугнанском, таджикском и английском языках устанавливаются основные направления его деривации, которые классифицируются на типы в зависимости от следующих способов словообразования:

- а) безаффиксного; б) аффиксального;
- в) основосложения; г) аббревиации.

Способы безаффиксного, аффиксального, основосложения и аббревиации основываются на использовании модификации морфемной структуры слова, поэтому относятся к морфологическому способу и анализируются во взаимосвязи в одной группе. В целом сопоставляемые языки проявляют общность в наличии способов словообразования: аффиксация, словосложение, конверсия. Проведенный нами анализ лексики лекарственных растений позволяет сделать следующие выводы: словообразовательный анализ не только дает возможность выделить продуктивные и характерные для всей лексики словообразовательные модели, но также редкие типы сложных слов и уникальные модели.

ГЛАВА II

ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ФИТОНИМИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ В РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКАХ

2.1. Этнолингвистический анализ некоторых культурных растений

Лексика растительного мира давно и широко применяется в народной медицине, например Шугнана, жители, которого использовали для лечения не только культурные растения, как в свежем, так и в виде порошка из высушенных и измельченных растений. Особенно популярны у шугнанцев такие лекарственные растения как *zarčuba*, *tilloye wiyeš* - золотой корень - **golden root**; *ruštzaryûl* - красный барбарис, барбарис илийский - **red-barberries**; *têrzaryûl* - черный барбарис, барбарис разнокистевидный - **black-barberries**; *štîncuðm* - полынь персидский - **Persian wormwood**; *wîðm*, *uznišaci* - мята - **ment**; *afyûn* - опиум - **opium**; *amōjak* - эфедр - **ephedra**; *arðîn* - марена красильная - **madder**, *bamod-wošak* - трава по матери - **goose-foot, coal soot, orach**; *bandak-wōš* - суставная трава - **horse-tale, mares-tale, bottle brush**, *farn* - папоротник - **fern**; *čidyinč* (*čilyinč*) - крапива двудомная - **nettle**; *bobgulak* - анис - **anise**, *kilō* - **pumpkin** - тыква; *ziyēr* - лён - **millet**; *puštayiwîðm*, *lalmiwîðm* - душица обыкновенная - **wild-mint**; *čuðmak* - полынь - **absinth**; *safedgālak* - ландыш - **lilly of the valley**; *nivāxt* - вьюнок полевой - **bindweed**; *wirjundak* - повилика тонкостебельная - **dodder**; *štryōrjak* - донник лекарственный, донник жёлтый, мольная трава - **plaster clover**; *nīligulak* - эспарцет - **sainfoin**; *zarpēčak* - повелика - **dodder, strangleweed**; *čīrowēš* - сурепка, сурепка обыкновенная - **cole-seed, colza, common winter cress**; *šuvdakwōš*, *šuvdōšak* - осота - **sow-thistle**; *šiqorak* - марь белая - **pig-weed**; *štryōrjak* - донник лекарственный, донник жёлтый, мольная трава - **plaster clover**; *dewmašorjak* - чечевицеобразная вика - **lentil vetch**; *sebagā* - трилистник - **shamerock**; *yōrj* - люцерна - **shamerock**; *šitakwōš* - пырей ползучий - **couch-grass, dogs'grass, quitch**; *nīligulak* - куколь обыкновенный - **ergot, wheat**; *vidirm* - лебеда раскидистая - **pig-**

weed; wiḍm - мятник однолетний – **mint**; **maŷwōḥak** - горец птичий-
doorweed, knotgrass; sipadūnā - горчица полевая – **mustard; bang** –
 конопля – **hemp; pīnĵ** – просо - **millet; tōḵurūs** – амарант – **amaranth; laṣak** –
 овес, овсюг – **oats; kaḥt** – пшеница – **wheat; pḍafcak-wōḥ** - лопух – **burdog.**
wān – ива шугнанская – **willow; ḥīt** – тростник - **rush, cane; bandakwōḥ** - хвощ
 полевой - **bottle brush; wiḍuḡ** – гребенщик можжевельный - **dog'tail; zirdos(k)**
 – тысячелистник обыкновенный – **yarrow; ḥuvdakwoḥ, ḥuvdwoḥak** - осот
 полевой - **sow-thistle; zīrdgālak** - сурепка обыкновенная – **cole seed, colza,**
common winter cress; muḡq - лакричный корень, солодка уральская – **licorice,**
liquorise; šiggulak - одуванчик обыкновенный – **dandelion; kiznāč** - цикорий
 обыкновенный – **chicory; šalxā** - щавель курчавый – **sharp dock, common**
sorrel; arḍīn - марена красильная – **madder; bandakwoḥ** - хвощ ветвистый -
horse-tail, mares-tail; guḥčivīr – ромашка - **chamomile; isparčēt, niligulak** -
 эспарцет – **sainfoin; kamoldūna** - плод ферулы - **ferule; musfār** - сафлор
 красильный - **safflower; nižōrgulak, niligulak, parpigul** - горечавка оливье,
 горечавка лёгочная, синний зверобой, горечавка бородастая, горечавка
 жёлтая, горечавка крупнолистная - **marsh gentain, bearded gentain, yellow**
gentian; peḥōwēzak, chupūnxiltā, lulaxiltā - пастушья сумка, пастушья
 обыкновенная - **blind weed, shepherd's bag, poor man's parma cettie; šalxā** -
 щавель конский - **horse dock, horse sorrel; štōrḡk** - ревень Максимовича –
rhubarb; ḥasipirux(m), ḥasipiruxmi boyi – райхон, нозбуй - базилик
 обыкновенная, базилик огородная - **basil; ḥaḥayanč** - цикламен – **cyclamen,**
ḥičīfxorḡ - котовник железистый - **neptta glutinoza; čiyurĵak, dewpečak** -
 ломонос восточный - **clematis, traveller's-joy; ḥuvdwōḥak, tulxi** -
 кровохлебка лекарственная, черноголовник - **great burnet; Airich** - сурепка,
 сурепица - **cole-seed, colza; zīrdōs** - тысячелистник обыкновенный – **yarrow;**
zaryūl - барбарис обыкновенный – **barbery; ḥipēḥk** - макротомия красящая –
makrotomia; ḥinšuḍ, galašuḍ ангат облепиха, крушиновидная - **sea-bukthorn;**
ḥaḥayanč - фиалка трёхцветная – **violet** и много другие.

Выбор нижеследующих названий растительных средств, для описания обусловлен их значимостью не только в народной медицине, но и в народной культуре шугнанцев в целом.

Afyu:n - опиум - **opium** – (афюн) - *Paraver Somniferrum* L, опиум, проникший в Шугнан в конце 19 века. [Карамшоев. Д. 1982,83, с.65]. *Afyu:n* – имеет и другое название в шугнанском языке, «*taryōk*» - «опиум» «*taryōk tiždōw*, *Afyu:n tiždōw*» - курить опиум. [Карамшоев. Д. 1990. 84, с.40]. Согласно сведениям информантов, в начале прошлого века увеличилось число людей, употребляющих опиум, который считался целебным средством стимулирующим активную двигательную способность, дающим возможность забыть невзгоды. Отсюда в речи название данной группы людей: «*afyu:ni*» - опиумный, - **opium-eater, opium – smoker**. Опиумом в старое времена лечили сильный понос «*qič-dārδ*» - боль в животе - «**stomach-ache**», выпадению существа (*xarkurrā*) по народным представлениям способствует употребление опиума вместе с жевательным табаком: «*afyunat nasiwōr xidow*» - (есть опиум и жевательный табак) - «**eat opium and chewing tobacco**».

Amōjak - эфедра - «**ephedra**» - (хаома, асорун) - *Efedra intermedia* L, известно как растение, зола которого прибавляется к жевательному табаку: «*nasiwōr*» - жевательный табак, (**chewing tobacco**). В народной медицине Шугнана эфедра известна, как лучшее противовоспалительное растительное средство в лечении воспаления женских детородных органов. «*xanuki*» – воспаление - «**inflammation**» с ним связано выражение, «*ar amōjak nistōw*» - сидеть в эфедре - «**to sit in the ephedra**» которое способствует пропарку детородных органов в тазу, куда вылит отвар эфедры. «*δindūn-dārδ*» - (болезни зубов) - «**toothache**», в народе ингаляциями из отвара эфедры, отсюда «*ar xu yēv amōjak anjivdow*» - держать эфедре в рот - «**to keep ephedra in mouth**». Целебную силу в исцелении «*wuŷj-dārδ*» - боли в почках – «**budache**», по представлениям, имеет выпивание эфедры с молоком: «*amōjak xuvdqatir birextōw*» - пить эфедрu с молоком.

Купание в отваре эфедры: «*ar amoĵak ĵinowari ċidow*» - купаться в эфедре, в народной медицине рекомендуют тем, кто страдает от чесотки – «*xirēzak-dārδ*» - чесотка.

Anor - гранат - «**pomegranate**» - (анор) несмотря на сравнительно недавнее появление граната, (**panica granatium**) в народе известны его целебные свойства. Целебность приписывается только коре граната «**anor-būst**» -гранатовая кора – «**pomegranate's bark**». Настоянную кору граната, «*anor-būst dām δēdow*» - заварить кору граната – «**make pomegranate's bark**», дают пить при расстройстве желудка, - «*qič-dārδ*» - боль в животе – «**stomach-ache**». Порошок измельченной коры граната «*yuĵĵin anōr-būst marūbqatīr*» - измельченная гранатовая кора, смешенная со сметанной, используется в лечении молочницы - «*buzmā*». Различные сыпи, согласно информации, до недавнего времени лечили ваннами из отвара коры граната: «*rūydođĵinard yam anōr-būst lap dawō*» - (кора граната полезна при высыпаниях).

Arδīn - марена красильная - «**madder**» - (рунос), вошел в разряд архаизмов, так как в лечебных целях не используется. Согласно сведениям информантов, использование отвара марены красильной отмечаемой в речи: «*Arδīn warvēntow*» - варить марену - «**to boil a madder**», наблюдалось в лечении крапивницы - «*murda-zamīn*» - «*kūrpit-ĵiriĵtow*» - укуса клеща, «*ĵigār-dārδ*» - болях в печени – «**liver ache**». Согласно сведениям, 90 – летней жительницы Тусиёна Ватаниевой Гулсимо, в древние времена, шугнанцы использовали «**arδīn**» - марена красильная - «**madder**», для изготовления красной и желтой краски и раскрасили шерсть, глинянные, деревянные посуды, и другие вещи.

Bamod-woĵak - (лебеда, трава по матери) - «**foaltfoot, coltsoot**» - шанбалид - (**Artiplex chenopodium L**), вероятно, связано с запахом, напоминающим запах матери. Фольклорный образ растения также ассоциируется с образом матери:

Bamod-woĵik tu būyum ĵiwĵ,

Būyi būnā tu nūmum žiwj.

Травка бомод, я люблю твой запах,

Запах твой повод, я люблю твоё имя. [Карамшоев. Д. 1986. 93, с.38].

В народной медицине Шугнана растение известно, как один из компонентов целебного чайного сбора: «**bamod-woǰik čoyrāngtir dām δedōw**» - лебеда заварить как чай, применяемого при поносах - «**qič-dārδ**» - боль в животе – (**stomache – ache**).

Bangi dewūnā - конопля - «**Jimsonweed**» - (банг), **cannabis sativa L**, известен, как название растения с наркотическими свойствами, придающее человеку худшие качества, отчего и людей с дурным поведением презрительно называют «**bangi**» - конопляный, потребляющий коноплю - «**jimsonweed user**». «**Bang**» - конопля - **jimsonweed**, используется в лечении болезни «**xarkurrā**». **Bandak-woǰ** - (хвощ, хвощ полевой, хвощ ветвистый, суставная трава) - «**horse-tail, mares-tail, bottle brush**» - чилбуғум - (**eguistumarvense L**), перекликается с целью его применения с недугом, который это растение призвано излечить: настой из этой травы применяется в лечении суставных болей: «**bandak-dārδ**» - суставная болезнь, ревматизм – **rheumatism** – (тарбод).

Wēd - ива – «**willow**» - (бед), в народной медицине считается целебным растением и, особенно, его гриб: «**wēd-ŷiǰtr**» – (бугорок ивы, чага, поганка, гриб берёзовый) – «**toadstool, fungus**» - (занбуруғи бед), широко используется как целебное растение. Истолченный в порошок гриб ивы вдыхают в нос те, у кого полипы в носу шугн: «**ŷiǰtr pi xu nezēn tiǰdow arčind wi nezand guǰt ča sūd**». **Boδ-woǰak**, - (трава кожной болезни), «**Alaja rhombidea**» наименование, в котором отразилась болезнь, от которой лечили в народе, по сохранившейся легенде:

Wīdm, - мята - «**mint**» - (хилбу, наъно) - (**Menta piperita**); шугн: «**dī Wīdmta dōri lūven**» – мяту считают лечебной травой. Шугн: «**Wīdm – xuǰpā**» - мучной кисель с мятной приправой. [Карамшоев Д.1988, 85, с.355]. «**wīdm**» - мята - «**mint**» - (хилбу, наъно) - (**Menta piperita**); как сильнейшее целебное

средство открыто было одним знаменитым знахарем. Его сын заболел неизвестной болезнью, всё старания знахаря вылечить сына оказались тщетными, он потерял сына. После его смерти знахарь решил, вскрыть его тело и узнать причину недуга. В желудке сына он обнаружил опухоль, затвердевшую как камень. Вынув ее, знахар сделал из неё рукоятку для своего ножа. Однажды во время сбора целебных трав он оставляет свой нож среди зарослей мяты и засыпает. Проснувшись, обнаруживает, что рукоятка ножа расплавилась и приходит к выводу, что мята могла исцелить его сына. По поверьям, с этого времени мяту стали употреблять как целительное средство от болей в желудке, «*sardil-dārδ*». Так, в Хуфе мяту прикладывают к дёснам для созревания нарыва, «*δindûn-dārδ*». [Карамшоев. Д. 1986. 93. с.109].

Wižēb-woǰ, - повилика - «*convolvulus, dodder*» - отворотная трава, (гулпечак, печак) курение из этой травы по поверью, может отворотить болезни. Известная в народе как сорная трава повилика.

Wirjundak, pečak - повилика тонкостебельная - «*dodder*» - (зарпечак, печак) - *Cuscuta* L, может привести к высыханию посевной культуры. Однако, в народной медицине используется в виде настоя: «*wirjundak dām δēdow*», заварить повилику от желтухи (*zarparwīn*). Из рассказа жительницы Тусиёна, Гулсимо Ватаниевой станет известно, что в древних временах из повелика тонкостебельной - «*Wirjundak*» готовили зеленую краску. Шугн: «*Az wirjundakanden tāmard sāvz rang tayōr čud*».

Galašud, - (сбор колючек) - «*sea-bukthorn*» - (ангат), имеется в виду облепиха крушиновидная (*hippophae rhamnoides* L), которая применяется, как в рациональных способах, так и в обрядовом излечении. Плоды облепихи «*galašud bāra*» плоды колючего сбора (облепихи) дают пить, подвергнутому угарному отравлению: шугн. «*samōs-δodjīn*», побитый угарным отравлением. Сок облепихи, «*galašud-ǰač*». Сок облепихи считается целебным при наступлении внезапного приступа кашля при ложном крупе «*xurusak*». Из рассказа жителя села тусиён, Сиджоатшоева Сулаймоншо, 68 лет, стало

известно, что в древние времена из ягод «*galašud*» - облипихи было изготовлено масло. «*Galašud - ruyan*» - облепиховое масло. В народе оно известно, как целебное средство от ожогов «*šudžin*», и кожных заболеваний, «*arđunjak*». Облепиха имеет и другое название: *šinšud*, - серая колючка - «*sea-bukthon*» - (ангат), которое встречается в названии лечения болезни сороковины – «*sīl*». *šinšud pi kum šičeftow*» - серую колючку к нёбу придавить. *šin-šud* - (серая колючка) - «*sea - buckthorn*» - в шугнанском языке «*šin*» - означает серый, и «*šud*» - означает колючка.

Šud – колючий кустарник; В шугнанском языке есть такая поговорка, «*tund tulu šud tu yevand jald jald xār*» - будто колючка у тебя во рту, ешь скорее! Это говорится людям которые едят медленно. [Карамшоев Д. 1991. 87, с.443].

Guli - banawš - цветок примулы, фиалка - «*cowsleep paigle, cowsleep prim rose*» – (астармола) - (*primula macroplulba*) в прошлом был знаменит своими целебными качествами и пользой для лечения глазных болезней. Лечение проходит следующим образом: отвар из цветка капают в глаз: «*guli-banawš ar cēm čidow*» - (цветок примулы капать в глаз) вдыхают порошок (измельченную примулу) носом, «*pi xu nez fustow*» - вдыхать в нос.

Gūlambūn(d)ak - низшее растение наподобие гриба; «*gūlambūn(d)akta serxāc joyenard rūy δēd*». «*gūlambūndak*» - растет в водяных местностях. [Карамшоев Д.1999. 88, с.48].

Θirič - сурепка, сурепица - *cole - seed, colza* - вазирак - (целебное растение) из золы прекратило свое активное функционирование. Отмечено лишь свидетельство о том, что он целебен при язвенных болезнях кожи (*xarax*).

Zardčubā - (радиола разнозубчатая, золотой корень, жёлтое дерево) «*golden root, rose root*» - (зарбех) - (*rhadiola heterodonta*), одно из целебных растений, но на Памире оно не растет. Мы знаем лишь то, что рана, посыпанная измельченной радиолой быстро, излечивается и не оставляет рубцов «*zardčubā zaxmiyard dawo*» (радиола полезна при ранах). Болезни

печени «*jīgār-dārδ*» народные целители лечили раствором молока с радиолой «*zardčubā xuvdqatīr birextow*», - (питьё радиолы с молоком). В фольклоре образ радиолы сложился под влиянием представлений об использовании ее для лечения многих болезней.

Azōr dori yam zar(d)čubā,

Ar jo sawi ba jūn zindā.

Тысячи лекарства это зардчуба (радиола),

Где бы ты ни был, будь жив и здоров! [1986. 93, с.21].

Ziyer - лен - «**flax**» - (зафир) - (**linium sitatissimum** L.) также встречается в контекстах лексической сферы народной медицины. По обычаю, роженицам с целью предотвращения воспалительных процессов дают мучную похлебку с добавлением растертых льняных зерен, отсюда название «*sitepčīn ziyer pi xu nezen fustow*» (жареный лен вдыхать носом).

Zaryūl - барбарис разнокистивидный - «**barberry**» - (зирк, зелол) - (**berberis heterjbotrus**) малоизвестен в связи с утерей знаний о его целебном применении. Из барбариса готовят смолаобразный настой, применяемый в случае переломов – «*viruxčīn*», костного туберкулёза, «*siyā-dārδ*» и зубной боли, - «*δindūn-dārδ*». К разряду лекарственных растений также относятся фитонимы:

Zirdos - тысячелетника Бибэрштейна, - «**beacon-yarrow, blood-wort, milfoil**» - буи модарон - **achilea biberstini**. Используется в народном врачевании приступов колита, «*darun-suzax*» в составе мучной похлебки «*zirdosxuxpā*» - (похлебка из тысячелетника). **žirmēsk** - шток-роза, каменный ревень – «**holly-hock**» - гули хайрй - **althea nudiflora** обычно можно встретить у камней, то есть присутствие компонента «**žīr**» - (камень) и внешнее сходство с ревенем «*mēsk, misk, mist*» обусловили образование данного сложноименного существительного. В народе верят, что стебли и листья, отбитые камнем и приложенные к голове, исцеляют головные боли: «*žirjukak čuŷjīn žirmēsk xu kāltir anjīvdow*» (отбитую камнем шток-розу

привязать к голове). Полезные свойства шток-розы найдены и в ее соке, «*žirmesk-žuc*» - (сок шток – розы).

Kamol - ферула - «**ferule**» - (андугон, шилми камол) - (**ferulla**), известен целебностью своих плодов, «*kamoldūnā*» - (плод ферулы), используемых в сожженном виде в лечении детской болезни сороковины – «*sīl*» и камедью, «*kamolnēz*» - (камедь ферулы), которой смазывают больные ноги «*pōdārδ*». Фольклорный образ ферулы сложился под влиянием его местоположения редкого произрастания на горных склонах. Образ ферулы в народной песне «*Dargilik*» символизирует одиночество, обреченность, печаль, старость:

Tar puḫtāyik ḫuzkamolak,

Darun suxtā, vaḯ xayolak.

На холмах растёт «хузкамолак», (ферула)

Нутро горит, а снаружи хаджолак.

(серый, беловатый налет на потухших углях). [1986. 93, с.22.]

ḫuzkamolakta ḫuz yest,

meḡ tar meḡta xuḍm mu yēst.

Хузкамолак, - (ферулу) ветер уносит,

День ото дня сон меня одолевает. [Карамшоев. Д. 1986.93, с.63].

Kavār - каперс колючая - «**capar**» - (ковар) - (**capparis hepbased**), широко известен как растение, изготавливаемое к зиме. В народе оно ценится одновременно как пищевой продукт так и целебное средство от разного рода высыпаний. Отсюда выражение «*kavār rūyδodḡinard bašānd*» - каперсы полезны при высыпаниях, благодаря своему применению в сфере народной медицины. Из рассказа Ватаниевой Гулсимо, становится ясно, что в Шахдаринской долине «*kavār*» - каперс колючий больше всего растёт в кишлаке Риджист.

Kirm-rēzak - (выпадение червей), используется в лечении зубных болей, «*δindūn-dārδ*», по существующим в народе представлениям, зубные боли чаще связаны с появлением в них червей. Намотанное на палочку растение, поджигая, подносят к больным зубам, чтобы выпали черви.

Kiryōpč - паслен, сладко-горкий - «**bitter-sweet, nightshade, blacknightshade**» - рубя - **solanum nigrum** в народности является отмечен как средством от зубной боли. Его задача состоит в отбеливание кожи и борьбе с морщинами. [Карамшоев. Д. 1986. 93, 245]. Больше это растение относят к косметической продукции. Женщины использовали его для смазывания лица. «**Az pamidoren tāmard kiryōpč lūvj**» – в прежние времена помидор называли «**kiryōpč**». [Карамшоев Д. Москва - 1991, 87, с.128].

Kiznāč - цикорий обыкновенный - «**chicory**» - (коснй) - (**circhorium inubus**), имеет лечебные свойства. Данное растение применяется в случаях поноса «**qič-dārδ**» и болезней желчного пузыря «**zarda-dārδ**». В Шугнанах говорят, что «**kiznāč, yid disga wōḥakidi, divusk nimjūnak vidat tar di ċa δed zindā sūd**», - цикорий обыкновенный - это растение, прикоснувшись которого умирающая змея оживает. [Карамшоев Д. Москва - 1991, 87, с.117].

Kuḥčivīr - ромашник претроидный, ромашка пирейструмовая - «**comomile, ox-eye daisy**» - (бобуна) - (**pyrethrum roides**) известна в народе как средство от внутренних болезней, «**jīgār-dārδ, darmun-dārδ**» в народной культуре у ромашника сложился образ красивого растения, радующего глаз, также он отразился в фольклоре.

Kuḥčivīrik vīrik načud,

Zaqaḥi dinyo pīri maš čud.

Кухчивирик (ромашка) не дал плодов,

Мирские заботы нас состарили. [1986. 93, с.21].

Kuḥčivīrik as tir yelen,

Tasadduqik tu boz cemēn.

Цветок кухчивирик (ромашка) с верхнего летовья,

Я жертва твоих соколиных глаз. [1986. 93, с.21].

Mōrj, mōrjwōḥak, sēbargā - трилистник, красный клевер - «**trefoil, shamerock**» - (себрага) - (**Trifolium L**) Это названием распространенной кормовой культуры. В народной медицине их применяют для лечения малокровия, «**kamxuni**». Другое название клевера в шугнанском языке, это -

«*saftal*». *Saftal* - бот. м. трехлистное растение. шугн: «*Šaftal-mis se bargā jīnow*» - растение «*saftal*» наподобие клевера. [Карамшоев. Д. Москва - 1991. 87, стр 410].

Muḡq, - солодка голая, солодка уральская, лакричный корень, лакрица – «*licorice, licourice*» - (ширинбия), многолетнее растение. Как нам известно, целебность солодки голой – «*muḡq*», была известна давно. Отвар корней солодки считается лучшим средством от ангины и кашля, «*noy-dārδ, kēxak*». «*muḡqbunak warventow*» (отварить корень солодки). Народные лекари Памира, советовали использовать свежие листья солодки при неприятном запахе ног и различных ран. [А. Наврузшоев. Ш. Мухаммадшерзодшоев. Джонбобоев Н. Хоруғ 1993, 110, с.18].

Muxolifkā – воспротивившийся, служит для наименования, по мнению Д. Карамшоева, нескольких растений: сердечницы ползучей, лептробадоса мелкоцветного и постушьей сумки. [Карамшоев Д. Москва - 1991. 87, с.264]. Возникновению названия, вероятнее всего, способствовало использование его в лечении расстройства желудка, называемого, «*muxolifsudj*» (подвергшийся сопротивлению).

Musfār - сафлор красильный – «*safflower*» - (куртум, усфур) как растение, используемое в качестве приправы, прибавляется к пище как полезное растение для внутренних органов, это пищевая добавка. В народе испокон веков употребление растения в пищу, в основном обуславливалось их полезностью для всего организма. Настой из повилики с сафлором. «*wirjundakat musfār dām δēdow*», (повилику и сафлор заварить) по представлениям лечит желтуху – «*zarparwīn*».

Piyoz - лук репчатый - «*Onion*» - (пиѐз) - (*allium*) сера, известна в народе не только как огородная культура, но и как сильное лекарство от кашля. Масло, где жарился лук, в народном понимании лучшее доступное средство. Испеченный или северный лук «*pēxčīn piyoz*» - (жаренный лук) прилагают к гнойным воспалениям для созревания гнояника «*čirk firiptow*», (созревание гноя).

Rāgak-woḥ, Rāg-woḥak, ančāvijak - подорожник большой, подорожник обыкновенный, семижилник, чьервая трава, - «**broadleaf, common plantain, ribwort**» - (говзабон, барги зуф, зуфи борйк, барги зулф) - (*plantago major*) также выбрано это название (трава с жилками) из-за наличия жилок на листе. Шугнанцы соком подорожника с добавлением к нему кристаллического сахара, «*ragakwoḥ xuč nabotqatīr*», (сок подорожника с набатом) лечат понос с кровянистыми выделениями «*kunōk*», и воспаление легких «*xuḥ-dārδ*». Отваром подорожника «*rāgakwoḥ warvēntow*», (отварить подорожник) в народе лечится молочница «*buzmā*» и почечные болезни «*wuḥj – dārδ*». *Rāgak-woḥ* - подорожник большой принимают от болей в желудке *sardil-dārδ*, - язва желудка.

Rov - ферула, ферула Бадахшанская - **ferule** - камол, андуҷон. Это съедобное дикорастущее растение, деликатес, славящийся в народе исключительной целебностью. Оно может быть использовано в обрядовом лечении как растение с неприятным запахом для отпугивания нечистой силы. Камедь ферулы бадахшанской «*rovnēzak*» (камедь ферулы) знахари могли использовать в обряде лечения флегмоны «*bismil*». В народные входит лечение боли в ногах, «*poδdārδ*» смазыванием их камедью.

Sidixē - полынь сиверса, полынь персидская, полынь горькая, вдовья трава, емешан - «**wormwood, absinth**» - (гандапуш) - (*Artemisia siversiana*), чаще всего применяется в лечении цистита у женщин «*suzok*». Похлебка из полыни, «*sidixē-xuḥpā*» готовится для тех, у кого мигрень «*nimsār*» или просто само растение привязывается к больной стороне головы. «*sidixē xu kālūr anjīvdōw*», (приложить на голову полынь). Полынь ценится и как противомолевое средство «*az wepčdedōw nigā čidōw*» (беречь от поедания моли).

Sipandūnā - гармала обыкновенная - «**syrian rue**» - (хазориспанд) (*peganium harmala*), её пьют при головной боли, «*kāl-dārδ*», простуде, «*zūkūm*», лечат вдыханием жареных плодов гармалы. Ополаскивание в отваре гармалы улучшает рост волос: «*ar sipānd xu yunj zinedōw*» (мытьё

волос в гармале). Как и бессмертник прутовидный, согласно верованиям, гармала обыкновенный священное растение, прорастающее только в чистых местах, отчего и входит в состав куренья, возжигаемого во многих обрядах лечения, очищения дома.

Sīr - чеснок - «**garlic**» - (сир, саримсоқ) - (**Allium sativum**) чаще всего используется как оберег колыбели. В лечебных целях при зубных болях запястье руки смазывает чесноком.

Sitiraxm - бессмертник прутовидный, песчаный цмин - «**immortelle, strawflower, dwarf ever-lasting**» - (гули ғозӣ), употребляющийся в лексике обрядового лечения, растет в укромных, чистых местах: «**Sitiraxmta darat tozā joyenard rūy δēd**» (бессмертник растет в дальних и чистых местах). Курение этой травы, именуемое «**sitiraxm weδdow**» «возжигать бессмертник», по поверьям, напоминает аромат рая, «**bui biyixt**», (запах рая), «**Xuδōy būy**», (запах Бога). По традиции дома сухую траву бессмертника хранят в промасленном виде, ее размешивают с маслом, «**molčīn sitiraxm**» (растертый с маслом бессмертник), чтобы раз в неделю возжигать. Непромасленный бессмертник, как считают в народе, защищает от нечистых помыслов и злой силы: «**nomolčīn sitiraxm δud weδdow**» (задымлять не растертым бессмертник прутовидный). Растение заваривают как чай шугн. «**sitiraxm dām δedow**» (заварить бессмертник прутовидный) и пьют при головных болях.

Tartēzak, safrōwōǰak - кресс, салат - «**watercress, garden-cress, cress**» - (қайқиз, хуфра), известное в народе как пряное растение. В народной медицине, согласно представлениям, излечивает кожные заболевания, «**bodbur**», (срезающее кожные болезни). Молочница у детей «**buzmā**» лечится в народе мазью, состоящей из смешенного кресса и сметаны: «**tartēzak marūbqatūr**» (кресс со сметанной). Кресс рекомендуется употреблять тем, у кого кожная болезнь - **arδūnǰak**.

Toǰxurus - петушиный гребешок, амарант - «**amaranth**» - (точихурус) в сфере лексики народной медицины встречается в послеродовом лечении роженицы, в народном понимании, отвар растения способствует скорейшему

сокращению матки после родов, шугн. «*wōr barjōy sittow*», (становление матки на место).

Ĥaxāyanċ - цикламен - «*cyclamen*» - (бунавшаи чаманĭ) значение которого не поддается переводу, по представлениям, растение, известное не многим, является целебным средством от ухудшения зрения и в целом глазных болезней. Согласно представлениям, внутри растения находится порошок, который смешивается с соком граната затем им смазывают глаза. «*yuŷjĭn ĥaxāyanċat anorĥuċ cēmard moltōw*, (мукой *ĥaxāyanċ* и соком граната смазать глаза). Такая процедура, согласно народному понятию, может просто улучшить зрение: *ċem ruĥnoygi sittow*, (просветление глаза).

Ĥar - шиповник - «*dog-rose, wild-rose, hips*» - (настаран, хуч) как и другие колючие растения, служит оберегом и компонентом обрядов лечения, в народной фармакологии используется отвар шиповника для исцеления детской болезни сороковицы «*sĭl*».

Ĥikurāng - хна - «*henna*» - (хино) в традиционных представлениях шугнанцев о флоре имеет широкое применение в косметических и медицинских целях одновременно. Шугнанская женщина, красящая волосы и руки хной, «*xu kālat dūsttir ĥikurāng vistōw*» (к голове и рукам привязать хну), тем самым защищает себя от простуды в холодное время и головных болей, «*kāl-dārδ*», это отмечено в контексте, что «*ĥikurāng šitoyi tožd*», (хна вытягивает холод). Жареная в масле хна, над которой прочитаны заклинания, «*sitēpċin ĥikurāngand duo ċidow*», (над жареной хной читать заклинания), лечит цистит «*suzōk*».

Ĥipēĥk - макротомия красящая - *makrotomia euchroma* - (ишқорғиёх), как и хна, служила целебным и красящим волосы средством. Масло с настоящей в ней макротомией, «*ĥipeĥk ar ruyan*» (Макротомия в масле), по мнению знахарей, исцелит ночное недержание мочи, «*bir miĥtow, ĥipeĥk zinorēntir vistow*» (привязать к паху макротомию), имеется в виду смазывание паха мазью из яичного желтка и измельченной макротомии для исцеления грыжи семявыводящего протока «*zinōr xāvdōw, darmun xāvdōw*». Сок

макротомии, которым смазывают почки обозначают следующим образом: «*ǰipeǰkǰuċ xu vuǰǰēnard moltow*» (смазать почки соком макротомии) исцеляет болезнь почек. Насморк и мигрень «*šinizgak, nimsār*», в народе лечат привязыванием к голове отбитых растений макротомии. Отсюда и происходит выражение «*ǰipeǰk xu kältir anīvdow*» (макротомию приложить к голове), также лечат ангину: «*ǰipeǰk xu noytir vistow*» (макротомию привязать к горлу). Понятие «*ǰipeǰk ar zīrd ruǰan čidow*» (макротомия в топленом масле), служит обозначением лекарства, используемого в качестве ушных капель для предотвращения болей «*ǰuǰ - dārδ*» и микстуры от кашля «*kexak*».

Warǰ - югань полевой - «*prangos pabularia*», как лекарство используется в сушеном виде, носит название, «*ǰinč*» (сухой югань), так как может служить топливом. Чай из югана: «*warǰ, ǰinč dām δedow*» (заварить югань), лечит болезни желчного пузыря «*talxa-dārδ*».

ǰičǰxōrǰ - котовник железистый — «*neptta glutinoza*». Похлебка из котовника шугн. «*ǰičǰxorǰ - xuǰpā*» (похлебка из котовника железистого), считается средством для избежания выкидыша «*az dūmān-čidow*». Свежее растение рекомендуют съедать при переломах «*viruǰčinard xist ǰičǰxorǰ xidōw bašānd*» (сырой котовник железистый есть при переломах).

Čirōwēǰ, zīrdgālak - сурепка обыкновенная - **panc, colza, cole-seed** - вазирак, в народной медицине известна как исцеляющее средство от различных высыпаний «*ruǰdodǰin*». *Čirōwēǰ*, как сырье для лучины, это отразилось в его названии. Раньше маслянистыми семенами облепляли палку для лучины и поджигали, чтобы освещать дом. «*A ǰač ku δu čirōwēǰ murd dāk mi cextir bijeǰzum*» - девушка дай мне массу для свечи, я прилеплю к этой палочке. [Додихудоев К. 1991, 87, с.307].

Čarmak - тмин обыкновенный - «*caraway*» (зираи румй) известен в народе как целебное растение. Отвар этого растения лечит по мнению информантов внутренние болезни «*darundārδ*». «*Čarmak pis vozakenat*

gozenaθ, yu xenta wi» (тмин обыкновенный растёт по межам и лугам, его едят). [Карамшоев Д. 1991, 87, с.338].

Čidyinc - крапива двудомная - «*nettle*» - газна, сузгийёх - *urtica dioica*, чаще всего используется, как средство для улучшения качества волос и ускоряющее их рост. В народе верят, что сок крапивы, «*čidyinc-ħuc*» (сок крапивы), помогает при повреждении поясницы, «*mīδ bejoy sittow*». Расстройство желудка от скисания внутри, «*tuħp sittow*», лечат чаем из крапивы. «*čidyinc dām δedow*», (заварить крапиву).

Čirifc - дудник тройчатый, дягиль лесной - «*wild angelica*» - ишим, карафс - (*Angelica ternate*). Отмечено в речи как компонент сложноименного слова, обозначающего целебную похлебку при болях в пояснице, «*mīδdārδ*», «*čirifcxuħpā*» (похлебка из дудника тройчатого).

Čoywoħak - чайная трава, зверобой продырявленный, зверобой обыкновенный - «*common ST jon's wort, Klamath weed, witches herb*» (чойкахах). Согласно сведениям, в прошлом чай заваривали из этой травы, которая одновременно принимая во внимание её целебность. Отражение этой традиции видно в названии зверобоя продырявленного: «*čoywoħak*» (чайная трава). Языковые сведения о его использовании при конкретной болезни почти не сохранилось, однако встречается контекст, «*čoywoħak spirexakard dawo*» (зверобой полезен при ветрянке).

Čušč - (ячмень) - «*barley*» - (чав) - (*hordeum vulgare*) в этнокультуре шугнанцев существуют лексические единицы, описывающие лечебные манипуляции. Тем, кто заболел костным туберкулезом «*siyādārδ*», желтухой «*zarparwīn*» надобно соблюдать диету и есть ячменную пищу: «*xoli čuščin xidōw*», (есть только ячменное). Очищающим и исцеляющим действием обладает настоянный на воде ячмень. «*čušč dām δedow*», (заварить ячмень).

Новорожденным, у которых, испортилась кровь, «*pili čidōw*» советуют к спине привязать слоеную лепешку, «*čuščin gardā xu mīδtir vistōw*» (ячменную слоеную лепешку привязать к спине), которая способна уберечь организм ребенка от распространения и влияния плохой крови. В старину, по

сведениям информантов, непроходимость кишечника «*qaws*», излечивали выкуриванием папиросов из ячменя «*čuščin čilim*» (ячменная папироса).

Šalxā - щавель курчавый - «**sharp - dock, common sorrel, sorrel**» (шалха, шилха) - (*Rumex crispus*), является любимым съедобным растением у детей из-за кислого вкуса, «*tuǰpak*» (кисленкий). Доказательством причастности фитонима к сфере народной медицины служат лексемы, обозначающие лекарства. Самые полезные части щавеля, согласно сведениям, это корни. Отваром из них в старину лечили «*tābak*» (тиф). «*šalxā bunakēn dām δēdow*» -заварить корень щавеля. Знающие о целебности щавеля люди, всегда имеют запасы высушенных его корней, будучи смешанные со сметанной, по сказаниям знахарей, могут быть от ожогов - «*δudǰin*». «*Šalxā-bun marūbqatir*» щавелевые корни со сметанной.

Šiggulak, širgulak - одуванчик, кок-сагыз, телячий цветок - «**dandelion**» (қоқу, қоқу) подобным образом способствовал принадлежности его к кормовым луговым культурам. Растение принимают от болей в желудке «*sardil-dārδ*», (язва желудка). «*Šiggulak, širgulak*» – одуванчик. ш. «*šiggulakta buōr veδgālenard rūy δed*» - одуванчик появляется весной вдоль арыков [Додихудоев К. 1991. 87, с.430].

Širīzm - жёлтая смородина, волосистая смородина - «**red-currant**» - (қоти сурх, зорх, қот, шигит) - (***Ribes vilosium***) имеется в виду ягодный кустарник, известный в народе своими целебными свойствами. Лекарствами считаются его листья «*širīzm pārk*» (листья волосистой смородины), излечивающие болезни печени «*ǰigārdārδ*» и ее ягоды, «*širizm-bārā*» (плоды смородины волосистой), которые исцеляют желтуху «*zarparwīn*». «*Ya širizmis ba mūnoi dam vīn*» – жёлтая смородина тоже похожа на кустарниковую дикую вишню (вишня бородавчатая) [Додихудоев Д. 1991, 87, с.425].

Širyorǰak - молочная люцерна, донник лекарственный - «**yellow sweetclover**» - (шоҳбуса) служит для обозначения растения донника лекарственного, (*mlilotos offisinalus*) известен больше как кормовое растение,

но в народе в качестве лекарства против головной боли «*kāldārδ*» используется приготовленный из него чай. «*Širyorjakta ar zimčen rūy δēd*» – донник лекарственный растёт среди посевов [Карамшоев Д. 1991, 87, с.436].

Šoturrā - дурман обыкновенный «jimsonweed» - (банги девона) (*datura stramonium*) может быть приобщен к целебным средствам из - за использования в исцелении внутренних болезней «*darun-dārδ*».

Qalamfur - гвоздика пышная - «superb pink» известен небольшому кругу людей, порошок измельченной гвоздики «*yuŷjīn qalamfur*» (измельченная гвоздика) облегчает роды, приложение гвоздики к ячменю в глазе способствует его исчезнованию. Раньше гвоздика была известна как средство, придающее приятный аромат тому, кто ее носит, и женщина вшивали её к платью, вместо духов, «*xušbūy vidowjāt*» (для источная приятного аромата). Об *qantapar* нам удалось узнать, что его использовали при расстройствах желудка «*muxolifsuđj*» Целебной силой обладают корни растения: *qantapar-wiyēš* (корни кантапара).

Qaraqot - смородина черная - «black currant» (сиёхқот, қоти сиёх, қот) ягоды кустарника. «*qaraqōt*» (черная смородина) применяются для исцеления малокровия, «*kamxuni*».

Qaysanqurā - назв. травы; ш. «*qaysanqurā bobcuδmak miyund*» - трава «*qaysanqurā*» надобие полынь; шх. «*qaysanqurā nūm wōx čuken xu zaxmiyard pirexen*» - траву «*qaysanqura*» растирают и наносят на рану [Карамшоев Д. Москва, 1999, 87, с.198]. *Qaysanqurā* - является полезнейшим растением, при повреждениях «*darunlat*» и переломах если ее привязать к ране: *qaysanqurā xu daruntir vistow*, (привязать кайсанкуру). *jambilak-wox* - зизифора афганская, зизифора памироалтайская - «*ziziphora, basil mountain mint*» (пудинаи кӯхӣ) по сведениям информантов, была широко используемой пряностью и в медицинской сфере замечена в использовании при лечении оспы. «*gulak*». К лексике растительных средств можно отнести названия различных деревьев и исходной из них продукции, используемой в медицинских целях.

2.2. Лексика лекарственных растений, относящихся к плодовым фруктовым деревьям

Процесс номинации тесно связан с жизненной деятельностью людей. В данном процессе люди знакомятся с отдельными предметами, явлениями объективного мира, выделяют свойственные им признаки, выбирая один из них, который станет основой для их номинации. При этом предметы и явления объективного мира осознаются частично, а не в целом. У человека нет возможности осознать все признаки и свойства предметов, явления объективного мира одновременно и однозначно. Для полного и всестороннего качественного осознания предметов и явлений необходимо длительное время, на протяжении которого у человека формируется определенное сознание что также относится к целому коллективу носителей какого - нибудь конкретного языка. Все это активно влияет на процесс номинации, который служит основой для называния отдельных предметов и явлений объективного мира. Названия определенных понятий, денотаты, которые появились в результате экстралингвистических явлений, тесно взаимосвязаны с ономаσιологическим процессом. Понятия ономаσιологического процесса характеризуются мотивированностью словесного знака, при котором данное содержание поддается более или менее непосредственному соотношению с соответствующим выражением явления и прозрачности внутренней формы слова. Отдельные единицы мышления (сознания), которые в ходе ономаσιологического процесса приобрели статус соответствующего лингвистического знака, в лексике называются словами. Каждому языковому знаку, в том числе слову, кроме ономаσιологической, свойственна и семасиологическая особенность. Ономаσιология и семасиология -неразрывные части лексической семантики - неотделимы друг от друга как два аспекта, методы одной научной дисциплины - семантики. У многих слов особенности ономаσιологических и семасиологических аспектов находятся в неразрывной взаимосвязи, что

определяет симметричность двух планов языкового знака - план содержания и план выражения. Лексические единицы активного пласта словарного состава, которые передаются из поколения в поколение, обычно носят характер симметричности. Однако, со временем у многих словарных единиц симметрия плана содержания и плана выражения исчезает, что способствует необходимости ономастологического принципа изучения слов: возникает необходимость искать и выбирать подходящее название языкового знака, который мог бы выразить соответствующие единицы плана содержания знака. Название - есть признак предметов, явлений, которые различают и выделяют от других признаков данных предметов и явлений. Процесс подобного характера свойственен для функционирования отдельных словарных единиц, которые, в свою очередь, влекут за собой возникновение в языке новых слов, обеспечивающих коммуникативную потребность общества и отвечающих требованиям коммуникативных нужд общества. [Виноградов В.В. 1959, 50, с.657].

Названия плодовых деревьев шугнанского языка тесно связаны с реальной действительностью. В них отражаются особенности формы, вкуса, цвета, характера цветения, их лечебных свойств и характера воздействия на человека. Приводим некоторые названия плодовых деревьев с шугнанского языка приводя небольшие пояснения в этимологическом плане.

Tuδ - тутовник, шелковица - **mulberry** - (тут) – (**morus alba**), во все времена спасал от голода, а весной, уменьшение употребления тута в пищу стало причиной увеличения числа различных недугов. Существуют многочисленные названия сортов тутовника. По существу, тутовые деревья назывались в прошлом не просто «тут», а по имени того или иного сорта – ягоды тутовника разных сортов значительно отличаются по вкусу.

Отвар одного из второсортного тутовника «**xastuδ**» - (плохой тут), знахари используют для выпадения существа «**xarkurrā**». Муку из сушеных плодов тута, именуемую «**pixt**» - (тутовая мука), в народе принимают вместе с маслом, чтобы излечить болезни почек «**vuŋj-dārδ**». [Карамшоев Д. 1999.

88, с.63-64]. Маски из тутовника, по мнению шугнанских женщин, разглаживают морщины, способствуют ее упругости: «*ǰirn čidōw*» - (разглаживать). «О древности культуры этой ягоды в Припамирье свидетельствуют её название в памирских языках, например, «*Tuδ*» – тутовник, вах. тыδ, тыd, сангл. tūt, ишк. tut, мдж. tūd, шугн., рош. tuδ, хуф., руш., барт. tūd (в сложениях d°), язг. ted, сар. тыδ, tūd «тутовник», «шелковица».

В ваханском говоре Хунзы тутовник называется *biranj*. [Стеблин-Каменский. 1982. 142, с.89]. Лексика сортов туδ-тутовника шугн. *čāǰ-duδ* букв. «пестрый тут», шугн. *čāǰ* - (f.), *čūǰ* «пестрый». шугн. *maǰ-dūd* букв., возможно, «овечий тут», шугн. *maǰ* «овца». шугн-руш. *šafen-dūd* к шугн. *šāf* «слюна» шугн. *tēr-dūd*, руш. *tēr-dūd*, букв. «черный тут», шугн. *tēr* «черный», ср. дарв. *siyo-tut* букв. «черный тут» и шугн. *tēr-mēwā* «дикорастущее дерево с ягодами вроде вишен», букв. «черный плод». В перс. *siyāh-tūt* «черная шелковица», [Стеблин Каменский. 1982. 142, с.87-88].

Nōš - абрикос - **apricot** – (зардолу). Ядрышко абрикосовой косточки во многих языках Бадахшанского ареала обозначается словами типа шугн: *ǰōj* «сердцевинка», «косточка» или же в зависимости от вкуса косточки, например, в шугнанском ядрышко имеет варианты: *ǰiǰ ǰōj* - «сладкое» *čīǰ-ǰōj* «горький» язг. *čašeg* «абрикосовая косточка», очевидно, во второй части содержит упомянутое выше язг. *šeg* «кость»; ср. язг. *čašeg-mašeg* «абрикосовые косточки и прочие сладости». мдж. *talxək*, вах. *talxək* «ядрышко абрикосовой косточки» (тадж. *talx* «горький»), вах. *xužgek id.* (вах. *xužg* «сладкий») букв. соответственно «горьченькое» и «сладенькое». Шугн. *ǰōj* или *maǰz* «ядрышко» заимствованно из тадж. *maǰz* «зернышко», «ядрышко», «мозг».

Во всех языках шугнано-рушанской группы абрикос (и плод, и дерево) называется одинаково - словом, отличительным от названий абрикоса в других бадахшанских языках и, по-видимому, восходящим к общешугнанскому состоянию: шугн., барт. *nōš*, руш., хуф., рош. *nūš*, сар. *nuš*,

мундж. čiriy, čirey., ишк. čwend., снгл. čuwēl, «абрикос». [Стеблин Каменский. 1982. 142, с. 94-102]. Абрикосовое зерно в сарыколском языке - «gikčī»- ядро, зерно, которое отличается от других бадахшанских языков. например: сарык: «taw mūzmūr nuš gikčī čōgī - ты посади сегодня же абрикосовое зерно». [Т.Н. Пахалина. 1971. 123, с.148].

Nōš - абрикос - «**apricot**» - (зардолу) идет после тутовника по своим лечебным свойствам. Абрикос - плодовая культура, играющая важную роль в жизни шугнанцев и не удивительно, что определенное место он занимает и в лексике народной медицины. Лечение простуды и гриппа в народе обязательно начинают с мучной похлебки с добавлением сушеных плодов абрикоса: «**nošxuṣpā**» (абрикосовая похлебка).

К сушенной приправе, состоящей из истолченных пряных растений, обычно добавляют горькие ядра абрикосовых косточек, которые согласно представлениям, придают приправе особенный вкус и аромат и предотвращают многие болезни: «**čixṣoj ar lunj čidow**» - (присоединить к кинзе горькую косточку). Масло, выжатое из ядер горьких косточек абрикоса, «**ciṣṣoj-ruyan**» (масло, горьких косточек), применяется в лечении глазных «**cēm-dārδ**» и желудочных болезней «**sardil-dārδ**». [Карамшоев Д. 1999. 88, с.67].

yūz, bojak - грецкий орех - «**nut**» - (бодом) в скорлупе вместе с тутовой мукой спасали людей от голодной смерти. Согласно представлениям, частое употребление этих полезных и одновременно имеющих целебные свойства плодов сохраняло людям здоровье и внешнюю красоту на долгие годы. Беременные женщины употребляли данный продукт для сохранения хорошего самочувствия в течении всего периода. «**andūm miloimb sittow**» - (для смягчения тела) давали похлебку из косточек грецких орехов, «**yūzṣarvō**» - (похлебка из косточек грецких орехов).

Отвар из листьев ореха: «**yūzpārḱ**» - (лист грецкого ореха) может служить в качестве капель от зубной боли «**ḍindūn-dārδ**». Крепость и белизну зубов орех обеспечивает придает таким образом: с давних времен в народной

медицине шугнанцев орех находил большое применение, особенно для крепости зубов и в современной народной практике имеет успех. Современные народные лекари объединяют применение лекарственных растений с современной медициной.

В большинстве памирских языках представлено слово шугнано-рушанской группы, в язгулямском и в мунджанском языках сближающееся с названием ореха в персидском, и по-видимому, восходящее к др. -ир. ^A(a) gauzā - «грецкий орех»; шугн. γūz, руш., хуф., барт., рош. γūz сар., γεwz, γawz, язг., γez, старовандж. γaz, мдж. áyuza, йид. oγúzo, āgazā. В шугнанском языке у грецкого ореха есть и другое название, «**boĵak**» (грецкий орех в скорлупе) «nut» в бадахшано-таджикских говорах грецкий орех обозначается обычным таджикским названием тадж. čormayс букв. «четыре мозга».

Pārĵk - «листья» - **leaf** - (барг) - (**Folia L.**). Листьями называют лекарственное растительное сырье, представляющее собой высушенные или свежие листья, листовые пластинки или отдельные листочки сложного листа.

Mēwā, bārā - «плоды» - **fruits** - (мева) - (**Fructus**). Плодами называют высушенные, свежие простые, сложные, ложные, сочные, сухие, а также соплодия и их части. Реже соплодия, представляющие собой шишки, носят название «strobili». В зарубежной нормативной документации «**mēwā**» выделяют в отдельную группу ягоды.

Čilyak, pūstak - коры - «**bark**» (пуст, пустлох) (**cortices L.**). Корой называют высушенную или свежую наружную часть деревьев и кустарников, расположенную к периферии от камбия, собранную в период сокодвижения. **Az wēd čiliyakand - ta nasiwōrard ġir kinen**, - из коры ивы готовят пепель для «наса» (**nasiwōr**). [Д. Карамшоев. 1999. 88, с.425].

Muyčā - почки - «**bud**» - (муғча) - (**Gemmae**). К этой морфологической группе в фармацевтической практике относят сырье, представляющее собой верхушечные или боковые укороченные зачатки побегов деревьев, собранные до раскрытия почечных чешуек и высушенные на холоде. Особые наименования носят некоторые виды официального растительного сырья:

Gul - цветки - «**flower**» (гул) (**Flores**) лекарственное растительное сырье, которое представляет собой свежие или высушенные отдельные цветки или соцветия, а также части цветков и соцветий. Собирают цветки обычно в начале цветения, а некоторые в фазу бутонизации.

Wiyēš, bun, rēšā, bunjask - корни, корневища - **root** - реща - (Rhizomata): В бадахшанских языках корневища произносятся несколькими тонами, в шугнанском и в ваханском языках, а в других памирских языках произносятся почти одним тоном: шугн. **wiyēš, rešā, bun, bunjask.**, хуф. bun., вах. ben, ven, rištā., сарык. byn., мундж. bun., ишк. бьн, bun., санг. būn., рош. bun. Некоторые виды сырья различных морфологических групп необходимо хранить в складских помещениях отдельно от других (плоды, семена). Находит она применение и в технологии производства лекарственных средств растительного происхождения, т.к. переработка сырья разных морфологических групп в технологии получения субстанций и фитопрепаратов имеет много общего (например, коэффициент поглощения, сопутствующие вещества и т.п.).

Рассматривая лексику лекарственных растений, относящихся к плодовым фруктовым деревьям, можно сказать, что лексика плодовых фруктовых деревьев берёт своё начало от древнеиранских корней и имеет именно сходство с лексикой таджикского языка, и что некоторые названия сохраняют формы и звучания с согдийского и даже авестийского языков.

Таблица лексики плодовых деревьев в шугнанском, других языках и диалектах бадахшанского ареала

Русский	Шугнанский	Хуфский	Ваханский	Сарыколский	Мунджанский	Ишкашмский	Сангличский	Рошорвский
гранат	anōr	anōr	anōr	anur	ānor	anōr	anōr	anōr
тутовник	tuδ	tūd	тыδ, тыd	тыδ, tūd ыžma, ũžma,	tūy	tut	tut	tuδ

абрикос	nōš	nōš	čiwân	nuš, múš	čiriy, čirey	čъwend	čuwēl	nōš
яблоко	mūn	mown	мыг, mār	mon, mân	āmeňga	mend	mel	mown
груша	marūd	marūd	amrγd, amarud	armyt, armūt	amrūt	amarut	----	mured
груша местная	kayūn, nošpoti	kiyon	nošp(ə)t i	našpyt, našpūt	našpotiγ	nōk	----	nošpoti
гречкий орех	γūz	γūz	tōr	γewz, γawz γāuz	áyuza	čōrmaγz	čārmaγz	γūz
джида, лох	sīzd	si3, si3d	səňjīt, sitsk	jīγda	sījiā	synjt	-----	sīzd
виногра д	angur, angūrδ	angūrδ	angur, angyr	ūzūm, ызым	āglara	angur	angūr	angur
черешн я	gulōs	gēlōs	gēlōs	gilās, gilos	gilās	gelōs	gilās	gulōs
инжир	anjīr	aňjīr	anjīr	anjīr	aňjīr	anjīr	anjīr	anjīr
апельси н	aflēsūn	aflesūn	aflesūn	aflesūn	aflēsūn	aflesūn	aflēsūn	aflēsūn
персик	šaftōli	šaftoli	šaftolū	šaftolī, šaftulī,	šaftolū	šaftolu	šaftōlū	šaftoli
фисташ ка	pistā	pistā	pistā	pistā	pistā	pistā	pistā	pistā
слива	alyaňor	šāryurak	olū	olū	olū	ōlū	ōlū	ōlū
вишня	ol(i)boli	ol(i)boli	olbolu	olbolu	olbolū	olbolu	---	ol(i)boli
слива венгерк а, алыча	oluča	olūcā	olūcā	ālū	ālū	ōlūčā	oluča	olūcā
корни, корневи ща	wiyēš, wiyōšk, bun, rēšā	bun	bən, ven, rištā	byn, yildiz	bun, wāxe	bъn, bun, wex	būn	bun, rēšā
цветки	gul	gul	gыл, sprāγ	гыл, gūl, gūl	gul	gūl	gul	gul
почки	muγčā	muγčā	muxuk	muγča	muγčā	muγčā	---	muγčā
коры	čiliyak, pūstak	tūŷj	tnā, shung,	kabzāk	pūst	pustak, kъrōst	---	pustak

			pist					
плоды	bārā, мева	miwā	mīwā	mewo, yamiš, yamuš	mīwa	mewā	miwā	miwā
миндаль	bodūm	bodūm	bodūm	bodum	bōdōm	bodom	bāḍām	bodūm
листья	pārḱ	pārḱ	pālč	pōrk	pārḱ	pālč	---	pārḱ
зерно, ядро	ḫōj	ḫōj	talxək, surkək	rikcī	talxək	talxək	---	ḫōj
дерево, сучок	ḍōrg	ḍōrg	šupk	tarāk, ḫūnd, ḫynd	skūt	ḍyrk	---	ḍōrg
ветка	xōḫčak navdā	xoḫčak	žōlkhh	šōkhh	šōlkh	šōxčā	---	xōḫčak
пень	kundā, buḫkinč	kundā	knda	kündāh, kündō	kundā	kundā	---	kundā,
дерево	draxṭ	draxṭ	draxṭ	daraxṭ	draxṭ	daraxṭ	draxṭ	draxṭ
финик, хурма	xurmō	xurmō	xrmō	xurmō	xurmō	xurmō	xurmō	xurmō
неслепы й плод	pandak, yūrāk	pundak	punduk	yūrō	yūrā	punduk	----	yurak
семя	tūym	tūym	tuym	teym	tūym	tuym	----	tuym

2.3. Семантический способ терминообразования лекарственных растений

Отражая реальный мир, лексика языка является сложно организованной многоуровневой номинативной системой. Семантический уровень представляет собой не хаотическое множество значений, а упорядоченную систему, элементы которой находятся в отношениях взаимосвязи и взаимообусловленности. Для упорядочивания огромного количества неоднородных слов создаётся целый ряд различных системных описаний, основанных либо на форме, либо на значении, либо на форме и значении одновременно. При этом изучаются не отдельные изолированные слова, а группы слов, связанные друг с другом. В Российской лингвистике подобное представление о лексике как системе ещё в конце XIX века представлено в трудах М.М. Покровского. Учёный отмечал, что «слова и их значения живут не отдельной друг от друга жизнью, но соединяются в нашей душе, независимо от нашего сознания, в различные группы, причём основанием для группировки служит сходство или прямая противоположность по основному значению. Понятно уже априори, что такие слова имеют сходные или параллельные семасиологические изменения и в своей истории влияют одно на другое» [М.М. Покровский 1896. 126, с.21]. Естественно, М.М. Покровский в своих работах ещё не ввёл понятий лексико - семантической группы и не указал отличительных признаков объединений слов, называемых тематическими группами. Для изучения лексико - семантического уровня в системном плане лингвистическая наука выясняет, что можно отнести к основным компонентам лексико - семантической системы. Исследования группировок в лексике начались с выделения семантических полей. Основоположниками этой теории явились Й. Трир, Г. Ипсен и В. Порциг, опиравшиеся на идею системности языка Ф. де Соссюра [Шмелёв 1964. 155, с.25]. В основе теории полей лежит представление о существовании в языке некоторых семантических групп и о

возможности вхождения языковых единиц в одно или несколько таких объединений. Общеизвестно, в частности, что словарный состав языка может быть представлен как набор группы слов, объединённых синонимическими, антонимическими, полисемантическими, гиперо-гипонимическими и другими типами отношений. В современной науке семантическое поле - это совокупность языковых единиц, объединённых каким-то интегральным семантическим признаком или имеющих некоторый общий нетривиальный компонент значения. Как полагает Л.М. Васильев, семантическое поле обладает следующими основными свойствами: 1) оно интуитивно понятно носителю языка и обладает для него психологической реальностью; 2) семантическое поле автономно и может быть выделено как самостоятельная подсистема языка; 3) единицы семантического поля связаны теми или иными системными семантическими отношениями; 4), каждое семантическое поле связано с другими семантическими полями языка и в совокупности с ними образует языковую систему [Васильев 1971, 49, с.111]. Мы под семантическим полем, вслед за О.С. Ахмановой, понимаем «частичку («кусочек») действительности, выделенную в человеческом опыте и теоретически имеющую в данном языке соответствие в виде более или менее автономной лексической микросистемы» [Ахманова 1969, 30, с.334]. Наряду с термином «семантическое поле» в науке функционируют «лексическое поле», «лексико-семантическое поле», «синонимический ряд», «семантическая общность слов» и т.п. (об этом с.: Демидова 1982, №60.). Каждый из этих терминов подразумевает языковые единицы, непременно связанные между собой определёнными типами отношений. Большинство лингвистов считает, что основой группировки языковых явлений на лексико-семантическом уровне должна быть семантическая общность. Лексические поля, являясь макросистемами, включают различные группировки слов, основывающиеся как на общности явлений внеязыковой действительности (тематические группы), так и на близости значений (лексико-семантические группы).

Семантика, в широком смысле слова – анализ отношения между языковыми выражениями и миром, реальным или воображаемым, а также само это отношение (ср. выражение типа семантика слова) и совокупность таких отношений (так, можно говорить о семантике некоторого языка). Данное отношение состоит в том, что языковые выражения (слова, словосочетания, предложения, тексты) обозначают то, что есть в мире, - предметы, качества (или свойства), действия, способы совершения действий, отношения, ситуации и их последовательность. Термин «семантика» образован от греческого корня, связанного с идеей «обозначения» (ср. *semantikos* «обозначающий»). Отношения между выражениями естественного языка и действительным или воображаемым миром исследует лингвистическая семантика, являющаяся разделом лингвистики. Семантикой называется также один из разделов формальной логики, описывающий отношения между выражениями искусственных формальных языков и их интерпретацией в некоторой модели мира. Семантика как раздел лингвистики отвечает на вопрос, каким образом человек, зная слова и грамматические правила какого-либо естественного языка, оказывается способным передать с их помощью самую разнообразную информацию о мире (в том числе и о собственном внутреннем мире), даже если он впервые сталкивается с такой задачей, и понимает, какую информацию о мире заключает в себе любое обращенное к нему высказывание. Семантический компонент уже достаточно давно признается необходимой частью полного описания языка – грамматики. Свой вклад в формирование общих принципов семантического описания вносят разные теории языка. Например, для порождающих грамматику принципы построения семантического компонента заложены американскими лингвистами Дж. Катцем и Дж. Фодором и далее развиты Р.Джэкендоффом, а, скажем для грамматики (моделей) типа «Смысл – Текст» соответствующий компонент разрабатывался представителями Московской семантической школы: Ю.Д.Апресьяном, А.К.Жолковским, И.А.Мельчуком и др. Семантический

компонент обязательно включает в себя словарь (лексикон), где приводится объяснение каждому слову т.е. сопоставляется его значение в данном языке, и правила комбинирования (взаимодействия), по которым из них формируется смысл более сложных конструкций, прежде всего предложений. Значение слова в словаре описывается с помощью словарной дефиниции, или толкования, которые представляют собой выражение в том же самом естественном языке или же в специально разрабатываемом с этой целью искусственном семантическом языке, в котором значение толкуемого слова представлено более развернуто (эксплицитно) и, в идеале - строго. При толковании значений слов и словосочетаний с помощью естественного языка получающиеся выражения, а также их отдельные компоненты, если они упоминаются отдельно, принято на письме записывать в одинарных кавычках; в словарях этого не делают, ибо из самой структуры словарной статьи и так ясно, что справа от слова, являющегося входом в статью толкового словаря, находится толкование. Семантический компонент полного описания языка представляет собой модель той части знания языка, которая связана с отношением между словами и миром. В этой модели должны получать объяснение такие эмпирические пути устанавливаемого явления, как равнозначность (синонимия), неоднозначность (полисемия), семантическая аномальность (в том числе противоречивость и тавтологичность) языковых выражений. В качестве самостоятельной лингвистической дисциплины, семантика выделилась сравнительно недавно, в конце 19 в.; сам термин «семантика» для обозначения раздела науки был впервые введен в 1883 французским лингвистом М. Бреалем. Вплоть до конца 1950-х годов наряду с ним широко использовался также термин «семасиология», ныне сохранившийся лишь в качестве не слишком употребительного названия одного из разделов семантики. Однако вопросы, относящиеся к ведению семантики, ставились и, так или иначе, решались уже в древнейших из известных нам лингвистических традиций. Ведь одной из главных причин, заставляющих нас обращать внимание на язык, является

непонимание того, что обозначает обращенное к нам устное или письменное высказывание (текст) или какая-то его часть. Поэтому в изучении языка толкованию отдельных знаков или целых текстов – одному из важнейших видов деятельности в области семантики – издавна принадлежало важное место. Так, в Китае еще в древности создавались словари, содержавшие толкования иероглифов. В Европе античные и средневековые филологи составляли глоссы, т.е. толкования непонятных слов в памятниках письменности. По - настоящему бурное развитие лингвистической семантики началось с 1960-х годов; в настоящее время она является одним из центральных по своему значению разделов науки о языке. В европейской научной традиции вопрос об отношении между словами и «вещами», предметами, к которым они относились, был впервые поставлен древнегреческими философами, но и по сей день различные аспекты этого отношения продолжают уточняться. Рассмотрим отношение к слову «вещи» более внимательно. Слова позволяют нам упоминать вещи, как в их присутствии, и в отсутствие, - упоминать не только то, что находится «здесь», но и то, что находится «там», не только настоящее, но также прошедшее и будущее. Разумеется, слово - это просто шум, который стал использоваться для передачи мыслей; сам по себе этот шум не имеет значения, но приобретает благодаря употреблению в языке. Выучивая значения слов, мы узнаем не какой - либо факт природы, вроде закона тяготения, а своеобразную договоренность о том, какие шумы с какими вещами обычно соотносятся. Слова языка, будучи употребленными в речи, приобретают отнесенность, или референцию к объектам того мира, о котором делается высказывание. Иначе говоря, они обладают способностью «отсылать» к объектам, вводя и (разумеется, в идеальной форме) в сознание адресата. (Разумеется, точнее, было бы сказать, что говорящие, используя слова, могут «отсылать» к тому или иному фрагменту мира). Та сущность в мире, к которой относится слово, называется его референтом. Так, если я, описывая кому-то произошедшее событие, говорю: «Вчера я посадил под

своим окном дерево», то слово дерево отсылает к единичной индивидуальной сущности - тому самому единственному в своем роде дереву, которое я вчера посадил под своим окном. Мы вполне можем сказать, что слово «дерево» в данном высказывании обозначает это самое посаженное мною дерево. Представители того относительно молодого направления в семантике, которое принято называть «сильной семантикой» (к нему можно отнести «формальную семантику» и другие разновидности теоретико-модельной семантики, следующие за формальной логикой в решении вопроса о характере отношений между языком и миром), дали бы положительный ответ на этот вопрос. Во всяком случае, с точки зрения «сильной семантики» цель семантического описания языка состоит в том, чтобы каждое языковое выражение получило интерпретацию в той или иной модели мира, т.е. чтобы было установлено, соответствует ли этому выражению какой-либо элемент (или конфигурация элементов) модели мира, и если соответствует, то какой (какая). Поэтому проблемы референции (отнесенности к миру) находятся в центре внимания «сильной семантики». В отличие от этого более традиционная «слабая семантика» при исследовании отношений между языком и миром обходится без непосредственного обращения к действительному положению дел в этом мире. Она признает предметом своего исследования - значение языкового выражения, не сам элемент (фрагмент) мира, к которому это выражение отсылает, а тот способ, которым выполняются, - те правила употребления, зная которые носитель языка в конкретной ситуации оказывается в состоянии либо осуществить отсылку к миру с помощью этого выражения, либо понять к чему оно отсылает. Если бы для каждого дерева в мире требовалось отдельное слово, тогда только для одних деревьев потребовалось бы уже несколько миллионов слов плюс столько же для всех насекомых, для всех травинки и т.д. Если бы от языка потребовалось соблюдение принципа «одно слово – одна вещь», то изучить его было бы невозможно. На самом деле существуют некоторые слова, которые действительно соотносятся с единственной вещью, и

называются они именами собственными, например: Ханс-Кристиан Андерсен или Пенкин. Но большинство слов применяются по отношению не к отдельному лицу или вещи, а к группе или классу вещей.

Существуют также наименования подклассов деревьев, - клён, Берёза памирская, пальма – «*vyz, thyz, bruč*» - (**common-birch, silver-birch**); вяз и т.д., - но это названия более мелких классов, а не отдельных деревьев. Бег есть наименование класса действий, отличимых от других действий, – таких, как ползание или ходьба. Голубой - «*nili*» - (**blue**) есть наименование класса цветов, плавно переходящих на одном конце в зеленый - «*sāvž*» (**green**), а на другом - в синий - «*nilirang*» (**blue**). Но есть наименование класса отношений, а не собственное имя для отношения между «лампой у меня на потолке и моим письменным столом», потому что оно прилагается также к отношению между лампой у вас на потолке и вашим письменным столом, а также к неисчислимому множеству других отношений. Таким образом, языки достигли необходимой экономии благодаря использованию наименований классов. Класс, или множество тех сущностей, по отношению к которым может быть использовано данное языковое выражение (в частности, слово), называется денотатом или экстенсионалом этого выражения (часто, впрочем, термин «денотат» используется и как синоним термина «референт», введенного выше). При одном из существующих подходов к определению значения слова в семантике значением называется именно денотат – множество сущностей, которые могут быть обозначены с помощью данного слова. Но более распространено другое понимание значения, при котором отождествляется с условиями его применимости. То, что позволяет нам использовать относительно небольшое число слов для столь многих вещей, есть сходство. Вещи, достаточно сходные друг с другом, мы называем одинаково. Деревья отличаются друг от друга размерами, очертаниями, распределением листвы, но они обладают некоторыми сходными чертами, позволяющими называть их деревьями. Когда мы желаем привлечь внимание к различиям внутри

этого гигантского общего класса, мы выискиваем более детальные сходства внутри более дробных групп и таким образом отождествляем конкретные виды деревьев. Наконец, если мы намерены многократно упоминать конкретное дерево, мы можем приписать ему собственное имя (например, **yûz – a walnut tree**) - дерево грецкого ореха; **wēd** - берёза памирская - **pamirian birch**; **ar-ar** - **pine tree** - сосна; **wān** - **willow** - плакучая ива; и подобно тому, как мы даём имя ребёнку или домашнему животному.

2.4. Семантический и сравнительный анализ лексики лекарственных растений в языках различного строя

Лексика и лексическая система любого языка складывается на основе национальных ресурсов, интенсивно обогащаясь за счет заимствований из других языков. Лексический анализ шугнанского языка показывает, что терминологическая система формируется и исполняется за счет источников: а) классических языков науки (греческого, латинского) и современных языков, русского, французского и др. б) классического персидского языка, современного таджикского, арабского и др. Названия лекарственных растений, как на шугнанском, так и на английском языках всегда представляли интерес для исследователей. В обоих языках в качестве составляющих терминологических словосочетаний функционирует большое количество фонологических, адаптированных терминов латинской ботанической номенклатуры переведенных с использованием приемов транслитерации и транскрипции: например: шугн: *xuŋnūni ambaħc* - shugnanian juniper (juniperus schugnanica) - можжевельник шугнанский; *pistā* - pistachio - фисташка - «pistacia»; *alōe* - aloe - алоэ - «Aloe vern»; а также заимствованные из других языков названия различных растений: pistachio - *pistā* - фисташка, aloe – *alōe* - алоэ, фасоль - *fasōl* - haricot, kidney bean, гречиха - *grēčka* - buckwheat, картошка - *kartuškā* - potatoes и др. В номинации растений, названных по локативному признаку, встречаются следующие прямо номинативные лексемы, общие для обоих языков, которые расположены в порядке их количественной репрезентации и переводятся при помощи калькирования: *tilloye wiyeš* - golden root - золотой корень; *ruštzaryūl* - red-barbaries, - красный барбарис, барбарис илийский; *tērzaryūl* - black-barbaries, - черный барбарис, барбарис разно-кистевидный; *xitum-lāčak*, - hare's foot - заячьи лапки, клевер пашенный; *rūpēdumak* - foxtail - лисохвост; *tērmurč* - black pepper - чёрный перец; *puḫtayipiyōz* - wild leek - дикий лук; *rušt* - *murč* - red pepper - перец красный; и др. Большинство географических

наименований лекарственных растений в обоих языках, являются прилагательными, сходящие от названий: 1) стран: *šōturrai Hind* - Indian jimsonweed - дурман обыкновенный. 2) названий холмы и гор: *puḫtayipiyōz, cāḫ* - wild leek - (дикий лук, черемша), *puḫtayimewā* - wild strawberry - лесная земляника. Номинация по особенностям морфологического строения растения и временно номинативный признак долголетия также передаются при помощи калькирования: *yullā pārk wēd* - a big leaf shugnanian willow - большая крупнолистная ива шугнанская; *yullā mūn draxt* - a big apple tree - большая яблоня дерево; *kata wēd* - old tree - старое дерево; *yullā wān* - an old willow - большая ива, и др. Введение функционального аналога используется при передаче модификаторов обычно представленных прилагательными: *nārm, -nārmvidīrmak (pišvidirmak)* - a broom - метлица обыкновенная; *cīḫ, -cīḫpiyōz* - onion - лук репчатый; *šōturrai Hind* - Indian jimsonweed - дурман обыкновенный; *xiz - xizkamolak* - ferula - ферула обыкновенная; *kal, -kaljāw (pušidaḡaw)* - barley - ячмень; *taḫp - taḫpakmun* - an apple - сорт яблока; *ḫīn - ḫīncuḡm* - Persian wormwood - полынь персидская; *boyi - boyiwīḡm, (uzniḫaḡi)* - Asian meant - мята азиатская; Irish - (Irish daisy - «одуванчик лекарственный, ирландская маргаритка» - «*šīggulak, šīrgulak*»); Russian - (Russian olive - «маслина дикая, лох, джидда, габи́ро» - «*sizd*») и т.д. Как и метафорический способ номинации в гораздо большей степени они связаны с названиями по внешнему виду реалии, чем с названиями, скажем, по образу жизни, [В. Г. Арьянова. 1968. 27, с.380-383] то наряду с подбором функционального аналога при переводе с шугнанского на английский языки, широко используется описательный перевод: *tēr-zaryūl* - «black-barbaries» - барбарис черный, (барбарис разнокистевидный), *tillōy-wiyēš* - «golden root» - золотой корень (радиолы холодная), *tēr-mūrč* - «black-pepper» - черный перец, *puḫtayi piyōz* - «wild leek» - дикий лук, *ruštzaryūl* - red-barbaries - красный барбарис (барбарис илийский), *tērmurč* - black pepper - (чёрный перец), *rušmōrj* - red clover – клевер красный, (*šaftal*); *terduḡ* - black mulberry - шелковица чёрная, и др. Однако иногда ассоциативный ряд в разных языках

может пересекаться, в следствие чего возникают тождественные наименования: шугн: *čič-wōčak* - «кислица деппея» - трава удаи - lucky clover (*Oxalis deppei*). Романтические названия даются особенно ярким цветам, вызывающим соответствующие эмоции, например, love-in-a-mist - (*Nigella damascena* - нигелла, чернушка) - *siyādūnā*; love-lies-bleeding - (*Amaranthus candatus* - амарант) - *tōčxurus*. Особенно красноречивым является название «неофициальное» для анютиных глазок (фиалка трехцветная) - «*odamgulak*» - pansy, - love-in-idleness, или jump-up-and-kiss-me. В ботанической терминологии английского языка существуют названия, образованные на основе лексикализованных сочетаний с императивом.

Это субстантивированные словосочетания с внутренними синтаксическими связями, с единым главным ударением на синтаксическом доминирующем компоненте и несвободным порядком слов. Перевод таких названий вызывает наибольшее затруднение, в связи с чем мы предлагаем использование сочетания таких приемов как транспозиция, описательный перевод и введение функционального аналога: (гл. - нареч.) live-forever «капуста заячья» (букв: «живи вечно») - *čitumyōrj, (mōrj)*; (гл.-мест.-сущ.) kiss-me-Dick «молочай кипарисовый» (букв: «поцелуй меня Дик»); (сущ.-гл.-част.-сущ.-предл.-сущ.) Jack-go-to-bed-at-noon «козлобородник луговой» (букв: «Джек, ложись спать в обед») - «*vaz-būnak*». С точки зрения носителя русского языка, названия растений в английском языке при переводе могут вызвать различные эмоции, например: Granny-jump-out-of-bed - (букв: «бабушка, выпрыгни из постели»); - вьюнок - *wirjundak*, kiss-me-in-the-gardengate - (букв: «поцелуй меня у садовой калитки»); - горец восточный - *misk, mest*, Welcome-home-husband-though-never-so-drunk - молодило кровельное (букв: «заходи-домой-муженёк-хоть-и-пьян-как-никогда») - *jawūni*; удивление - Mutton Chops – (букв: «бараньи котлеты»), - первоцвет мучнистый - *čāčayānč*, God Almighty's Bread-and-Cheese - (букв: «хлеб и сыр всемогущего Бога»); - недотрога обыкновенная - *yūzič*, стыд - Piss-a-bed - (из-за мочегонного действия) (букв: «мочись в постель») - одуванчик - *širgulak*,

Sow's Tits - (букв: «соски свиноматки»), - ежевика острозубчатая - *marminjūn*, ср. англ. babe-in-the-cradle «малыш в люльке» (тещин язык), hare's-ear, thoroughwax (володушка) - «*xitum-yūŷak*»; англ. golden rod (Solidago - золотарник) - «*zirdgālak*». В этом и отражается своеобразие картины мира англичан во всей её полноте и разнообразии. Ниже мы рассматриваем наименования лекарственных растений и их аналогии в английском и русском языках: *Bobgulak* - анис, янсун - anise, «Habbet hilwa, Yansoon, Yansun, Anisun» - освежающий, пряный аромат и сладковатый вкус, его добавляют в пироги, печенье, пряники, оладьи, кексы, применяют для приготовления блюд из молока (молочные и фруктовые супы), кладут в овсяную кашу, сладкие блюда из риса, пудинги, фруктовые салаты, крема и торты. Своеобразный вкус придает овощам - свекле, краснокочанной капусте, огурцам и моркови, а также фруктовым компотам, в особенности из яблок, слив и груш. *Ėāsipirux(m)* - базилик, рейхан - basil, Raihan; используется как приправа к супам, борщам, мясным, грибным и другим блюдам, в салаты, творог, масло, омлеты, а также для консервирования. Очень подходит для блюд на томатной основе. Отлично дополняет все вторые овощные блюда из фасоли, гороха бобов, томатов, шпината и квашеной капусты. Укус, настоящий на базилике, придаст пикантность вашим салатам и соусам. *Mexgulak* - гвоздика - (cloves) - у неё горький, жгучий вкус и сильный, теплый аромат. Целую гвоздику варят с основным продуктом. Она придает пряный вкус блюдам из фруктов, сладким супам, холодным блюдам, напиткам, краснокочанной капусте, большинству блюд из рыбы и дичи. Гвоздика - *mexgulak* – cloves, незаменима для ароматизации пряничного теста. *Zanjabīl* - стручковый перец – capsicum; теплый аромат со свежей древесной нотой. Острый на вкус. Используется в европейской выпечке – пряниках, рождественских кексах, пудингах и т.д. *Ėīrifē* - кардамон - cardamom; сильный, острый, пряно-жгучий, слегка камфорный запах и горьковатый. Кардамон часто используется в восточной кухне, особенно в разнообразных карри, а также входит в состав скандинавской

выпечки. В словарном составе каждого из рассматриваемых языков названия ЛР представляют собой особый системный пласт лексики, имеющий длительную историю своего развития, в какой-то мере напоминающий особую терминосистему. Спецификой всего этого пласта является множество названий для одного референта, особые ряды эквивалентной лексики. Принимая во внимание структуру и семантику базисов, в названиях ЛР можно выделить такие типы: базис - суффикс и базис - полнзначное слово. Полнзначное слово, в свою очередь, может представлять собой сложный, или расщепленный базис, а также другие типы слов, в которые входит базис - экзоцентрический композит с нулевой морфемой. Каждый тип базиса, в свою очередь, имеет свою дихотомию, как структурную, так и содержательную. Полнзначные слова включают названия растения и его части, а также другие лексические классы: артефакт, лицо, существо, чувство, состояние, вещество, часть тела и др. По своей структуре признаки могут быть простыми и сложными. Семантическая интерпретация признаков позволяет выделить признаки внешнего вида, локативы, оценочные, эмоционально-экспрессивные и признаки предупреждения об опасных свойствах растения. При выделении того или иного признака важная роль отводится предикату. Данную совокупность признаков и виды базиса можно считать типичными, однако их значимость и частотность в каждом из рассматриваемых языков различна. В состав представлений о растениях входят концепты, которые отражают признаки внешнего вида, оценочные, локативы, темпоральные и признаки предупреждения об опасных свойствах. Наименования растительных средств с целебными свойствами осуществлялись разными путями. Опиум в шугнанском языке представлен как, *afyu:n* «опиум», «*Paraver somniferum*» и применяется при сильных поносах. Болезни детородных органов у женщин, воспаление зубов и чесотка, подвластна силам. *Amōjak* - «эфедра» «*Ephedra Intermedia*». В каждом доме должна быть измельченная кора граната, шугн. *anōrbūst*, - «гранатовая кора», используемая в лечении молочницы у детей также различной сыпи.

Фитоним: *Arδīn* - «марена красильная» - madder, вошла в разряд архаизмов, так как в целебных целях не используется. Согласно сведениям информантов, использование отвара марены, отмечаемой в шугн речи. *arδīn warventōw*, (букв: «варить марену красильную»), наблюдалось в лечении крапивницы, от укусов клеща и болей в печени. Название лебеды (трава по матери) в шугнанском языке *bamod-woǰak*, - goose-foot, orach, «Artiplex Chenopodium», вероятно связано с представлением о растении запах матери. Именно в этом значении употреблен фольклорный образ данного растения в песнях «Даргилик», в шугнанском языке, например,

Bamōd-woǰik tu būyum žiŵj, Būyi būnā tu nūmum žiŵj.

(Травка «*bamōd*», я в твой запах влюблен, запах твой повод, я в твое имя влюблен!) [Карамшоев.Д, 1988. 85, с.183].

У некоторых фитонимов названия перекликаются с целью их применения: хвощ полевой используемый в лечении суставных болей, имеет название шугн. *Bandak-wōǰ* - «суставная трава Eqtstum arvense», англ: horse-tale, mares-tale, bottle brush, и алая ромбовидная - (*bōδ-wōǰak*) - применяемая в лечении кожной болезни. «*bōδ*» получила наименование, шугн. *Bōδ-wōǰak* – «трава кожной болезни» - «Ataja rhombidea». В названиях нескольких целебных фитонимов отражены их внешние признаки: тысячелетник, используемый в лечении приступов колита, употребляется как лекарство при болях в животе и спине, имеет цветки желтого цвета, отсюда первое сходство названия с внешним видом: шугн. *zīrdōs* - «желтый» англ: milfoil. [Карамшоев 1988. 85, с.568]. *Gala-šūδ* - «облепиха крушиновидная» - «Hipporhae rhamnoides (L.) », англ: sea-buckthorn помогает предотвратить угарное отравление, ожоги, из-за колючих ветвей получила название шугн. *Gala* - букв, «сбор колючек», существует также другое ее наименование шугн. *ǰin-sūδ* букв, «серая колючка». Наименования продуктов плодовых деревьев, также включены в этот раздел; они имеют большое значение в жизни народов Бадахшанского региона, плоды тутовника шугн: *Tūδ* букв: «тутовник», «mulberry» по представлениям, во все времена способствовали

сохранению здоровья. Отваром одного из не лучших сортов тутовника, шугн. *xas-tūd* букв, «плохой тут» в народе избавляются от существа «*xarkurrā*» при одноименной болезни, когда по представлениям, внутри у человека появляется существо, поедающее внутренности человека. Болезни почек в Шугнани исцеляют с помощью тутовой муки с маслом: шугн. «*piḫtat ruḡan*» букв, «тутовая мука и масло» С абрикосом шугн. «*nōš*» букв, «абрикос», англ. *apricot*, связаны такие номинативные единицы, как мучная похлебка с абрикосом шугн. «*nōš-xuḫrā*» букв, «абрикосовая похлебка». Очень ценным в народе считают масло, выжатое из горьких абрикосовых косточек, шугн. «*ciḫ-ḫōḡ-ruḡan*», «масло горьких косточек», лечащее глазные болезни и болезни желудка. «*Boḡak*», «греческий орех в скорлупе» «*wall nut*», отмечен в контекстах об исцелении и сохранении здоровья беременной женщины, мучная похлебка из косточек грецкого ореха, шугн. *ḡūz - ḫarvō* «похлебка из косточек грецких орехов», согласно народному поверью полезна для беременных, так как смягчает кости и придает силу: шугн. *siḫūn miloyim ḫidōw* «смягчение тела». От зубных болей используют листья ореха шугн. *ḡūz-pārḱ* букв, «лист греческого ореха». На основе компонентного анализа в обоих языках были выявлены общие и индивидуальные семана. Общие семана объединяют в определенную группу отдельные лексемы по значению и принадлежат не одному растению, а индивидуальные семана дифференцируют близкие по значению слова в пределах одной группы, отличая данное растение от всех остальных. Понятие «общие и индивидуальные семана» разными учеными трактуются как «интегральные и дифференциальные» [Д.Н.Шмелев. 1977, 154, 335с.]. «Идентифицирующие и дифференцирующие» [Л.М.Васильев. Москва. 1990. 48, 176с.], «архисемы и дифференциальные семана» [В.Г. Гак 1977, 51, 264с.]. Интегральные семана отражают признаки, свойственные целым классам объектов. Они объединяют в группы отдельные лексемы по значениям. Дифференциальные семана различают близкие по значению слова в пределах той или иной группы, т.е. выполняют различительную функцию. Дифференциальные семана могут

входить в значение конкретной лексемы и отсутствовать в значениях других лексем. В обоих языках индивидуальные семена в зависимости от способа определения значений в толковых словарях, могут быть описательными, и отражать внешние особенности растения (форму стебля, листьев, корня, корневища, плодов, расположение цветков с указанием в быту, хозяйстве). Анализ словарных дефиниций фитонимов в лексико - графической практике позволил выделить и другие семена, актуальные при определении значения:

- 1) принадлежность к определенному роду, семейству: **farn** - папоротник - fern - «род спорового бесцветкового растения с пышными листьями», **čidyinč (čilyinč)** - крапива — nettle — «сорная трава из сем». Крапивные с обжигающими кожу ворсинками на листьях и стеблях;
- 2) место произрастания: заразиха — broomrape многолетнее лекарственное растение сем. крестоцветных, произрастающее на болотах и в лугах со стоячей водой; джут - jut — волокнистое растение, разводимое в Индии;
- 3) цветовые признаки коры, листьев, цветов: барвинок - periwinkle вечнозеленое травянистое растение обычно с крупными голубыми или синими цветками; остро-пестро-травянистое растение с белопятнистыми колючими листьями и пурпурными цветками;
- 4) вкусовые качества, запах; **bobgulak** - анис - anise - травянистое однолетнее растение сем. зонтичных, с пахучими плодами (семенами) сладковатого-пряного вкуса.
- 5) описание плода, ягоды; **kilō** - pumpkin - тыква - огородное растение из сем. тыквенных с большими желтоватыми или цилиндрическими плодами
- 6) функция; чемерица - травянистое ядовитое луговое растение сем. лилейных, с толстым корневищем, крупными остроконечными листьями и метелками цветков (используется в ветеринарии как антипаразитарное средство); **Ziyēr** - millet - лен - травянистое растение сем. леновых, из стеблей которого получают прядильное волокно, из семян-масло.
- 7) Сходство растения или его частей с животными: лекарственная трава, края листьев которых похожи на губу зайца - зайцегуб - **xitumyŭŭak**; лекарственная трава, корзины цветков, которые еще не раскрылись, напоминают бородку козла - козлобородник

луговой - «*vaz-būnak*». Травянистое растение сем. норичниковых, с цветками, напоминающими пасть льва. Другие признаки встречающиеся в семе, являются общими и подвергаются системному сравнению (дикое, культурное, однолетнее, многолетнее, ядовитое, огородное, степное, полевое, луговое, горное, болотное, лесное, кормовое, съедобное, сорное, эфемерное, зерновое, бобовое. Мы перечислили общие признаки, принадлежащие нескольким лексемам, однако, чтобы получить представление о конкретной лексеме, необходимо выделить также и дифференциальные. Например, *rezgigulak* - ясменник душистый - woodruff; имеет следующие признаки: 1) растение, 2) растущее в тенистых лесах, 3) с тонким ползучим корневищем, 4) листья темно-зеленые, по краям шероховатые, 5) с четырехгранными стеблями, 10 - 60 см высотой, 6) с мелкими белыми цветками, 7) обладает приятным запахом, 8) используется в медицине в качестве мочегонного, потогонного, отхаркивающего средства. В семантической структуре кроме общих и индивидуальных семян, выделяются актуальные и потенциальные. Если актуальные семена составляют основу значения в толковых словарях, то потенциальные актуализируются в случае необходимости. Например, *mūd̄q* - солодка применяется в технике. В ходе анализа словарных дефиниций в толковых словарях шугнанского и русского языков было выявлено, что не всегда наблюдается четкий набор дифференциальных признаков для описания данного класса. Наряду с описанием существенных признаков (принадлежность к определенному семейству, роду, месту произрастания, указанию цвета), встречаются дефиниции с недостаточной степенью информативности. Например, (зайцегуб) - «лекарственное растение» золототысячник – название нескольких видов трав. В отдельных словарных статьях упоминается один существенный признак растения: запах, практическое применение, ядовитость. Например, *puḡtayiwīdm*, *lalmiwīdm* – душица обыкновенная - oregano, marjoram, своеобразно пахнущая трава; *ṣudmak* - полынь - absinth, сорная трава или полукустарник с сильным запахом и горьким вкусом. Использование компонентного анализа позволяет

определить набор семантических признаков, необходимых для выявления значения. Количество семантических признаков у одного и того же растения может не совпадать, так как вопросы описания значения слов зависят от их смыслового объема, специфики и назначения словаря. *Safedgālak* - ландыш – «lilly of the valley», травянистое растение с душистыми мелкими белыми цветками-колокольчиками; ландыш-многолетнее травянистое растение с продолговатыми листьями и мелкими белыми душистыми цветками - колокольчиками. В приведенных примерах определяется денотат; описание производится путем указания на существенные признаки предмета: более подробная перечень признаков. Во втором случае также выделяются семантические множители: многолетнее травянистое растение с продолговатыми листьями. Сопоставление содержания семантической структуры слов по данным разных словарей показывает, что в разное время существования языка семантическая структура рассматриваемого типа слов может быть совершенно различной или частично не совпадающей как по количеству номинативных значений, так и по содержанию: например, в русском толковом словаре арабско-иранских заимствований слов термин «дармон» (полынь цитварная) означал: «лекарство, снадобье; лечение, сила, возможность». В словаре таджикского языка под ред. А. Дехоти заметно разграничение понятия «дармон» - многолетнее лекарственное растение, относящееся к роду полыни и достигающее 25 - 40 см высотой [А. Дехоти. 1947, 61, с.24]. Крестовник - groundsel - *zirdgālak*, травянистое растение семейства сложноцветных. Упоминается в словаре Д.Карамшоева, справочнике и в русском «Флоре Московской губернии» Двугубского (начала XIX века). Слово крестовник появилось позже, возможно от немецкого имени Kreuzkraut – крестовая трава, т.к. раньше растение называли словами волосник, гребешок, желтоголовник, отметим, что при описании семантической структуры, большинство толковых и других типов словарей, широко применяют описательный метод. Сорные растения засоряют сельскохозяйственные посевы, плодово - ягодные насаждения,

полосы отчуждения на линиях электропередач, газовах - и нефтепроводов, стадионов и т. д.

Сорные растения распространены по всему земному шару. Известно несколько тысяч видов сорных растений: «*yōb*» - (Ламинарии слоевища) - «*kelp, laminaria, sea-weed*», (морская капуста) - «*sea-kale, laminaria*», *Laminaria thalli*, представляющие собой слоевища бурых морских водорослей ламинарии японской - *Laminaria japonica Aresch.* и ламинарии сахаристой - *Laminaria saccharina (L). Lam.* Образ «*yob*» (ламинария слоевища), в народной песне «*dargilik*», символизирует печаль, грусть, одиночество;

Pis dam wēdaḡ yobōv - ta yōḡd,

Meḡik tar mēḡta yōḡd murd yōḡd.

Водица в арыке мутная течет,

День от дня о тебе вспоминаю.

«*Surxā*» - Рожки спорыньи - *ergot, spur* - (*Cornua Secalis cornuti*) представляющие собой покоящуюся стадию (склероции) аскомицетного гриба спорыньи пурпуровой - *Claviceps purpurea (Fries) Tulasne*. Существуют различные подходы к классификации лекарственных растений. Чаще всего лекарственные растения классифицируют по морфологическим частям растений – листья, травы, цветки, плоды, семена, корни, корневища, клубни, луковицы, кору и др, используемые для лечения и получения лекарственных средств. «*Woḡ*» - трава - *grass, herb (Herba)* лекарственное растительное сырье, которое представляет собой свежие и высушенные надземные части травянистых растений. Собирают травы во время цветения, иногда во время бутонизации или плодоношения. Как лекарственное сырье, травы состоят из стеблей с листьями и цветками, отчасти с бутонами и незрелыми плодами. У некоторых растений собирают только верхушки, у других - всю надземную часть, у третьих - надземную часть вместе с корнями. Вьющиеся сорные растения, вьюнок полевой - «*nivāxt*» - *bindweed*; повилика тонкостебельная - «*wirḡundak*» - «*dodder*»;

донник лекарственный, донник жёлтый, мольная трава - «*štryōrjak*» - **plaster clover**; эспарцет - «*nīligulak*» - «**sainfoin**»; повелика - «*zarpēčak*» - **dodder, strangeweedy**; сурепка, сурепка обыкновенная - «*zīrdgālak, cirowēj*» - **coleseed, colza, common winter cress**; и др. вызывают полегание сельскохозяйственных культур, что затрудняет уборку и приводит к большим потерям урожая. Одно и двулетние эфемеры - растения с очень коротким вегетационным периодом, способные давать за лето несколько поколений. Представитель, клевер ползучий - «*sebagā, morj, morjwožak*» - **shamerock**; клевер, клевер луговой - «*yōrj*» - **shamerock, trefoil, clover**; пырей ползучий - «*χitakwož*» - **couch-grass, dogs'grass, quitch** и др.

Яровые ранние - восходят ранней весной и дают семена раньше или одновременно с основной культурой. Представители: желтушник левкойный - «*zīrdgālak*» - «**warm-seedmustard**», куколь обыкновенный - «*nīligulak*» - «**ergot, wheat**», марь белая - «*χiqorak*» - «**goose-foot, oach**», лебеда раскидистая - «*vidirm*» - «**pig-weed**», мятник однолетний - «*wiđm*» - «**mint**», пикульник обыкновенный, пикульник двухраздельный, жабрей - «*puχtayi wiđm*» - «**bifid hemp nettle, splitlip hemp nettle**», дымянкa аптечная, дымянкa лекарственная - «*šoturra, šohturrai hind*» - «**fumitory, wax-dolls**», - горец птичий - «*majwožak*» - «**doorweed, knotgrass**», горчица полевая - «*sipadūnā*» - «**mustard**», плевел опьяняющий - «*afyu:n*» - «**opium**», конопля - «*bang*» - «**hemp**» и др. Яровые поздние - восходят при достаточном прогревании почвы и дают семена после уборки основной культуры. Представители: просо - «*pīnj*» - «**millet**», амарант - «*tōjxurūs*» - «**amaranth**», овес, овсюг - «*lašak*» - «**oats**». Озимые - растения, для развития которых необходим период покоя с низкими температурами (зима), без чего невозможно их дальнейшее развитие. Представитель: «*kaχt*» - пшеница - **wheat, (xazūni)**. Зимующие - растения, которые, при прорастании в конце лета, развиваются, как озимые, а при прорастании в начале лета, как яровые. Представители: «*kaχt*» - пшеница - **wheat, (xazūni)**. Двулетние растут

в течение двух лет. В первый год накапливают большое количество органических веществ. В случае прорастания в конце лета - дважды проходят зимовку. Представитель: «*pδafcak-woǰ*» - лопух – **burdog**. Многолетние корневищные имеют подземный побег корневища и в основном размножаются вегетативно благодаря ему. Представители: ива шугнанская - «*wān*» - **willow**; тростник - «*ǰīt*» - **rush, cane**; хвощ полевой - «*bandakwōǰ*» - **bottle brush**; гребенщик можжевельный - «*widūg*» - **dog's tail**; тысячелистник обыкновенный - «*zirdos(k)*» - **yarrow** и др. Корнеотпрысковые имеют стержневой корень с расходящимися радиально боковыми корнями, имеющими почки возобновления. Представители: «*nivāxt*» - вьюнок полевой - **bindweed**; «*ǰuvdakwoǰ, ǰuvdwoǰak*» - осот полевой - «*sow-thistle*»; «*zīrdgālak*» - сурепка обыкновенная - **cole seed, colza, common winter cress**; «*muǰq*» - лакричный корень, солодка уральская - **licorice, liquorise**, «*širyorǰak*» - донник желтый, донник лекарственный - **yellow sweetclover** и др. Кистекорневые - многолетние сорняки с мочковатой корневой системой и семенным размножением. Представитель: «*rāgakwōǰ*» - подорожник большой - **lamb's foot**. Стержнекорневые - многолетние сорняки со стержневой корневой системой и семенным размножением. Представители: «*šiggulak*» - одуванчик обыкновенный - **dandelion**; «*cūǰmak*» - полынь - **wormwood**; «*kiznāč*» - цикорий обыкновенный - **chicory**; «*šalxā*» - щавель курчавый - **sharp dock, common sorrel** и др. Клубневые - многолетние сорняки, органами вегетативного размножения которых являются клубни. Представитель: чистец болотный - **wounwort**. Луковичные имеют луковичу, служащую для накопления органических веществ. Представитель - «*buq piyōz*» - лук круглый, лук репчатый - **onion**; «*puǰtayi piyōz, cāǰ*» - дикий лук - **wild leek**.

2.5. Сопоставительный анализ фитонимической лексики цвета в разноструктурных языках

Народная фитонимия заслуживает пристального внимания, потому что является одной из древнейших лексических микросистем, в которой, как пишет Н.И. Коновалова, «закреплён опыт практического и культурно - мифологического освоения растений как части окружающей человека природы» [Коновалова Н.И. 97, с.16]. «Изучение культурной растительности Старого Света обнаружило один чрезвычайно важный факт, именно что, несмотря на многочисленные переселения народов, колонизацию, глубокую древность земледелия, до сих пор при систематико-географическом изучении можно устанавливать области максимально первичного разнообразия сортов и ряд закономерностей в распределении наследственных форм». [Вавилов Н.И. 1926, 45, с.16]. Выдающийся ботаник Н. И. Вавилов подчёркивал, что на основе ботанических разысканий большую ценность приобретают данные археологи, историки и лингвисты, приуроченные к определённым ботаническим видам, они могут иногда значительно дополнить и углубить сведения о прошлых культурных растениях. [1926, 45,19]. Ф.П. Филин писал о важности показаний географии растений, животных и особенно ландшафта для уяснения специфики лексики, для решения вопроса этно и глоттогенеза и необходимость ещё многое сделать в исследовании географии общеславянской лексики и её увязке с ботаникой и зоологией [1972, 148, с.19]. Опыт практического и культурно - мифологического освоения растений, о котором пишет Н.И. Коновалова, - это, несомненно и глубинные, и общеязыковые истоки формирования народной фитотерапии, реализуемые в этнической и региональной специфике памирских народов, обусловленной природно-климатическими условиями их проживания, этнокультурными традициями и межэтническими связями. Изучение этих особенностей иранских народов имеет уже некоторые ценные наработки. В процессе наших бесед с информантами из Шугнана говорилось, например, о лечебном

использовании таких трав: «*čōywōḥak*» - зверобой, зверобой продырявленный, - common-St. John's wort, witches herb; «*zirdōs(k)*» - тысячелистник - milfoil; «*ḥincudm*» - полынь обыкновенная, полынь персидская, чернобыльник - mugwort, motherwort; «*rāgakwōḥ*» - подорожник - common plantain waybread; «*kuḥčivīr*» - ромашка - camomile, и др. Использование растений в этих целях известно было ещё в древний период, и сейчас оно осуществляется всё активнее у восточных лекарей. (см. раб. Ю. Нуралиева и С.Насриддиншоева). Фитотерапия не входит в задачи нашего исследования, но ясно, что использование растений в медицинских целях усиливало интерес простого народа к их миру, к их названиям. Одним из направлений изучения фитонимов как элементов региональной культуры может стать в будущем исследование фитотерапии Шугнанского, рошткалинского районов в сравнении с фитотерапией других регионов Памира. Жизнь каждого народа всегда была связана с определенными представлениями о природе окружающих вещей, а так как люди объединялись и формировали свои культурные традиции в пределах конкретной территории, то и отношение к разным предметам и понятиям в различных традициях и названиях растений оказалось крайне разнообразным, хотя по мере культурных контактов и межъязыковой интерференции некоторые идиоэтнические особенности со временем могли видоизменяться. Заметное разнообразие наблюдается, когда обращаются к лексике, относящейся к лекарственным растениям, которая варьируется от языка к языку даже применительно к основным видам, несмотря на то, что нормальный человеческий глаз повсюду воспринимает красочное разнообразие мира одинаковым образом. Расхождения в оценке цветовых качеств различных растений и предметов вызваны не физиологическими особенностями зрительного восприятия (такие патологические случаи, как, например, дальтонизм, для темы этого исследования не показательны), а именно идиоэтнической спецификой языков, которая является основным объектом внимания этнолингвистических исследований. Речь может идти о разной группировке основных видов и цветов (и их оттенков), а также о

различной практической значимости этого качества предметов в языковой и культурной традиции каждого народа. Если иметь в виду язык, такое практическое отношение к оценке тех или иных цветовых качеств предмета (то на вид его интенсивности, особенностей окрашенной поверхности, символики цвета и т. д.) проявляется не только на уровне общенациональной лексики, но может прослеживаться и при обращении к различного рода разновидностям языка - в его территориальных диалектах и профессиональной лексике, (например, в речи скотоводов, когда речь идет о масти животных, ковровщиц, использующих более конкретные обозначения цветов, растений, чем обычно употребляемые в языке, и т.п. Ф.Н. Шемякин отмечает: «Количество цветов, которые человеческий глаз способен различать в предметах, определяется разными исследователями в пределах примерно от пятисот тысяч до двух с половиной миллионов» [Ф.Н. Шемякин, 1960, 153, с.5]. Понятно, что только малая часть этого потенциального «количества цветов» представлена в языке специальными терминами, известными всем носителям данного языка. Ряд цветообозначений известен только специалистам, которым приходится употреблять их в процессе своей производственной деятельности, например, при изготовлении ковров, окраске ткани, аппликации изделий, изготавливаемых из шерсти животных и т.п. В таких случаях часто для обозначения нужного цвета (оттенка) используются названия красителей или же название какого-либо образца, то есть эталонного для представления какого-то определенного цвета предмета, который окрашен соответствующим образом. Действительно, человеческий глаз способен различать в природе множество разнообразных цветовых оттенков, которые назвать однозначным термином практически невозможно и для носителя языка намного проще и привычнее обозначать цвета по качеству предмета - эталона. Количество цветов намного больше, чем количество названий в языке: «Ни один язык не мог бы создать количество названий, даже приблизительно равного количеству цветов, никакая человеческая память не могла бы удерживать их, а мышление - оперировать ими» [153,6]. Известно, что

обычно люди различают и обозначают многие цвета только в связи с конкретными признаками предмета, имеющими для него практическое значение, и, следовательно, обобщенное название цвета соотносится с каким-то качеством предмета - эталона, типичным и для данного предмета. Такие слова, относящиеся к растениям как, например, шугн: «*vīn-rāṅg*», «*oliboli-rāṅg*» (вишневый), рассматриваются в качестве единичных и характерных названий для красного цвета, «*ṣuvd-rāṅg*» (молочный), «*gāṣ-rāṅg*» (меловой) - как названия для белого цвета, «*osmūn-rāṅg*» (небесный) - как название для голубого цвета и т. д. Подобные слова, имеющие в виду характерную окраску определенных растений, которые служат для эталонного обозначения того или иного цвета (или какого-то его оттенка), называют также «предметными» или «производными». Вместе с тем целый ряд цветообозначений как бы абстрагирован от своей предметной основы. Это относится и к хроматическим цветам (красный, оранжевый, желтый, зеленый, голубой, синий, фиолетовый), и к ахроматическим (белый, серый, черный).

С этнолингвистической точки зрения обращают на себя внимание, во-первых, различия между языками в обозначении основных цветов растений хроматического и ахроматического рядов. Во-вторых, значимым оказывается отношение носителей данного языка к тому или другому цвету, то есть как бы усредненное его восприятие и участие в формировании соответствующих представлений, связанных с народными обычаями, поверьями и ритуалами. При этом во многих языках могут отсутствовать названия для тех или иных растений и цветов, имеющиеся в других языках. При переводе таких специфических цветообозначений на «свой» язык используют возможности словообразования, суффиксы, сложные описательные наименования и т. п. Установлено, что воспринимаемый нами цвет в его интенсивной и чистой форме - это цвет солнечного спектра, рассматриваемого в спектроскопе. Некоторые исследователи утверждают, что существуют три основных цвета: красный, зеленый, и синий. Так, например, еще в 1756 году, М.В. Ломоносовым была выдвинута теория

«тройственного числа» основных цветов. Одним из природных спектров является радуга: наблюдая за ней, человек видит сочетания естественной цветовой гаммы. Со времен Ньютона принято различать в солнечном спектре 7 основных цветов радуги: фиолетовый, синий, голубой, зеленый, желтый, оранжевый, красный. Однако носители различных языков, исходя из особенностей своего языка, определяют цвета радуги по-своему, так как глаз различает множество переходных цветов и оттенков, которые могут быть сгруппированы между собой по-разному. Важным для системы цветообозначения является оценочно-эмоциональное восприятие как ахроматических, так и хроматических цветов. Например, цвета, относящиеся к хроматическому ряду, дополнительно подразделяются на холодные или теплые. Обычно к «теплым» относят цвета от чисто желтого, оранжевого, красного до красно - пурпурного, а к «холодным» - все цвета от зеленоватого, зелено-голубого, синего до сине-пурпурного тона [Цойгнер, 1971, 151, с.104].

На практике, например, в живописи как «холодный» или «теплый» могут восприниматься оттенки любого цвета: в зависимости от насыщенности его тона и свойств окрашенной поверхности, которое может, как поглощать, так и отражать световые лучи, создает впечатление «тепла» или «холода». Ш.М. Шукуров рассматривая употребление прилагательных, обозначающих цвет, в «Шахнаме» Абулкасима Фирдоуси, отмечает разделение соответствующих цветов на теплые и холодные, активные и пассивные, высокие и низкие. «Теплые» цвета (красный, желтый) связываются в тексте «Шахнаме» с верхом, то есть с положительным началом и наступлением дня, а «холодные» цвета (голубой, синий), в некоторых языках, например, в латинском и арабском, различались как «белый (матовый)», (лат. *albus*) или «белый насыщенный» (араб, *ayaraq*) и «ослепительно белый» (лат. *candidus*), «белый блестящий» (араб, *liah*) [Сухачев Н.Л. 2001, 143, с.122,123]. Зеленый с низом, то есть с отрицательным началом и царством ночи [Шукуров Ш.М. 1983, 157, с.11]. В шугнанском языке такие лексемы как «*ǰīnšud*» - облепиха крушиновидная - sea-bukthorn; «*zīrdōs(k)*» - тысячелистник биберштейна -

milfoil; «*zarčubā*» - родиола разнозубчатая, золотой корень - golden root, rose root; «*terčoy, terwōḫak (čōywōḫak)*» - зверобой продырявленный - witches herb; «*rōštwān*» - ива козья, красноталь - pussy willow, goat willow; «*zirdgulak*» - подснежник, прострел широкоцветный - snowdrop, eastern pasqueflower; «*zirdwōḫak*» - горицвет летный, горицвет весенний, адонис - pheasant's eye, cuckoo flower; «*zirdgālak*» - сурепка обыкновенный - common winter cress; «*safedžirmesk*» - шток роза голоцветковая, мальва, просвирник лесной - hollyhock, woodland mallow, cheeseflower; «*ruštčilyinc*» - пустырник обыкновенный, (пустырник Туркестанский) - common-motherwort; «*zirdwōḫak*» - календула лекарственная, ноготки - pot marigold; «*nīligulak*» - эспарцет - sainfoin; «*terzaryūl*» - барбарис разнокистевидный - black-barbaries; «*termurč*» - чёрный перец - black-pepper; «*ruštmurč*» - красный перец - red-pepper; «*rōštsadbarg*» - красная роза - redrose; «*safedmusfār*» - сафлор красивый; «*ḫīncūdm*» - полынь обыкновенная, полынь персидская, чернобыльник - mugwort, motherwort; «*ḫīnwān*» - ива русская, чернотал - bay-leaf willow; «*ruštpārkak*» - иван чай, кипрей узколистный - rosebay willowherb; «*ḫīnsidixē*» - полынь эстрагон - absinthe; «*ruštvidīrm*» - полынь метельчатая - red-stem wormwood; «*ḫīnvidīrm*» – полынь обыкновенная - green-ginger, felon herb; «*termewā*» - боярышник Алтайский, боярышник Королькова - hawthorn; «*termax*» - конские бобы - black horse bean; «*sāvzpiyōz*» - лук зелёный - spring onion; «*kūr wōḫaki safed*» - молочай Зеравшанский - (euphoriba) и много др.

Однако следует отметить, что автор рассматривает только те закономерности цветообозначений, которые одновременно прослеживаются в тексте «Шахнаме» и по ранним иллюстрациям к поэме, где проявляется своеобразная «автономность» цвета, относительная его независимость от слова. Другими словами, обозначения цвета в литературном и живописном текстах, относящиеся к растениям, в частности лекарственным оказываются элементами различных систем его отображения и эмоциональной оценки. Для персидской средневековой культуры представляют также интерес главы 4 и 10 книги «Ахлок-ул мухсини» (Этика мухсина) Хусайна Воиза Кошифи, которые

посвящены восприятию цвета и его обозначениям. Возросший в последние годы интерес к изучению шугнано-рушанских языков в этнолингвистическом аспекте побуждает не только иранистов, но и более широкий круг языковедов обращаться к данным этих языков. Шугнано-рушанская группа памирских языков относится к восточной ветви иранских языков. Сходства этих языков и степень взаимопонимаемости между их носителями позволяет считать их диалектами единой языковой общности. На этих языках сегодня разговаривают жители Шугнанского, Рушанского и Рошткалинского районов Республики Таджикистан, а также жители левобережья реки Пяндж, то есть афганского Бадахшана. Исследователи стали интересоваться Памиром и памирскими языками начиная с XIX века. Первым среди них был английский ориенталист Р. Шоу [R.Shaw 1876, 204, с.160.], а из русских ученых - академик Залеман К.Г. (Залеман, 1895, 70, с.57.). Существенно важными являются также работы И.И. Зарубина, который является основоположником изучения памирских языков. Многие труды таких известных иранистов, как А.Л.Грюнберг, Р.Х.Додыхудоев, Г.Моргенстиерне, Т.Н.Пахалина, В.С. Соколова, И.М.Стеблин-Каменский, Д.И.Эдельман, Л.Х. Додыхудоева, посвящены сравнительно - историческому изучению лексики памирских языков. Цветообозначение является не только элементом описания объектов, но и обладает оценочными коннотациями. Набор «цвета» в английском и русском языках приблизительно одинаков, все же различие проявляется в выражении интенсивности цвета и спектре цветовых оттенков. Так, основные цвета в английском языке: белый «**white**», красный «**red**», желтый «**yellow**», зеленый «**green**», синий «**blue**», коричневый «**brown**», черный «**black**». Основные оттенки: ochre «охра», violet «фиолетовый», **purple** «пурпурный», **rose** «розовый», **indigo** «индиго», **scarlet** «алый». Метафорически оттенки могут передаваться через лексемы: **gold (golden)** «золото», **silver** «серебро», **wine** «вино», **blood** «кровь». Напр.: **silver-vine** «сциндапус серебряный». В шугнанском языке существует набор цветов, которые используются в номинации экзотических растений: «*safēd*» - белый;

«*rušt*» - красный; «*ḫin*» - серый; «*nīli*» - голубой; «*ter*» - черный. Цветовые оттенки могут передаваться как однокорневые лексемы: алый, розовый, фиолетовый, индиго, так и сложными лексемами: «*sōf-rušt*», «*lap-rušt*» - ярко-красный, «*sāvzrāng*» - зелено-сизоватый. Интенсивность цвета передают суффиксы: *-ēz-* «*sāvz-ēz*» (зеленейший), указывающие на превосходную степень качества, «*rušt-ez*» (краснейший), «*sāvzrāng*» - зелено-сизоватый «*zīdrāng*» (желтоватый), указывающие на обладание качеством в некоторой степени, например, «*zarčubā*» – родиола разнозубчатая. В категории цвета многие исследователи выделяют также и оценочный аспект: высокое качество (красный, золотой), негативную оценку (черный цвет), невыразительность (серый цвет). В нашем материале оправдывает себя только выразительность красного цвета, обладающего высокой репрезентативностью, богатством оттенков, метафорических образов, как в английском, так и в шугнанском языке. Черный цвет теряет свои отрицательные коннотации в названиях экзотических растений и, наоборот, может указывать на особо ценные качества древесины с темным оттенком. К типологическим, для обоих языков относятся также локативные признаки, которые находятся в центре денотативного поля «Названия экзотических растений» и которые несут двойную информацию о растении: непосредственно локативную и практическую. В номинации растений, названных по локативному признаку, встречаются следующие прямонимативные лексемы, общие для обоих языков, которые мы расположили в порядке их количественной репрезентации: *ḫac* - **water** «вода», *ku* - **mountain** «гора», *žīr* - **stone** «камень», *zimāδ* - **ground** «земля», *yōr* - **swamp** «болото», *bōy-garden* «сад», *jīngāl-wood* «лес», *kunūl* - **rock** «гора», *šarvidōj* - **river** «река», *bār* - **sea** «море», *dāxt* - **desert** «пустыня» и др. Следует отметить, что в шугнанских названиях растений преобладают географические локативы, в английском языке - природные. Это можно объяснить с позиции утилитарности признаков: указание на место произрастания полезного растения в конкретном рельефе местности не актуально для экзотических растений.

В английском языке обилие природных локативов можно объяснить наличием большого количества американских и австралийских названий, являющихся родиной многих экзотических растений. Локативы отражают также некоторые национально-культурные традиции: использование растений в качестве живой изгороди (английские и австралийские наименования **whedge-vine, - hedge**, (анг) - «*dēwōlpēčak*» – изгородь, наличие на приусадебном участке, в саду (шугнанское, английские и русские наименования: «*puḍīnai bōyi*», «*bōyiwīḍm*» - мята перечная - **mint**, «*ḥāsipiruxmi bōyi*» - базилик огородная - **basil**, использование растений с декоративными целями для украшения стен, шугн: «*išqi pēčūn*» - (английские наименования: **wall-flower**), могил (русские и английские наименования: траурный мирт; **graveyard-flower** букв. «кладбищенский цветок»). В шугнанском языке такие растения, которые используются как для лекарства, так в целях декорации. Многие локативные номинации, как в шугнанском, так и в английском языке указывают не столько место произрастания экзотического растения, а отличительные качественные признаки с прагматической точки зрения, шугн: «*yūz*» - орешник - **nut-tree**, «*ambaḥc*» - можжевельник - **juniper**, сравните сосна итальянская (ценное декоративное и орехоносное растение). В экзофитонимах в сочетании с локативным признаком очень часто содержится указание на цвет растения, особенно это касается деревьев, шугн: «*rōštwān*» - ива козья, красноталь - **pussy willow, goat willow**, «*ḥīnwān*» - ива русская и другие. В экзофитонимах, мотивированных по функционально-целевому признаку, могут отражаться следующие практически значимые свойства растений:

1) использование растений для производства и переработки древесины, при этом актуальными являются лексемы, указывающие на разнообразные свойства дерева: «*rōštwān*» - ива козья, красноталь - **pussy willow, goat willow**; «*wēd*» - ива шугнанская - **willow**; «*tuḍ*» - дерево тутовник - **mulberry tree**; «*nōš*» - абрикосовое дерево - **apricot**; «*mun*» - яблоня - **apple-tree**; «*ōlibōli*» – вишня - **cherry-tree**; «*ar-ar*» - тополь - **poplar** и много другие.

2) в древние времена в Шугнane использовали такие растения для получения красок как «*ǰīnšud*» - облепиха крушиновидная - **sea-bukthorn**; «*zirdgālak*» – сурепка обыкновенный - **common winter cress**; «*ziyēr*» - катон, лен обыкновенный, лен посевной - **flax**; «*musfār*» - подсолнечник – **sunflower**; «*bōjak*» - грцкий орех - **walnut**; «*ǰikurāng*» - хна, хенна - **henna**; «*cīǰ-ǰōǰ*» – горькая косточка - **stone**; «*cīrōwēǰ*» - сурепка, сурепица - **close-seed, colza**; «*kilōdūnj*» - тыква - **pumpkin** и др.

3) использование растения для человека и животных в пищу и в лечебных целях: «*ǰiǰǰfxōr9*» - котовник железистый; «*cīrowēǰ*» - сурепка - **common wintercress**; «*sidixē*» - полынь сиверса, полынь персидская, полынь горькая, вдовья трава, емешан - **wormwood, absinth**; «*cīrifc*» - дудник тройчатый, дягиль лесной - **wild angelica** и другие.

Признаки «размер» и «особенности произрастания» имеют разную актуальность в номинациях английского и шугнанского языков. Так, в шугнанском языке наиболее продуктивна номинативная модель, образованная по мотивационному признаку «размер».

Универсальным для обоих языков является представление признака в оппозиции «*yullā / zulik*» - большой/маленький – **big/small (big-tree, - yullā wēd** - большое дерево, **small – tree, - zalik draxt** - маленькое дерево, **a big apple tree - yulla mun** - большая яблоня), причем достаточно часто данные лексемы входят в состав композитных образований в зоне признака наименования «*yullapārk draxt*» - **big leaf tree**. Общая косвеннономинативная лексема для выражения признака малого размера *zalik-wēd*, - **small tree** - маленькое дерево, «*zalik mun*» - **a little apple tree** - маленькая яблоня. Признак, отражающий «особенности произрастания», в номинации экзотических растений имеет больше примеров в английском языке. Подводя итоги, можно прийти к выводу, что характерным для английского языка является употребление причастия для выражения динамического признака роста: «**creeping wintergreen** - гаультерия стелющаяся», а для шугнанского языка употребление простых глагольных форм.

2.6. Синонимия в современной лексике лекарственных растений в рассматриваемых языках

Исследование лексики лекарственных растений является одним из актуальных аспектов лингвистического исследования. В процессе синонимического анализа с попыткой изучения отдельных фрагментов языковой картины мира обнаруживается, что носитель языка в процессе познания предметного мира, осваивая вещи и явления, находит прямое отражение реалий и осуществляет их в области лексики. Кроме того, систематизация терминологических единиц - слов и словосочетаний - поможет раскрыть национально - культурную специфику восприятия действительности, мировоззрение представителей того или иного этнокультурного сообщества. Шугнанский язык, как и английский продолжает и в настоящее время сохранять основные черты фонетической, грамматической и лексической систем, что связано с относительно высоким престижем данных терминов среди его носителей. Синонимы - слова одной части речи, которые звучат и пишутся по-разному, но имеют одинаковое или близкое лексическое значение. Например, фитонимы-растения, (phitonyms-plants); шугн: «*wōḥ* - *wadur*».

Лексическое значение названия лекарственных растений характеризуется предметно-понятийной направленностью и делятся на стилистические (коннотативные) и предметно - понятийные (денотативные). В стилистических значениях функция называния, обозначения предметов и понятий совмещается с функцией характеристики предметов: *pamidor* - (tomatoes) - неологизм, *peḥōwēzak* - (sanguinary) - архаизм.

Предметно - понятийные значения являются определяющими в значениях НЛР. В шугнанском языке существенную часть лексики составляет лексика природы. Она весьма многообразна и содержит в себе номинации деревьев, кустарников, грибов, травянистых растений и цветов, а также культурных дикорастущих, лекарственных растений и их

морфологической особенности строения, внешний вид растения, их характерные свойства: цвет, вкус, запах и их сходство с английскими названиями растений. Возьмем для примера растение red-current- «*širizm*» - красная смородина; black-berry, black current - «*xicit*» - смородина черная; camel's thorn, camelthorn верблюжья колючка – «*xituržāšak*»; red clover - клевер луговой - «*ruštmōrj*»; black pepper - чёрный перец - «*tērmurč*» и много другие. В английском языке «пустырник обыкновенный» называли «cardiac», что означает сердечник. Так называли «cardiac» (сердечник) за того, что сок из свежего, а также отвар из сушеного растения издавна употребляют при ослабленной деятельности сердца и при различных нервных болезнях. Таким образом, анализ ряда научных видовых эпитетов показывает, что понимание семантики и структуры эпитетов помогает дать правильную краткую характеристику тому или иному виду растения, что важно для врачей, фармацевтов, ботаников, а также лингвистов и специалистов.

Названия растений, как объекта лингвистического исследования, называют фитонимами. Особенно интересен вопрос о синонимии в говорах для тематической группы названий растений, объясняется это тем, что фитонимам характерны лексические варьирования, т. е. лексические единицы данной группы, вступают в синонимические отношения друг с другом. Фитонимам присущи целые ряды слов, лексические значения которых полностью или по какому-либо признаку совпадают. Формальным критерием точности совпадения значений имен является тот факт, что все эти имена даны одному и тому же растению.

Многие растения получают народные названия по сходству признаков, является особенно распространенным способом обогащения языка новыми значениями слов. Этот способ является по своей сути активным: наименование сознательно переносится с предмета на предмет. Наименования растений в шугнанском и английском языках представляют собой чрезвычайно интересный в этимологическом, семантическом, структурном отношении материал и заслуживают специального изучения.

Мы рассмотрим синонимию в современной терминологии лекарственных растений в обоих языках, то есть в английском и шугнанском. Как для наименования одного официального растения могут быть использованы различные синонимичные номинации, так и одна терминологическая номинация может употребляться для литературного наименования многих растений, к примеру облипиха крушиновидная - «*ǰinšud*»- *šud, galašud*; полынь персидская, полынь горькая, вдовья трава, емшан - «*sidixē*»- *puǰtayisidixē, buǰginsidixē*; крапива двудомная - «*cilyinē*»-*cidyinē, ruštcidyinē*; полынь персидская, полынь обыкновенная, чернобыльник - «*buǰginēudm*» - *ǰinēudm, ēudm, ēudmak*; ферула, камедь ферулы - «*kamolnēž*» *kamolak, xūžkamolak, kamol*; хондрима тёмноголовая - «*tulxi*» - *ǰuvdakwōǰ, ǰuvdwōǰak*; подорожник большой, подорожник обыкновенный - «*rāgakwōǰ*» - *rāgwōǰak, sikizak*; гриб - «*zamburuǰ*» - *ǰkambāk, čijōrǰ, šarmiǰčak, ǰiǰīr*; повилика тонкостебельная - «*wirǰundakwōǰ*» - *wirǰund, pēčak, zarpēčak, gulpēčak, dewpēčak, dewōlpēčak*, душица обыкновенная - «*wīdm*» - *puǰtayiwīdm, lalmiwīdm*. А также следует провести семантический анализ некоторых наименований лексики лекарственных растений в английском языке, например народные названия, **shepherd's bag** - (пастушья сумка обыкновенная) - «**blind weed, case weed, chappede pouch, lady's purse, mother's heart, pepper-and-salt, pick-pocket, pick purse, poor man's parmacettie, rattle pouches, sanguinary, shepherd's purse, shepherd's scrip, shepherd's sprout, witches pouche**»; «**barberry**» - **European barberry, berberis, daruhaldi, daruharidra, jaundice berry, kingor, pepperidge - bush, sowberry** -(барабарис обыкновенный) и др. Из вариантов видно, что синонимический ряд терминологии лекарственных растений образован под влиянием фонетических диалектизмов (особое звуковое оформление) и словообразовательных (иная словообразовательная структура, чем у однокоренных литературных слов): полынь горькая, вдовья трава, емшан – «*sidixē*»-*puǰtayisidixē, buǰginsidixē*; крапива двудомная – «*čilyinē*»-*čidyinē, ruštcidyinē*; полынь персидская, полынь обыкновенная, чернобыльник -

«*būyginčuḍm*» - *šinčuḍm*, *čuḍm*, *čuḍmak*; ферула, камедь ферули – «*kamolnēz*» *kamolak*, *xūzksamolak*, *kamōl*; хондрима тёмноголовая – «*tulxi*»-*ḫuvdakwōḥ*, *ḫuwdwōḥak*; подорожник большой, подорожник обыкновенный «*rāgakwōx*» - *rāgwōḥak*, *sikizak*; гриб - «*zamburuṽ*» - *ḫkambāk*, *čijōrj*, *šarmiḥčak*, *yiṽṽr*; повилика тонкостебельная - «*wirjundakwōḥ*» - *wirjund*, *pēčak*, *zarpēčak*, *gulgēčak*, *ḍewpečak*, *dewōlpečak*. Ср. англ. (пастушья сумка обыкновенная) - «**blind weed, case weed, pick-pocket, pick purse**; барбарис обыкновенный «**barberry**» - **European barberry, berberis, jaundice berry, sowberry** и т. д. Также внутри синонимического ряда можно наблюдать словообразовательные и фонетические вариации терминологических слов: емшан - *sidixē*, *sadixē*, *sidixs*; крапива двудомная - *čilyinē*, *čidyinē*, *čadyinē*, *čiyinē*;

Кроме наличия в синонимическом ряду терминов, в терминологическом названии выделен и подчеркнут один (иногда-больше) признак, позволяющий легче распознать и запомнить растение. Такое разнообразие синонимического анализа терминов объясняется особенностями:

1. биологических свойств у одного растения: цвет, форма, покрытие, вкус, звук, время цветения, место цветения,

2. функции растения (лекарственная, бытовая, эстетическая, удобрение, корм для скота):

3. сравнение с другими предметами, обладающими тем же признаком. Так растение «*muxolifkā*» - (против боли) - «**cuckooflower**» в шуганском языке «*muxolif*» - (боль, соперничать), колючий цветок: в названии выделены лекарственная функция и биологическое свойство - покрытие. Возникновению названия вероятнее всего способствовало использование его в излечение расстройства желудка, называемого, «*muxolifsuḍj*» (подвергшийся сопротивлению).

Воспротивившийся служит для наименования, по мнению Д. Карамшоева, растений: сердечник луговой. [1991, 87, с.264].

Терминологическое название «*ǰinšud, galašud*» – (облепиха крушиновидная), в шугнанском языке *ǰinšud* из-за его цвета, то есть «*ǰin*» серый, и «*šud*» колючка, и *galašud* из-за явления кустарного растения. Синонимы «*zīrdōs, būywōǰak*» (тысячелистник Биберштейна) подчеркивает *zīrdōs* цвет растения и «*būywōǰak*» указывает на запах этого растения. «*zīrdgālak, ċirowēj*» – (сурепка обыкновенная), **cole-seed, colza**. Как сырьё для лучины отразилось в его названии. Раньше маслянистыми семенами облепляли палку для лучины и поджигали, чтобы освещать дом. Это означает бытовую функцию растения, а *zīrdgālak*, его другое название означает из-за цвета (желтоголовое растение). Шалфей – «*rūpċdumak*» получил название из-за сходства формы стебеля с хвостиком лисы.

Выводы по II главе

В данной главе исследуются, этнолингвистический и этимологический аспект фитонимической лексики в разноструктурных языках. Лексика растительного мира давно и широко применяется в народной медицине Шугнана. Шугнанцы использовали не только культурные растения для лечения, но и дикорастущие. Они нашли применение растениям как в свежем, так и в виде порошка из высушенных и измельченных растений.

Особенно популярны у шугнанцев такие лекарственные растения как *zarčuba, tilloye wiyeš* - золотой корень - **golden root**; *ruštzaryŭl* - красный барбарис, барбарис илийский - **red-barberries**; *tērzaryŭl* - черный барбарис, барбарис разнокистевидный - **black-barberries**; *ǰīncuδm* - полынь персидский - **Persian wormwood**; *wīδm, uzniǰaci* - мята - **ment**; *amōǰak* - эфедра - **ephedra**; *arδīn* - марена красильная - **madder**, *bamod-woǰak* - трава по матери - **goose-foot, coal soot, orach**; *bandak-wōǰ* - суставная трава - **horse-tale, mares-tale, bottle brush**, и другие.

Выбор нижеследующих названий растительных средств, для описания обусловлен их значимостью не только в народной медицине, но и в народной культуре шугнанцев. *Afyu:n* - опиум - **opium** - (афюн) - **Papaver Somniferum L**, опиум, проникший в Шугнан в конце 19 века. (Карамшоев. Д. 1982, №85). *Afyu:n* - имеет и другое название в шугнанском языке, «*taryōk*» - «опиум» «*taryōk tiždōw, Afyu:n tiždōw*» - курить опиум. [Карамшоев. Д. 1990. №84, с.40].

Как известно, жительницы Тусиёна, Ватаниевой Гулсимо - 90 лет, в древние времена, шугнанцы использовали «*arδīn*» - марена красильная - «**madder**», для изготовления красной и желтой краски, чтобы раскрасить шерсть, глиняные, деревянные посуды, и другие вещи. *Bamod-woǰak* - (лебеда, трава по матери) - «**foaltfoot, coltsoot**» - шанбалид - (**Artiplex**

chenopodium L), вероятно, связано с запахом, напоминающим запах матери. Фольклорный образ растения также ассоциируется с образом матери:

Bamod-woḥik tu būyum žiwj, Būyi būnā tu nūmum žiwj.

Травка бомод, я люблю твой запах, Запах твой повод, я люблю твоё имя.
[Карамшоев. Д. 1978. 90, с.38].

В народной медицине Шугнана растение известно, как один из компонентов целебного чайного сбора: «***bamod-woḥik čoyrāngtīr dām δedōw***» - лебеда заварить как чай, применяемый при поносах —«***qič-dārδ***» - боль в животе – (**stomache – ache**).

Kuḥčivīr - ромашник претроидный, ромашка пиреструмовый - «**comomile, ox-eye daisy**» - (бобуна) - (**pyrethrumpyreth roides**) известна в народе как средство от внутренних болезней, «***ḡigār-dārδ, darmun-dārδ***» в народной культуре у ромашника сложился образ красивого растения, радующего глаз, он также отразился в фольклоре.

Kuḥčivīrik vīrik načud, Zaqaḥi dīnyo piri maš čud.

Кухчивирик, «ромашка» не дал плодов, Мирские заботы нас состарили.
(Карамшоев Д.1987. №90)

Kuḥčivīrik as tīr yelen, Tasadduqīk tu boz cemēn.

Цветок кухчивирик, «ромашка» с верхнего летовья, Я жертва твоих соколиных глаз. [Карамшоев Д.1978. №90.].

К лексике растительных средств можно отнести названия различных деревьев и исходной продукции из них, используемой в медицинских целях.

Результаты проведённого исследования позволяют сделать следующие выводы:

- Основными типами структурных моделей лексики лекарственных растений являются: простые слова, производные, сложные, сложно суффиксальные образования, несколькословные комплексы и фразы. Отсутствуют такие способы номинации, как конверсия, усечение и изменение корня слова, аббревиация, что можно объяснить разными причинами. Прежде всего, они относятся к второстепенным способам

образования слов. Специфический характер лексического материала с большим количеством мотивированных слов требует ясности их распознавания, что не всегда возможно при усечении основ и различных аббревиатурах. Для нас важно не только выделить способы номинации лексики лекарственных растений, но и показать их отличия в различных группах растений травянистых, кустарников и их частотных характеристиках. Существуют некоторые ограничения на способы номинации и лексику, вовлекаемую в изучаемую сферу. При этом одни языки диктуют ограничения на способы номинации, другие - на модели. Содержание, или семантика лексики лекарственных растений может исследоваться семасиологический и ономасиологический.

- С семантической точки зрения нами были выделены три группы лексики лекарственных растений, обозначающие: растительный мир, и его деятельность. Группа растительный мир представлена лексике лекарственных растений, обозначающими собственно растение, его часть и размер, место произрастания, физические свойства и другие важные признаки идентификации. Название лекарственных растений представляет собой двух-, трех- и четырехкомпонентные ономасиологические модели. Двухкомпонентная модель включает один базис и один признак с легко восстанавливаемым атомарным предикатом. Такая модель может представлять собой производное слово, сложное, сложно суффиксальное образование. Как выяснилось в ходе исследования, формально зона базиса может строиться за счет суффиксов и полных слов, экзоцентрических композитов и сложных базисов. Категориально большинство базисов можно разделить на две группы: Во-первых, в имена растений включены родовидовые, гипо - гиперонимические отношения, что подразумевает используемую часть растения (травя, цветок, лист, корень и пр.), ботаническую часть растения (шип, колючка, побег, ветка и пр.). Во-

вторых, в обозначении растения используются такие лексические классы, как артефакт, лицо, существо, чувство, состояние, свойство и ряд других лексических категорий. Самым частотным базисом во всех рассматриваемых нами языках является название растения; высокой частотностью характеризуется такой базис, как используемая часть лекарственных растений. Существуют четкие закономерности распределения лексических классов базисов в литературной и народной лексике, в классе травянистых лекарственных растений и ЛРК. Признаки внешнего вида служат для обозначения формы, цвета и размера лекарственных растений, времени его цветения. Оценочные признаки характеризуют физические свойства растения, его функциональное предназначение, лечебные и другие свойства, эффективность применения и пр. Эмоционально - экспрессивные признаки представляют просторечный слой лексики. Все эти признаки приписываются базису при помощи композиционного, компаративного, каузативного, темпорального и других предикатов.

- Систематизация в терминах лексики лекарственных растений дает возможность установить, какая именно часть знаний о лекарственных растениях отражена в его названии и какие именно признаки кладутся в основу номинации в каждом из рассматриваемых языков. Такими важными признаками являются оценочные признаки внешнего вида. Комплексный подход, используемый в нашем исследовании, позволяет детально описать не только мотивировочные признаки, лежащие на поверхности, но и последовательно вскрыть глубинные уровни сознания человека, отражающие этапы его когнитивной деятельности, которые нашли свое отражение в имени лекарственных растений.
- Общая стратификация обширного пласта лексики, установление в ней мотивированных и немотивированных слов позволила нам реконструировать лечебную деятельность человека, которая лежит в основе современной научной медицины. Результаты познавательной и

классифицирующей деятельности человека находят свое выражение в системе номинаций, которая может быть прямой и косвенной. Называя предмет, человек классифицирует его и относит к определенному классу. Количество таких классов обусловлено совокупностью знаний и представлений об окружающем мире. Отсюда следует, что название ЛР можно представить, как когнитивную модель деятельности человека, отражающую сумму знаний человека не только о конкретном растении, но и о процессе познания внешнего мира в ходе исторического развития. Эта деятельность носит универсальный характер и одновременно национально специфична.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Растительный мир чрезвычайно разнообразен и сложен, столь же многообразно и его отражение в сознании человека в виде образов, концептов, картинок и прочие. Претендовать на всеобъемлющее исследование номинаций этого мира не сможет ни одна отдельно взятая научная работа - все они являются минифрагментами, из которых складывается целостная научная картина вселенной. Предлагаемое нами исследование только создает основу реконструкции одного из таких фрагментов языковой и концептуальной картин мира. Конкретно же мы представляем следующие результаты нашей систематизации названий лекарственных растений в шугнанском и английском языках:

1. Основными типами структурных моделей фитонимов являются: простые слова, производные, сложные, сложносuffixальные образования, несколькословные комплексы и фразы. Отсутствуют такие способы номинации, как конверсия, усечение и изменение корня слова, аббревиация, что можно объяснить разными причинами. Прежде всего, они относятся к второстепенным способам образования слов. Специфический характер нашего лексического материала с большим количеством мотивированных слов требует ясности их распознавания, что не всегда возможно при усечении основ и различных аббревиатурах.

Проведенный нами ономаσιологический анализ фитонимов позволяет сделать следующие выводы:

1. Название лекарственных растений представляет собой двух-, трех- и четырехкомпонентные ономаσιологические модели. Двухкомпонентная модель включает один базис и один признак с легко восстанавливаемым атомарным предикатом. Общей ономаσιологической моделью для различных языков является та, поверхностная структура которой состоит из левостороннего базиса и одного признака литературного названия или правостороннего базиса и одного или двух признаков (большинство народных

названий в изучаемых нами языках). Такая модель может представлять собой производное слово, сложное, сложносuffixальное образование и несколько-словный комплекс.

2. Формально зона базиса может строиться за счет суффиксов и полнозначных слов, экзоцентрических композитов и сложных базисов. Категориально большинство базисов можно разделить на две группы: в имена растений включены родовидовые, гипо-гиперонимические отношения, что подразумевает используемую часть растения (трава, цветок, лист, корень и пр.), ботаническую часть растения (шип, колючка, побег, ветка и пр.): в обозначении растения используются такие лексические классы, как артефакт, лицо, существо, чувство, состояние, свойство и ряд других лексических категорий. Самым частотным базисом во всех рассматриваемых нами языках является название растения; высокой частотностью характеризуется такой базис, как используемая часть лекарственных растений, в языках - лицо, вещество, чувство. В литературной и народной лексике существуют четкие закономерности распределения лексических классов базисов.

3. Признаковая зона фитонимов имеет свои структурные и семантические особенности. Большой пласт лексики содержит признаки, необходимые для опознания и локализации лекарственных растений (признаки внешнего вида и локативы), эффективности применения (оценочные), предупреждения об опасных свойствах растения, а также эмоционально-экспрессивные. Признаки внешнего вида служат для обозначения формы, цвета и размера лекарственных растений, времени его цветения. Оценочные признаки характеризуют физические свойства растения, его функциональное предназначение, лечебные и другие свойства, эффективность применения и пр. Эмоционально-экспрессивные признаки представляют просторечный слой лексики. Все эти признаки приписываются базису при помощи композиционного, компаративного, каузативного, темпорального и других предикатов.

4. Опираясь на полученные нами данные, мы можем говорить об определенной зависимости между видом признака и его количественными характеристиками. Как отмечалось выше, для многих названий лекарственных растений, представляющих собой сложные, производные слова, несколькословные комплексы, характерно наличие нескольких признаков при одном базисе. Если ономаσιологическая модель фитонима включает только один признак, то он в большинстве примеров является оценочным, два же признака являются оценочными и признаками внешнего вида. Если ономаσιологическая модель фитонима содержит только один признак внешнего вида, то он служит для обозначения формы, если два - то это форма и цвет, если три - форма, цвет и собственно внешний вид. Если ономаσιологическая модель фитонима содержит только один оценочный признак, то он характеризует физические свойства растения, если два - тогда физические свойства и собственно оценочные признаки, если три - то физические свойства и собственно оценочные признаки и признак функционального предназначения.

5. Специфический характер исследуемой нами лексики связанной с лечебной деятельностью человека, дал возможность исследовать названия лекарственных растений в контексте семантических падежей, которые способствуют идентификации растения на основании его свойств, зафиксированных не только в признаках, но и в базисах.

6. Анализ словообразовательной и ономаσιологической структуры фитонимов позволяет реконструировать номинативную деятельность человека и установить некоторые принципы номинации, которые формируются на основе обобщения мотивировочных признаков уже известных растений и служат базой для новых наименований.

7. Проведенный нами ономаσιологический анализ выявил большое число лексических классов базисов и разнообразные признаки, приписываемые базису, однако он не объяснил ни наличие такого большого числа классов базисов (в шугнанском народных названиях травянистых

лекарственных растений (ТЛР) - несколькословные комплексы), ни их нередко неожиданную семантику (когда имя растения называется через лицо, вещество, явление природы и т.д.). Неясной была и причина появления сочетаний разнообразных признаков в одном имени растения, представленном той или иной структурной моделью. Чтобы получить ответить на эти и другие многочисленные вопросы, мы провели когнитивный анализ нашего пласта лексики, подвергая рассмотрению и другие выявленные нами словообразовательные модели, такие, как простые слова и отчасти фразы. Мы имеем все основания полагать, что мотивированность выявленных нами базисов и признаков связана с когнитивной деятельностью человека и соотносится со своеобразными мини фрагментами концептуальной картины мира. Названия лекарственных растения выступают как инвентарь, необходимый для формирования наивной картины мира. Чтобы объяснить, почему растение называется через другое понятие, мы сделали когнитивную интерпретацию таких классов, что привело нас к следующим выводам.

8. Мы выделяем несколько больших групп мотивировочных признаков, лежащих в основе номинации лекарственных растения. В названиях травянистых лекарственных растения в группе признаков внешнего вида форма описывается при помощи таких базисов, как артефакт, часть тела животного, часть тела, лица, часть тела, животное, объект природы, вещество; особенности строения - через часть тела лица, чувство, лицо, участок местности, состояние, свойство характера; собственно внешний вид - через существо, животное, насекомое, лицо, часть тела, часть тела животного, артефакт; цвет - через явление природы, металл, пищевые продукты, вещество, происшествие (пожар), прочие (огонь). В названиях ЛРК форма описывается через артефакт, часть тела лица, часть тела, пищевые продукты; собственно, внешний вид - через животное, часть тела животного, вещество, прочие (стружка); особенности строения - через часть тела животного и прочие (стружка).

9. Другая большая группа мотивировочных признаков - оценочные. В названиях ТЛР они представлены наиболее полно; собственно оценка передается через такие базисы, как средство, чувство, состояние, лицо, вещество, объект природы, и прочие (зелье, троица, милость, дар); физические свойства - через напиток, ткань, животное, вещество, продукты, животное; целебные свойства - через артефакт; полезные свойства - через пищевые продукты, вещество и напиток; функциональное назначение - через часть тела лица, вещество и прочие (зелье); объект воздействия - через конкретную болезнь. В названиях ЛРК можно выделить такие оценочные признаки, как собственно оценка, описанная через лицо, эффективность воздействия - через класс прочие (победа); объект воздействия - через часть тела лица; физические свойства - через вещество и артефакт; функциональное предназначение - через минерал, напиток, артефакт и материал. И, наконец, малочисленная, но важная группа признаков предупреждения об опасных свойствах растения включает в названиях ТЛР и ЛРК такой класс базиса, как состояние, а в названиях ТЛР еще также средство и вещество. Все перечисленные выше лексические классы являются образцом архаического мышления, основанном на метафоре и метонимии.

10. Когнитивный подход к терминосистеме «Лекарственные растения» позволил также реконструировать этапы когнитивной и практической деятельности человека, принципы восприятия и категоризации мира. Названия ЛР позволяют описать языковую картину мира, присутствующую в сознании говорящего и организующую его внутренний лексикон. Систематизация в терминах когнитивной лингвистики литературных и народных названий ТЛР и ЛРК дает возможность установить, какая именно часть знаний о лекарственном растении отражена в его названии и какие именно признаки кладутся в основу номинации в каждом из рассматриваемых языков. Такими важными признаками являются оценочные и признаки внешнего вида.

11. Отправной точкой когнитивной деятельности человека является получение первичной информации по зрительному, тактильному,

обонятельному, вкусовому и слуховому каналам. Чтобы получить суждение об объекте, его нужно осмотреть, изучить на ощупь, иногда попробовать на вкус. Одной из особенностей нашего лексического материала является отражение сочетаний различных каналов в названии ЛР при несомненном приоритете зрения. Благодаря зрению во всех языках идентифицируется место произрастания растения, в большинстве языков - форма и цвет. Метонимический перенос основан на ассоциации по смежности между растением и его частью, временем цветения и сбора, названием болезни, местом произрастания и ряда других характеристик. Общая стратификация обширного пласта лексики, установление в ней мотивированных и немотивированных слов позволило нам реконструировать лечебную деятельность человека, которая лежит в основе современной научной медицины. Результаты познавательной и классифицирующей деятельности человека находят свое выражение в системе номинаций, которая может быть прямой и косвенной. Называя предмет, человек классифицирует его и относит к определенному классу. Количество таких классов обусловлено совокупностью знаний и представлений об окружающем мире. Отсюда следует, что название ЛР можно представить, как когнитивную модель деятельности человека, отражающую сумму знаний человека не только о конкретном растении, но и о процессе познания внешнего мира в ходе исторического развития. Эта деятельность носит универсальный характер и одновременно национально специфична. Ономасиологический и когнитивный анализ фитонимов позволил установить, с помощью каких языковых форм представлена изучаемая нами лексика в сопоставляемых языках. Поскольку в этой лексике большую роль играют мотивированные языковые формы, часть нашего языкового материала необходимо было подвергнуть более тщательному анализу с ономасиологической точки зрения, то есть по зафиксированным в ономасиологических структурах названиям вполне определенных содержательных характеристик.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. **Абаев, В.И.** Историко-этимологический словарь осетинского языка [Текст] / АН СССР. Ин-т языкознания. - Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР. Л. 1958 – 659 с.
2. **Абаев, В.И.** Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т.3.Л.,1979. - 584с.
3. **Аламшоев.М.М.** Система местоимений шугнанского языка (в сравнении с другими языками). Хорог, 1994. - 304 с.
4. **Аламшоев М.М.** Отраслевой словарь шугнанского языка (животноводство). Санкт-Петербург, 2002. с.165.
5. **Алексеев, А.Б.** Лингво-коммуникативная характеристика именной суффиксации современного французского языка: Дис. д-ра филол., наук. - Днепропетровск, 1992. - 439 с.
6. **Алексеев, Е. Б.** Ботаническая номенклатура / Е. Б. Алексеев, И. А. Губанов, В. Н. Тихомиров. - М.: Изд-во МГУ, 1989. - 166 с.
7. **Алиджанов, Т.М.** Сельскохозяйственная (земледельческая) лексика лезгинского литературного языка: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.02 / Дагестан. гос. пед. ун-т. - Махачкала, 2003. - 21с.
8. **Ананьев, Б.Г.** Теория ощущений [Текст] / Ленингр. ордена Ленина гос. ун-т им. А. А. Жданова. - Ленинград: Изд-во Ленинград. ун-та, 1961. - 456 с.
9. **Ананьев Б.Г., Веккер Л.М.** Осязание в процессах познания и труда. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1959. - 263 с.
10. **Андреев, М.С., Пещерева, Е.М.** Ягнобские тексты. С приложением ягнобско-русско словаря, составленного М.С.Андреевым, В.А. Лившицем и А.К. Писарчик. М.-Л., 1957. -392с.
11. **Андреев, М.С.** Таджики долины Хуф (Верховья Аму-дарьи). Вып. I. Сталинабад, 1958. - 251с.
12. **Андреев, М. С.** Материалы по этнографии Ягноба [Текст]: (Записи 1927-1928 гг.) / Подготовила к печати, ред. [и авт. предисл.] А. К. Писар. - Душанбе: Дониш, 1970. - 192с.
13. **Андреев, М.С.** По этнологии Афганистана. Долина Панджшир. Таш., 1927. /101с.
14. **Андреев, М.С.** Таджики долины Хуф (Верховья Амударьи). Вып. I. Сталинабад 1953., - 251с.
15. **Андреев, М.С.** Таджики долины Хуф (Верховья Амударьи). Вып. 2. Подготовлен к печати и снабжен примечаниями и дополнениями А.К. Писарчик. Сталинабад, 1958. 524 с.
16. **Анопина, О.В.** Английские тексты, рекламирующие косметику: информационный фрейм. Черкассы: Черкаськийдерж. ун-т, 1997. 16с.
17. **Апресян, Ю.Д.** Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. М.1995. - №1. – 67с.

18. **Арзумнов, С. Д., Ахрори Х. А; Бегдуди М. и др.;** Русско-Таджикский словарь: - Под ред. М.С. Асимова.: Рус.яз., 1985. – 1280 с.
19. **Арнольд, И.В.** Лексикология современного английского языка. М.-Л.: Просвещение, 1966. – 346с.
20. **Арнольд, И. В.** Семантическая структура слова в современном английском языке и методика ее исследования [Текст]: (На материале имени существительного). - Ленинград: Просвещение, 1966. - 192 с.
21. **Арнольд, И.В.** Эмоциональный, экспрессивный, оценочный и функционально-стилистический компоненты лексического значения // XXII Герценовские чтения / Межвузовская конференция. Краткое содержание докладов. Ленинград, 1970. - с.87-90.
22. **Арутюнова, Н.Д.** К проблеме функциональных типов лексического значения//Аспекты семантических исследований. М.: Наука, 1980. - 354 с.
23. **Арутюнова, Н.Д.** Метафора и дискурс // Теория метафоры. Сборник. / Общ. ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журиной. М.: Прогресс, 1990. - 512 с.
24. **Арутюнова, Н.Д.** Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. -М.: Наука, 1988. - 341 с.
25. **Арутюнова, Н.Д.** Языковая метафора. -М., 1990. с. 5-32. //Лингвистика и поэтика. -М.,1979. - с. 168.
26. **Архарова, Д.И.** Выражение категории субъективной оценки в качественных прилагательных и наречиях (на материале среднеуральских говоров): Автореф. дис... канд. филол наук. Диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.01. - Москва, 1983. - 308 с.
27. **Арьянова, В.Г.** О способах номинации растений в среднеобских говорах // Материалы научной конференции молодых ученых вузов г. Томска. - т.2. -Томск: Изд-во Томского ун-та, 1968. – 383 с.
28. **Арьянова, В. Г.** Фитонимика говоров Среднего Приобья: (Структурно-семант. характеристика): автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.01 / Том. гос. ун-т им. В. В. Куйбышева. - Томск, 1989. - 24 с.
29. **Асланов, М. Г.** Афганско-русский словарь (пушту) [Текст]: 50 000 слов / Сост. М. Г. Асланов; Под ред. Н. А. Дворянкова; АН СССР. Ин-т народов Азии. Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. - Москва: Сов. энциклопедия, 1966. - 994 с.
30. **Ахманова, О.С.** Словарь лингвистических терминов. Москва: - 1969, 607 с.
31. **Ахундов, М. Д.** Концепции пространства и времени: истоки, эволюция, перспективы / М. Д. Ахундов. - М.: Наука, 1982. - 222 с.

32. **Ашиток, Н. И.** Псковско-прикарпатские фитонимические параллели: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.01. - Киев, 1988. - 259 с.
33. **Бабушкин, А. П.** Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка / А. П. Бабушкин. - Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1996. – 103 с.
34. **Баранов, П.А., Гурский, А.В., Остапович, Л.Ф.** Земл. ГБАО, Земледелие и сельскохозяйственные культуры Горно-Бадахшанской автономной области таджикской ССР. Т.2. Душанбе, Изд. Во АН Тадж. ССР. -1964. -Т.2. -206 с.
35. **Баранов, Г.С.** Роль метафоры в теоретическом познании и репрезентации социальной реальности (философский анализ): автореферат дис. ... доктора философских наук: 09.00.01. - Новосибирск, 1994. - 36 с.
36. **Баранов, П.А; Райкова. И.** Дарваз и его культурная растительность / П. Баранов, И. Райкова. - Ташкент: 1928. - 111 с.
37. **Бартольд, В.** Отчет о поездке в средней Азии 1893-94, СПб серии УИ, том I № 4, 1897. 198 с.
38. **Бахтеев, Ф.Х.** Важнейшие плодовые растения [Текст]. - Москва: Просвещение, 1970. - 351 с.
39. **Бахтеев Ф.Х.** Очерки по истории и географии важнейших культурных растений. Пособие для учителя. М., 1960. – 365 с.
40. **Бахтибеков, Т.** Грамматикаи забони шугнонӣ. Душанбе 1979. - 144с.
41. **Беруни(Бируни) Абу Райхан.** Избранные произведения. Том IV. Фармакогнозия в медицине (Китаб Ас-Сайдана Фи-Т-Тибб). Исследование, перевод, примечания и указатели У.И.Каримова. Ташкент ФАН 1974. - 1120 с.
42. **Бичурин Н.Я.** Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена [Текст] / Н. Я. Бичурин (Иакинф); [Ред. текста и коммент. А. Н. Бернштама и Н. В. Кюнера]; [Вступ. статьи: А. Н. Бернштам. «Н. Я. Бичурин (Иакинф) и его труд «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена», с. V-LV - Н. В. Кюнер «Работа Н. Я. Бичурина (Иакинфа) над китайскими источниками для «Собрания сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена», с. LVI-LXXXVI]; Акад. наук СССР. Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. - Москва; Ленинград. - 1950. - 335 с.
43. **Булбулшоев У.** Микротопонимика Шохдары. АКД, Санкт-Петербург, 2005. 20с.
44. **Вавилов, Н. И.** Избранные труды [Текст]: В 5 т. / Акад. Н. И. Вавилов; [Ред. коллегия: чл.-корр. АН СССР П. А. Баранов., акад. В. Н. Сукачев (глав. ред.)]; Акад. наук СССР. - Москва; Ленинград: Изд-во Акад. наук СССР, 1959-1965. - Т.2. М.-Л., 1960. - 429с.

45. **Вавилов, Н.И.** Центры происхождения культурных растений - Л.: Тип. Им. Гутенберга 1926. – 248с.
46. **Вавилов, Н.И., Букинич Д.Д.** Земледельческий Афганистан. - Л, 1929. - 610с.
47. **Вавилов, Н.И.** Избранные труды. Т.4. М.-Л., 1964. - 429 с.
48. **Васильев, Л.М.** Современная лингвистическая семантика: [Учеб. пособие для вузов по спец. «Рус. яз. и лит.», «Прикл. математика»] / Л. М. Васильев. - М.: Высш. шк., 1990. - 175 с.
49. **Васильев Л.М.** Семантика русского глагола. 1971. с.105-113.
50. **Виноградов, В. В.** О языке художественной литературы [Текст]. - Москва: Гослитиздат, 1959. - 657 с.
51. **Гак, В. Г.** Сопоставительная лексикология [Текст]: На материале фр. и рус. яз. / В.Г. Гак. - Москва: Междунар. отношения, 1977. - 264 с.
52. **Гамкрелидзе - Иванов.** Древняя Передняя Азия и Индоевропейская проблема. Временные и ареальные характеристики общеиндоевропейского языка по лингвистическим и культурно-историческим данным. М.: Наука // ВДИ. 1980. 49. с. 3-30.
53. **Глазунова, Е.М., Гачечиладзе Н.Д., Бондарь В.В.,** Биохимическая характеристика плодов *Nipropthaerhamnoides* L. Произрастающей на Западном Памире - Растительные ресурсы. Т. XX, вып.2, 1964. 274 с.
54. **Головин, Б.Н.** Лингвистические термины и лингвистические идеи. Изд. Под руководством Отделения историко-филологических наук. М., 1976. № - 3. - с. 20-34.
55. **Гордон Т.Е.** Крыша Мира (на англ.яз.) Единбург. 1876. - 172 с.
56. **Грюнберг А.Л.** Языки восточного Гиндукуша. Мунджанский язык. Тесты, словарь грамматический очерк. Л., 1972. - 474с.
57. **Грюнберг А.Л. Стеблин-Каменский И.М.** Языки восточного Гиндукуша. Ваханский Язык. Тесты, словарь, грамматический очерк. М., 1976.-670 с.
58. **Давлатбеков Н.** Доисламские верования населения Западного Памира. Душанбе, 1995.- с.76.
59. **Давлатмирова М. Б.** Особенности арабских заимствованных слов в языках шугнано-рушанской группы в сравнительно-историческом освещении. Душанбе, 2004. с. 70.
60. **Демидова К.И.** Особенности семантики глаголов с включенными. актантами в литературном языке и говорах / К.И. Демидова, Т.А. Злыденная // Вестн. Южно-Уральского гос. ун-та. ... Э.В. Кузнецова (отв. ред.). – Свердловск: Изд-во УрГУ, 1982. – 152 с.
61. **Дехоти, А.П.** Русско-таджикский словарь [Текст]: 45 000 слов / Гл. ред. Е. Э. Бертельс; Тадж. филиал АН СССР, Ин-т истории, языка и литературы. - Москва; Гос. изд-во иностр. и нац. словарей;

- Сталинабад: Таджикгосиздат, 1949 (М.: Образцовая тип. им. Жданова). - 880 с.
62. **Джамshedов П.** Таджикско английский словарь (Фарҳанги тоҷикӣ ба англисӣ)., Душанбе. “Эджд”, - 2008. 978с.
 63. **Дмитриев Л.В.** Из этимологий названий растений в тюркских, монгольских и тунгусо-манчжурских языках // Исследования в области этимологии алтайских языков. Ленинград, 1979. - с.190.
 64. **Додыхудоев, Р.Х.** Памирская микротопонимия [Текст]: (Исследования и материалы) / Под ред. Л. Г. Герценберга; М-во нар. образования Тадж ССР. Тадж. гос. ун-т им. В. И. Ленина. - Душанбе: Ирфон, 1975. - 163 с.
 65. **Додыхудоев Р.Х.** Материалы по исторической фонетике шугнанского языка [Текст] / Под ред. кандидатов филол. наук С. Н. Соколова и Д. Т. Таджиева; М-во нар. образования Таджик. ССР. Таджик. гос. ун-т им. В. И. Ленина. - [Душанбе] : [б. и.], [1962]. - 52 с
 66. **Додыхудоева Л.Р.** Шугнанский глагол в историческом освещении. Душанбе, Дониш - 1988. 198с.
 67. **Дяков А.М.** Языки советского Памира. кн., Москва., 1931. - с. 87.
 68. **Ершов Н.Н, Кампамапцев Н.Н.** О табибской медицине на Памире. // Бюллетень Узбекского института экспериментальной медицины, вып. 14, Ташкент, 1939. -78с.
 69. **Жуковский П.М.** Культурные растения и их сородичи. Систематика, география, цитогенетика, иммунитет, экология, происхождение, использование. Изд. 3-е. Л., 1971. - 752с.
 70. **Залеман, К. Г.** Шугнанский словарь Д.Л. Иванова [Текст] / К. Г. Залеман. - Санкт-Петербург: Тип. Имп. акад. наук, 1895. - С. 268-320.
 71. **Запругаева В.И.** Дикорастущие плодовые Таджикистана. – «Труды ботанического института АН СССР». Т.21. М.-Л., 1964. - 694 с.
 72. **Зарубин, И. И.** Материалы и заметки по этнографии горных таджиков: Долина Бартанга /И.И. Зарубин. - Петроград: тип. Рос. акад. наук, 1917. -148с.
 73. **Зарубин, И.И.** К истории Шугнана - «Доклады Акад. наук СССР», 1926. с.19-22.
 74. **Зарубин И.И.** Вершикское наречие канджутского языка. Очерк по диалектологии Гиндукуша. - ЗКВ. Т. 2, вып.2. Л.,1927, - 275-364.
 75. **Зарубин И.И.** К характеристике мунджанского языка (из материалов по иранской диалектологии). ... Л. Изд-е АН СССР. 1927. - 200 с.
 76. **Зарубин И.И.** К списку памирских языков // Доклады Российской Академии Наук. Серия Б. - 1924. - с.79-81.
 77. **Зарубин И.И.** Бартангские и рушанские тексты и словарь.; Изд-во: АН СССР, М.-Л., 1937. - 96с.
 78. **Зарубин И.И.** Шугнанские тексты и словарь. М.-Л., 1960. - 387с.

79. **Зоолшоева Ш.** Цветообозначение в шугнано - рушанском языке в этнолингвистическом освещении. АКД, Санкт-Петербург, 2005, - 148 с.
80. **Иванов, Д.Л.** Шугнан. Афганские очерки. – Вестник Европы СПб т.3 кн 6, 1885. - С 612 – 58.
81. **Казиева, Назифат.** Фитонимическая лексика Табасаранского языка. Махачкала, 2009. -153 с.
82. **Карамхудоев, Н.** Бартангский язык [Текст]: (Фонетика и морфология) /Отв. ред. проф. А.Л.Хромов и доц. Н. Бозидов. - Душанбе: Дониш, 1973. - 366 с.
83. **Карамшоев Д.** Обозначение родовыми формами объема предмета в памирских языках // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XVI годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР (доклады и сообщения). Часть 2. М.: Наука, ГРВЛ, 1982. с. 81-83.
84. **Карамшоев, Д.К.; Герценберг Л.Г.** Синтаксис простого предложения язгулямского языка; АН ТаджССР, Ин-т яз. и лит. им. Рудаки. - Душанбе: Дониш, 1990. - 188 с.
85. **Карамшоев Д.** Шугнано – русский словарь: Ок.30000 слов и словосочетаний: в 3т. / Под ред. А.Л.Грюнберга; [АН СССР, Ин-т востоковедения, АН Тадж СССР, Ин-т яз. и лит. им. Рудаки]. – М.: Наука, 1988 -. – 22 см. Т1: А-З. -1988. - 575с.
86. **Карамшоев Д.** Шугнано – русский словарь: Ок. 30000 слов и словосочетаний: в 3т. Том 1 А-З / Под ред. А.Л.Грюнберга. – М.: Наука; Главная редакция восточной литературы, 1991. – 576 с.
87. **Карамшоев Д.** Шугнано – русский словарь: Ок.30000 слов и словосочетаний: в 3т. Том 2/ Под ред. А.Л.Грюнберга. – М.: Наука, 1991. – 616 с.
88. **Карамшоев Д.** Шугнано – русский словарь: Ок.30000 слов и словосочетаний: в 3т. / Под ред. А.Л.Грюнберга; - М.: Издат. Фирма «Восточная лит» РАН, 1999. – 567с.
89. **Карамшоев, Д.** Баджувский диалект шугнанского языка [Текст]: Автореферат дис. на соискание ученой степени кандидата философских наук / Акад. наук СССР. Ленингр. отд-ние Инта языкознания. - Ленинград: 1963. - 366 с.
90. **Карамшоев Д.** Категория рода в памирских языках: (Шугнано-рушан. Группа). – Акад. наук Тадж СССР Инт языка и литературы им. Рудаки.: Душанбе: Дониш – 1978. - 356с.
91. **Карамшоев Д., Харкавчук И.** Пограничники и жители Памира. – Душанбе: Пайванд, -1995. – 148с.
92. **Карамшоев Д.** Словарь памирских личных имен. Том 5 / под общ. Ред. Ш.П. Юсуфбекова; Ред. М. Аламшоев, П. Джамшедов. – Душанбе, - 2015. – 361с.

93. **Карамшоев Д.** Категория рода в памирских языках: (Шугнано-рушан. Группа) / Отв. Ред. В.А. Лившиц, Стеблин И.М. – Акад. наук Тадж ССР Инт языка и литературы им. Рудаки.: Душанбе: Дониш – 1986. 356с.
94. **Карамшоев Д.** Русско-Шугнанский словарь: Том 4. На основании данных 3-томного Шугнано-русского словаря / Под ред. Академика РАН И.М. Стеблин-Каменского. – Душанбе: Главная научная редакция Таджикской национальной энциклопедии. – 2005. – 278с.
95. **Киселева Л.Н.** Дари-русский словарь: ДРС, 21000 слов / Л. Н. Киселева, В. И. Миколайчик; Под руками. Л. Н. Киселевой; АН СССР, Ин-т востоковедения. - 2-е изд., стер., с прил. новых слов. - М.: Рус. яз., 1986. - 752 с.
96. **Комарова, З.И.** Методология, метод, методика и технология научных исследований в лингвистике: Учебное пособие. – Екатеринбург: Изд-во Ур-ФУ, 2012. - 817с.
97. **Коновалова Н. И.** Словарь народных названий растений Урала. Уральский госпедуниверситет 2000: - 234 с.
98. **Коржинский, С.И.** Отчет о командировке в Дарваз, Шугнан и Рушан. - Известия АН СПб 1897. серия 5. Т.17. - С. 52-53.
99. **Курбанов, Х.** Рошорвский язык [Текст] / Отв. ред. Р. Х. Додыхудоев и Д. Карамшоев; АН Тадж. ССР. Ин-т языка и литературы им. А. Рудаки. - Душанбе: Дониш, 1976. - 312 с.
100. **Кушкеки, Б.** Катаган и Бадахшан. Каттаган и Бадахшан: Данные по географии страны, естественно-историческим условиям, населению, экономике и путям сообщения: С 34 карт. / Бурхан-уд-Динхан-и-Кушкеки; Пер. с перс. П. П. Введенского, Б. И. Долгополова и Е. В. Левкиевского, под ред., с предисл. и примеч. А. А. Семенова; О-во для изучения Таджикистана и иранск. народностей за его пределами. – Ташкент, 1926 ([тип. Востказгосиздата]). – XIV. - 248 с.
101. **Мамадасламов М.** Система предлогов в шугнано-рушанской группе памирских языков. Душанбе, 1999. – 65с.
102. **Меркулова В.А.** О некоторых принципах этимологии названий растений. – «Этимология.1965. М.: Наука. – 87с.
103. **Мирбобоев А.** Лексика животноводства ваханского языка. АКД Душанбе. 1991. 200с.
104. **Мирзобдинова, С.** Шевои Хуфй забони Рушонӣ. Душанбе 1983. – с.42-58.
105. **Мирзоев Зайналобиддин.** Спортивная Терминология в таджикском и английском языках: Дисс. канд. филол. наук. Душанбе., 2005. - 202.с.
106. **Мирзоев Ш.** Синонимия шугнанского языка. АКД, Душанбе,- 1999. - 230 с.

107. **Миршакарова, З.М.** Именное словообразование в шугнано-рушанской группе языков. АКД, Москва, 1988. 26с.
108. **Мухиддинов, И.** Земледелие памирских таджиков Вахана и Ишкашима в XIX-начале XX в. (историко-этнографический очерк). М., 1975. - 127с.
109. **Мюллер, В.К.** Англо-Русский словарь. Изд. «Советская Энциклопедия»., Москва- 1970. - 912 с.
110. **Наврузшоев, А. Мухаммадшерзодшоев Ш. Джонбобоев Н.,** Словарь лекарственных растений (Фарҳанги набототи шифой). г. Хорог -1993. - 44с.
111. **Наделяев В.М.; Насилов Д.М.; Тенишев Э.Р.; Щербак А.М.** Древнетюркский Словарь. ДТС. Издательство «Наука». -Л., 1969. – 676 с.
112. **Назарова З. О.** Отражение некоторых традиций, в памирских фразеологизмах. // Вопросы памироведения. вып.5, Душанбе, 2003. с.39.
113. **Назарова З.О.** Реликты древних верований в этнокультурном контексте. // Ирано-Славика № 2 ,2004. с.75.
114. **Насрадиншоев А.** Микротопонимияи Помири Шарқӣ, Душанбе, 2005. - с.125.
115. **Ожегов С.И.** Словарь русского языка- М.: Русский язык., 1987. - 797с.
116. **Оранский И. М.** Иранские языки в историческом освещении. М., 1979. -237 с.
117. **Офаридаев Н.** Ойконимҳои Кухистони Бадахшон, Душанбе, 2002. - с163.
118. **Панасенко, Н.И.** Когнитивно - ономастологическое исследование языка. Опыт сопоставительного анализа названий лекарственных растений. Москва., 2000. - 972 с.
119. **Партоев К. Каримов И.И. Зеваршоев А.** Тавсиф ва дастрасӣ ба таҷрибаҳои марумӣ ва навҳои нодири зироатҳои кишоварзӣ. Душанбе- 2016. - 93с.
120. **Пахалина Т.Н.** Памирские языки. - М. 1969. – 162 с.
121. **Пахалина, Т. Н.** Ваханский язык [Текст] / Т. Н. Пахалина; АН СССР, Ин-т языкознания. - Москва: Наука, 1975. - 341с.
122. **Пахалина Т.Н.** Исследования по сравнительно-исторической фонетике памирских языков. Москва 1983. - 254с.
123. **Пахалина Т. Н.** Сарыкольско-русский словарь. М. 1971. – 312с.
124. **Персидско – русский словарь в двух томах.** ПРС., Под редактором, Рубинчика Ю.А. М., 1970. - 1566с.
125. **Писарчик А.К.** Рушанские тексты [Текст] / Ин-т языка и литературы Акад. наук Таджик. ССР. - Сталинабад; Ленинград: [б. и.], 1954. -90 с.

126. **Покровский М.М.** Русская история в самом сжатом очерке / М. Покровский Двадцатый век. Вып. 1. 1896-1906 гг. с.21.
127. **Путята.** Очерки экспедиции на Памир, Сарыкол, Вахан и Шугнан, СПб вып. X, 1884. - с. 43.
128. **Расторгуева В.С.** Этимологический словарь иранских языков т.3. «Восточная литература», М., 2007. - 493 с.
129. **Расторгуева В.С.** Очерки по таджикской диалектологии. Вып. 5 (таджикско – русский диалектный словарь) М., 1963. - 250 с.
130. **Рахимов М.Р.** Земледелие таджиков бассейна р. Хингоу в дореволюционный период (историко-этнографический очерк). – «труды Института истории, археологии и этнографии АН таджикской ССР». Т.43. Сталинабад, 1957. - 220 с.
131. **Рахими. И.** Язгулямская этнографическая лексика в историческом освещении, Душанбе, 1990. с. 249.
132. **Регель А.** Путешествие в Шугнан – известия русского географического общества, т. 20 отц. 2, - 1844.
133. **Реформатский А.А.** Введение в языковедение: Учебник для вузов. - М.1947. - 544с.
134. **Розенфельд А.З.** Бадахшанские говоры таджикского языка. Ленинград 1971. - 192 с.
135. **Розенфельд А.З.** Ванджские говоры таджикского языка. Ленинград., 1964. - 149 с.
136. **Сайфиддин Назарзода, Ахмаджон Сангинов, Саид Каримов, Мирзо Хасани Султон.** Фарҳанги Тафсирии забони тоҷикӣ., - I-II. Душанбе - 2008., 949с.
137. **Садриддин Насриддиншоев.** Нӯшдору. Душанбе. Издательство Сарбоз. 2017. 364стр.
138. **Севортян, Э.В.** Этимологический словарь тюркских языков (Общетюркские и межтюркские основы на гласные). М.: Наука, 1974. - 768 с.
139. **Серебренников, А. Г.** Очерк Шугнана //Военный сборник, т.226, - №. 12. – СПб., 1895. – С. 422 - 428.
140. **Соколова, В. С.** Генетический отношения язгулямского языка и шугнанский языковой группы. Ленинград 1967. - 248с.
141. **Соколова, В.С.** Генетический отношения мунджанского языка и шугнано-язгулямской языковой группы. Ленинград 1973. - 248с.
142. **Стеблин-Каменский, И.М.** Очерки по истории лексики памирских языков: Назв. культ. растений / И. М. Стеблин-Каменский. - М.: Наука, 1982. - 167 с.
143. **Сухачев, Н.Л.** Некоторые размышления о специфике цветообозначений в латинском и романских языках. //СПб. 2001. -123 с.
144. **Таджики Каратегина и Дарваза.** Вып. ТКД, I. Душ., 1966. - 379с.

145. **Таджики Каратегина и Дарваза.** Вып. ТКД, 2. Душ., 1970. - 313с.
146. **Таджики Каратегина и Дарваза.** Вып. ТКД, 3. Душ., 1976. - 239с.
147. **Федченко Б.А.** Памир и Шугнан – Известия русского географического общества, СПб. т. 38 вып.3, 1902. том 30вып. I, с.273-305.
148. **Филин, Ф.П.** Происхождение русского, украинского и белорусского языков [Текст]: Ист.-диалектол. очерк / АН СССР. Ин-т рус. яз. - Ленинград: Наука. Ленингр. отд-ние, 1972. - 655 с.
149. **Хушенова С.В.** О структурных типах фразеологических единиц шугнанского языка // Памирские языки фольклор. Душанбе, 1972. с.118.
150. **Хушенова С.В.** Формирование лексики памирских языков (на примере шугнанского языка) // Развитие языков в странах зарубежного Востока (послевоенный период). М., 1983. с.175.
151. **Цойгнер, Г.** Учение о цвете [Текст]: (Попул. очерк) / Сокр. пер. с нем. доц. Э. Н. Зеликиной; Науч. ред. канд. архитектуры Г. Г. Борис. - Москва: Стройиздат, 1971. -159 с.
152. **Шанский Н.М.** Фразеология современного русского языка. –М.: Высшая школа, 1985. – 160с.
153. **Шемякин Ф.Н.** К вопросу об отношении слова и наглядного образа (цвет и его название). // Изв.Акад. пед. наук РСФСР, вып. 113, М., 1960. -112с.
154. **Шмелёв, Д. Н.** Современный русский язык [Текст] : Лексика : [Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. № 2101 «Рус. яз. и литература»] / Д.Н. Шмелев. - Москва : Просвещение, 1977. - 335 с.
155. **Шмелёв Д.Н.** Очерки по семасиологии русского языка. 1964. 243с.
156. **Шмелёв Д.Н.** Слово и образ. М.- 1964, 120 с.
157. **Шукуров, Ш.М.** Система цветовых обозначений «Шахнаме» // Фирдоуси и ранняя иллюстративная традиция. М., 1983. -111с.
158. **Шохзодамухаммад М. Тибби Шохзодамухаммад.** г. Хорог, 1993, - 170 с.
159. **Эдельман Д.И.** К субстратным наследиям центрально-азиатского языкового союза. -М.1980. – с.21-32.
160. **Эдельман, Д.И.** Основные вопросы лингвистической географии [Текст]: На материале индоиран. яз. / АН СССР. Ин-т языкознания. - Москва: Наука, 1968. - 112 с.
161. **Эдельман, Д.И.** Сравнительная грамматика восточноиранских языков. Фонология / Д. И. Эдельман; Отв. ред. В. И. Абаев; АН СССР, Ин-т языкознания. - М. "Наука"1986. – 232стр.

162. **Эдельман Д.И.** Шугнано-рушанская языковая группа // Основы иранского языкознания, М., 1987. с.289.
163. **Эдельман, Д. И.** Лингвистический энциклопедический словарь / [Науч.-ред. совет изд-ва "Сов. энцикл.", Ин-т языкознания АН СССР]; Гл. ред. В. Н. Ярцева. - М.: Сов. энцикл., 1990. - 682 с.
164. **Эдельман Д.И. Юсуфбеков Ш.П.** Шугнанский язык // Иранские языки. Вып. III. Восточно-иранские языки. М., 2000. с. 242.
165. **Эдельман, Д. И.** Этимологический словарь иранских языков М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН. Т. 1: 2000. - 327с.
166. **Юсуфбекова З.** Семья и семейный быт шугнанцев (конец 19-начало 20 в) Душанбе, 2001. - с.182.
167. **Юсуфбеков Ш.П.** Дейктичность в языках шугнано-рушанской группы: Семантико-прагматические аспекты. М., 1998. с.151.
168. **Юсуф Нурали., Саиджон Нодиров., Гиёххони дармонӣ., Баривояти Абуали Ибн Сино.,** Душанбе - 2007, 235с.

Литература на иностранном языке:

169. **Bailey, H.W.** Prolexis to the book of Zambasta. - Kht. Vol. 6, 1967. 443с.
170. **Bailey, H.W.** Indo-Scythian Studies: Being Khotanese Texts. ISBN: 0521119081 ISBN-13(EAN): 9780521119085 Cambridge University Press. -1979. 5291 p.
171. **Buch C.D.** A Dictionary of selected synonyms in the Principal Indo-European Languages. L., 1949. 416p.
172. **Doerfer G.** Turkische Lehnwörter im Tadschikischen. – Abhandlungen für Kunde des Morgenlandes. 37.3.- Wiesbaden, 1967. 101p.
173. **Duchesne-Guillemin J.** Less composés de l’Avesta. P., 1936. 279 p.
174. **Elfenbein. J.** Landa, zor wela! Waneci. – Arch. 1965, 598p.
175. **Friedrich P.** Proto - Indo - European Trees. The Arboreal System of a Prehistoric People. Chicago, USA.1970., /188 p/.
176. **Fussman G.** Atlas linguistique des parlers Dades et Kafirs. T.I (Cartes). T.2 Comentaire). Publications de l’École Française d’Extrême-Orient. Vol. 86.P. 1972. 451p.
177. **Gauthiot R.** Quelques observations sur li menjani. - MSL. Vol. 19, 1915. 153p.
178. **Geiger W.** Zur Kenntnis der Pamir -Dialekte KZ, XXVI11 (Neue Folge, VI11), 1887. Seite.49.
179. **Henning W.B.** Mitteliranisch. -Handbuch der Orientalistik.Abt. I Bd 4. Iranistik. Abschnitt I. Linguistik. Leiden-Köln, 1958, p.109.
180. **Henning W.B.** Zoroaster. Politician or which – doctor Ox., 1951.51p.

181. **Horn P.** Grundriss der neupersischen Etymologie. Strassburg, 1893. 421p.
182. **Hubschmann H.** Persische Studien. Strassburg, 1895. 287p.
183. **Jarring G.** An Eastern Turki-English Dialect Dictionary. Lund, 1964. 338p.
184. **Laurence Urdang.** Thesaurus. A Dictionary of synonym and Antonyms. The Random House. Canada. 1992. 259 p.
185. **Laufer Berthold.** Sino-Iranica. - Field Museum of natural History Publication 201. Anthropological Series. Vol. 15, N3. Chicago, 1919. 630p.
186. **Lorimer D.L.R.** The Vakhi Language. Vol. 1,2. L., 1958. c.73
187. **Mayrhofer.** Iranisches personennamenbuck. Bd I. Die Altiranischen Namen. Wien.1977. 113p.
188. **Mayrhofer M.** Kurzgefasstes Etymologisches Worterbuch des Altindischen. Bd I-3. Heidelberg, 1953-1975. p.816.
189. **Morgensteme G.** Notes on shugni // Norsk Tidskrift for Sprogvidenskap, vol. 1, Oslo, 1928.-P.84.
190. **Morgenstierne G.** (IIFL Vol.1. Parachi and Ormur. Oslo, 1929. Second edition,1973).
191. **Morgenstierne G.** IIFL Vol.2 - Indo-Iranian Frontier Languages, Iranian Pamir languages (Yidgha-Munji, Sangleji-Ishkashemi, and Vakhi). Oslo. 1938. pp.1057-1058.
192. **Morgenstierne G.** An Etymological vocabulary of Pashto. Oslo, 1927. 107p.
193. **Morgensteme G.** Notes on the Pashto Tolana vocabulary of Munji. – AO.Vol. 30 (Iranian Studies presented to Kaj Barr...) 1966, p. 177-188.
194. **Morgensteme G.** The demonstrativ Pronouns in Shugni // Norsk tidskrift for Sprogvidenskap, vol. 12 Oslo 1942. P. 260.
195. **Morgenstierne G.** Etymological Vocabulary of the Shughni Group. EVSH - Beitrage zur iranistik. Bd 6. Wiesbaden, 1974. 120p.
196. **Morgenstierne G.** /Рец. на:/ D.L.R.Lorimer. The wakhi Language. - BSOAS. Vol. 23, 1960.
197. **Morgenstierne G.** Stray Notes on Persian Dialects. - NTS. Vol. 1960. 140p.
198. **Morgenstierne G.** Notes on Bactrian Phonology. - BSOAS. Vol. 33. 1970. 352p.
199. **Morgenstierne G.** Isālif and Other Place names in Afghanistan. - BSOAS. Vol.33, 1970. p. 350-352.
200. **Morgenstierne G.** Irano-Dardica. - Beitrage zur Iranistik. Bd5. Wiesbaden, 1973. 388p.
201. **Morgenstierne G.** IIFL. Vol. 4. The Kalashka language. Oslo, 1973. 255p.
202. **O'Brien.** Grammar and vocabulary of the Khowar Dialect (Chitrali). Lahore, 1895. 175p.

203. **Platts J.T.** A Dictionary of Urdu, Classical Hindi, and English. 5th impression. Oxford University Press, 1930. 1259 p.
204. **Shaw R.B.** On the Shighni (Ghalchah) Dialect //Journal of the Asiatic Societ of Bengal. Vol. 46, 1876. P. 97-125p.
205. **Shaw R.B.** On the Galchah Languages (vakhi and Sarikoli). Reprinted from the jurnal, Asiatic society of Bengal, for 1876. 550p.
206. **Shaw R.B.** On the Shighni (Ghalchah) Dialect //Journal of the Asiatic Societ of Bengal. Vol. 46, 1877. P. 97-125p.
207. **Steblin - Kamensky I.M.** Ethimologycal dictionary of the Wakhi language. S.t. Petersburg. 1999. 478p.
208. **Tomaschek W.** Centralasiatische Studien II. Die Pamir-Dialekte. Wien, 1880. 168p.
209. **Turner, R.L.** A Comparative and Etymological Dictionary of the Nepali Language., London: K. Paul, Trench, Trubner, 1931. 935p.
210. **Turner, R.L.** A Comparative Dictionary of the Indo-Aryan Languages. London 1966. 841p.
211. **Vambery, A.** Essays on Central Asia. typography a. I. Mamontova and Dmitrovka, D. - M., 1868.
212. **Victor Hehn.** Kulturpflanzen und Haustiere in ihrem Übergang aus Asien nach Griechenland und Italien sowie in das übrige Europa: Historisch-linguistische Skizzen, new edition by Otto Schrader. With botanical contributions by Adolf Engler, 6th edn. Berlin 1884, 7th edn. 1902, 8th edn. 1911.